

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Гносеологическая основа российского уголовного процесса.....	14
§1.1. Соотношение понятий «познание» и «уголовно-процессуальное доказывание»... ..	14
§1.2. Диалектическая гносеология российского уголовного процесса и критерии ее выбора	41
Глава 2. Решения в российском уголовном процессе.....	65
§2.1 Понятие решения в российском уголовном процессе.....	65
§2.2 Классификация решений	72
Глава 3. Основания принятия познавательного решения.....	99
§3.1 Доказательство преимущества интеллектуальной стороны процесса принятия познавательного решения.....	99
§3.2. Достаточность как результат взаимодействия законов формальной и диалектической логики при принятии познавательного решения.....	107
§3.3. Уголовно-процессуальная и формально-логическая достаточности в российском уголовном процессе	133
Заключение.....	145
Список использованных источников.....	150
Приложение А	183
Приложение Б.....	190
Приложение В.....	202

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Известно, что отправление правосудия по уголовному делу невозможно без принятия законных, обоснованных и мотивированных решений (ч.4, ст. 7 УПК РФ). Наличие таковых говорит о достижении целей уголовно-процессуальной деятельности, о выполнении назначения российского уголовного процесса. Вместе с тем, факт принятия необоснованных уголовно-процессуальных решений не является секретом. В ходе проведенного нами анкетирования 64,3 % из 100% респондентов, а всего было проанкетировано 143, ответили, что решения о возбуждении / об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела / преследования, решения о привлечении лица в качестве обвиняемого, об избрании меры пресечения, о составлении обвинительного заключения / акта, постановлении приговора не всегда принимаются обоснованно.

Опасность же необоснованных и, поэтому, незаконно принятых подобных решений очевидна, как для личности, чьи права ими нарушаются, так и для государства, вынужденного впоследствии нести дополнительные издержки (финансовые, временные) на устранение допущенной ошибки. Правильно подчеркивает О.И. Андреева, что: «Обоснованность принятия решения должна стать ограничителем в усмотрении лиц, осуществляющих предварительное расследование»¹.

Причины принятия необоснованного решения различны и связаны как с личностью лица, его принявшего (например, уровень его профессиональной подготовки), так и с содержанием и условиями, в которых решение принималось. Говоря про эти внешние условия, в первую очередь следует обратить внимание на уровень законодательной проработки вопросов, регламентирующих основания и

¹ Андреева О. И. Соблюдение процессуальной формы уголовного судопроизводства: теоретические и практические проблемы // Правовые проблемы российской государственности: Сб. ст. Ч.63. / Отв. ред. М. К. Свиридов и др. – Томск: изд-во Том. ун-та. 2014. С. 14

процесс принятия уголовно-процессуальных решений, их структуру, вопросы достаточности. 32,8% из 100% опрошенных пояснили, что одной из причин принятия необоснованных решений является как раз несовершенство законодательства, его пробелы и коллизии. Его улучшение должно быть основано на стройной теоретической системе.

Отсутствие же в настоящий момент порядка в теории влечет как минимум два негативных следствия: 1) невозможность проведения системных и последовательных уголовно-процессуальных реформ; 2) наличие претензий к ученым со стороны практиков в связи с непроработанностью многих теоретических вопросов.

Недостатки в разработке одного из важнейших понятий «уголовно-процессуальное решение», на наш взгляд, есть результат того, что проблемы принятия решений в уголовном процессе на теоретическом уровне изучаются в основном с опорой на юридические дисциплины, без обращения к логике, теории познания, теории принятия решений. В основе суждений процессуалистов об уголовно-процессуальных решениях лежит преимущественно дедуктивный метод, выраженный в механическом приложении родового понятия правоприменительного акта, разработанного теорией права, к понятиям уголовного процесса без учета особенностей публичной и состязательной формы. С целью дать ответы на вопросы о сущности уголовно-процессуальных решений, об их познавательных² и прогностических видах, основаниях принятия первых и была выбрана тема исследования. В нем, насколько возможно, восполнены указанные пробелы, к осмыслению уголовно-процессуальных решений привлечен не только материал юриспруденции. Такой подход позволил рассмотреть решение с содержательной стороны, уделив внимание процессу его принятия, в отличие от чисто правового, в рамках которого упор делается на форму.

² Для облегчения языковой конструкции познавательными мы называем решения, фиксирующие познавательный результат в уголовном процессе.

Кроме сказанного, настоящая диссертация – также попытка обратить внимание на культурные основания юридической деятельности, в условиях, когда реформирование отечественного уголовного процесса, связанное с расширением в нем состязательных элементов, приводит к его упрощению, а, значит, и к постепенной утрате понимания сущности, оснований и структуры того или иного процессуального решения.

Степень научной разработанности темы исследования.

Поскольку выводы исследования являются результатом синтеза положений уголовного процесса, теории и философии права, логики и теории познания, теории принятия решения, получить их было невозможно без обращения к соответствующим областям знаний. Подспорьем, в части методологии правовых исследований, разграничении категорий сущего и должного, определения понятия «правоприменительный акт», выступили идеи теоретиков и философов права: С. С. Алексеева, В. Н. Баландина, Ю. П. Боруленкова, Г. А. Гаджиева, Э. В. Казгериевой, Д. А. Керимова, В. С. Ломтевой, Н. И. Матузова, И. А. Минникес, А. А. Травкина, Р. А. Трахова, Н. В. Ушановой.

Положения логики, теории познания и теории принятия решений, применённые в работе, были разработаны: В. Ф. Асмусом, Я. А. Берманом, Х. Зигвартом, Ю. В. Ивлевым, Б. М. Кедровым, Ю. Козелецким, Т. В. Корниловой, Э. Л. Лосским, С. И. Поварниным, Г. Риккертом, Г. В. Сориной, Л. Г. Тоноян и другими.

Основой исследования вопроса о познавательной сущности решений в уголовном процессе стали наработки авторов о типе уголовного процесса, месте публичности и состязательности в нем, сущности доказывания. Выработка нашего представления об этом базировалась на работах ученых дореволюционного периода: Я. И. Баршева, С. И. Викторского, Л. Е. Владимирова, П. И. Дега, А. Ф. Кони, В. А. Линовского, И. Я. Фойницкого, М. П. Чубинского; советского и современного периодов: А. С. Александрова, В. С. Балакшина, А. С. Барабаша, А.

Р. Белкина, Л. А. Воскобитовой, Л. В. Головки, В. Н. Григорьева, А. А. Давлетова, В. С. Джатиева, Н. В. Жогина, В. Г. Заблоцкого, С. А. Зайцева, Е. А. Карякина, В. Я. Колдина, С. В. Корнаковой, А. А. Кухты, Д. А. Мезинова, Г. А. Печникова, А. В. Пиюка, К. И. Попова, С. Б. Россинского, Н. Г. Стойко, М. К. Свиридова, М. С. Строговича, В. Т. Томина, Ю. В. Францифорова, О. Н. Шекшуевой, Ю. К. Якимовича и других.

Среди зарубежных ученых можно выделить: Bernard Thomas J., Engel Robin Shepard, Findley Keith A., Gary Goodpaster, John Griffiths, Kent Roach, Kramer M., Lord Carlaway, Mahdi Sheidaean, Mulrine Thomas V., Packer Herbert L., Seyyed Jafar Es-haghi, Vogler R.

Использовались работы, посвященные содержанию уголовно-процессуальных решений, их классификации и процессу принятия. Они были подготовлены: В. А. Азаровым, О. И. Андреевой, О. Я. Бaeвым, Л. М. Володиной, Р. Т. Гаприндашвили, О. В. Гладышевой, Ю. М. Грошевым, К. Б. Калиновским, Д. А. Клепиковым, Н. В. Костовской, С. Л. Лонём, П. А. Лупинской, Е. Г. Мартынчиком, И. Б. Михайловской, Т. Г. Морщаковой, Л. Надь, А. Д. Назаровым, И. Л. Петрухиным, И. А. Пикаловым, Н. В. Профатиловой, А. В. Смирновым, Т. В. Трубниковой, Ф. Н. Фаткуллиным и другими.

Несмотря на то, что теория уголовно-процессуальных решений развивается не один десяток лет и многое было сделано: разбор понятия уголовно-процессуального решения, механизма, этапов его принятия и формы, этого недостаточно для уяснения закономерностей доказательственной деятельности, которая, являясь познавательной, существует на перекрестии, как минимум, уголовного процесса, логики и теории познания. Следовательно, для понимания *сущности* решений, принимаемых в ходе доказывания, достаточности и механизма ее образования, связи достаточности с процессуальными решениями, необходимо обратиться к другим наукам, а не только к теории права, зачастую

используемой в работах об уголовно-процессуальных решениях, но дающей в основном материал для понимания *формы* решений.

Цель и задачи исследования.

Цель – сконструировать понятие познавательных уголовно-процессуальных решений и определить через категорию достаточности основания их принятия.

Задачи:

- 1) соотнести понятия познания и доказывания;
- 2) определить критерии выбора гносеологии российского уголовного процесса;
- 3) определить признаки уголовно-процессуального решения;
- 4) классифицировать уголовно-процессуальные решения, выделив среди них познавательные и прогностические;
- 5) определить понятие познавательного уголовно-процессуального решения;
- 6) определить понятие прогностического уголовно-процессуального решения;
- 7) выяснить: совместимы ли друг с другом и как формальная и диалектическая логики в доказывании;
- 8) описать формально-логическую и диалектико-логическую стороны процесса принятия познавательного решения;
- 9) синтезировать указанные стороны через понятия достаточности, тем самым определив ее;
- 10) выделить виды достаточности и на этой основе понять основания принятия познавательных решений.

Объект и предмет диссертационного исследования. Объектами исследования являются: нормативно-правовые акты; практика международных судов; постановления ВС РФ, КС РФ; процессуальные решения (постановления о возбуждении / об отказе в возбуждении уголовного дела; уведомления о

подозрения, постановления об уточнении места / времени совершения преступления / о привлечении лица в качестве обвиняемого, обвинительные заключения / акты; приговоры); правоприменительная деятельность и отношения, возникающие в ее рамках, результатом которой является принятое решение. Исследование объектов позволило выявить свойства достаточности в российском уголовном процессе, свойства прогностических и познавательных решений в нем, основания принятия последних.

Методологической базой диссертационного исследования служит: междисциплинарный подход, который выразился в использовании положений теории познания, формальной и диалектической логики, теории принятия решений; диалектический метод, выразившийся в фиксации противоречия между общественным и частным интересом и проведении на этой основе классификации уголовно-процессуальных решений; формально-логические методы – в определении центральных понятий работы; дедуктивный и при помощи аналогии перенос положений других теорий в уголовный процесс; использование индукции при изучении материалов уголовных дел; исторический и сравнительно-правовой методы при изучении дореволюционной, советской и современной уголовно-процессуальной доктрины, взглядов американских ученых на модели уголовного процесса и сущность состязательности; анализ и синтез – в выделении в доказывании формально-логической и диалектико-логических сторон и последующий их синтез через понятие достаточности.

Нормативную базу диссертации составили: Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Уголовный кодекс РФ; постановления ЕСПЧ и Международного уголовного суда.

Теоретической основой работы выступают труды дореволюционных, советских и современных процессуалистов, в том числе зарубежных. Использовались также идеи теоретиков и философов права, представителей логики, теории познания и теории принятия решений.

Эмпирическую базу исследования составляют изученные 135 начальных решений (постановления о возбуждении уголовного дела), 148 промежуточных (постановления о привлечении в качестве обвиняемого / уведомления о подозрении) и 311 окончательных (постановления об отказе в возбуждении дела, о прекращении уголовного дела / преследования, обвинительные заключения / акты, приговоры). Всего материалы 148 уголовных дел, рассмотренных в 2016-2017 г., о преступлениях, совершенных на территории Красноярского, Ставропольского края, республики Бурятия, Томской области.

Использовались статистические сведения Судебного Департамента при Верховном Суде РФ о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2016-2017 г. Кроме того, было проанкетировано 143 практических сотрудника: судьи, прокуроры (зам. прокурора, пом. прокурора), следователи / дознаватели, адвокаты. Ответы на анкеты получены от практических работников из Красноярского, Ставропольского края, Калужской, Новосибирской, Омской, Тверской области.

Научная новизна диссертационного исследования выражается в разработанных понятиях познавательных и прогностических решений, уголовно-процессуальной и формально-логической достаточности, не существовавших ранее в уголовно-процессуальной науке. Проведена также, исходя из противоречия между общественным и частным интересом, новая для науки классификация уголовно-процессуальных решений.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) исходя из тождественности понятий «познание» и «уголовно-процессуальное доказывание» критериями выбора гносеологии российского уголовного процесса являются: методологичность (наличие разработанных правил и техник ведения познавательной деятельности) и нацеленность доказывания, максимально приближенного к научному познанию, на установление обстоятельств ст. 73 УПК РФ. Критериям этим отвечает диалектика;

2) поскольку доказывание более всего сходно с научным познанием, то его институты в нормативном и судеустройственном срезе должны создавать необходимые и достаточные условия для принятия, реализации должностными лицами решений (начальных, промежуточных, окончательных) характерных для успешного познания события прошлого;

3) любую деятельность, в том числе и деятельность по доказыванию обстоятельств ст. 73 УПК РФ, возможно представить как систему действий по принятию решений и их последующей реализации. На основе этого тезиса конструируется родовое понятие уголовно-процессуального решения;

4) от исследователя, проводящего уголовно-процессуальную классификацию, требуется: 1. указать на модель уголовно-процессуальной деятельности, исходя из которой проводится классификация; 2. обосновать отличительность классификационного признака через демонстрацию его связи с основаниями модели уголовного процесса; 3. обозначить то, как видоизменяется признак, положенный в основу деления или классификации;

5) познавательное решение – процессуальный вариант, фиксирующий достижение определенного результата (вероятность – практическая достоверность – знание) в деятельности по реализации целей публичного уголовного процесса, определяемых его началом и назначением (например, решение об отказе в возбуждении уголовного дела, о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительное заключение на стадии предварительного расследования, постановление приговора в части установления обстоятельств ст. 73 УПК РФ).

6) прогностическое решение – процессуальный вариант (избрание меры пресечения, например), фиксирующий предвосхищение событий будущего, которые могут произойти в деятельности по реализации целей публичного уголовного процесса, определяемых его началом и назначением.

7) по отношению к доказыванию как единству мыслительной и практической деятельности и к процессу принятия познавательных решений

формальная логика организует процесс их принятия в части логической формы. Диалектическая логика организует мыслительную и практическую деятельность и процесс принятия познавательного решения в части методологии и подхода к объекту познания. Важно, что две логики не отрицают друг друга, а дополняют и взаимодействуют между собой, образуя единую мыследеятельность;

8) каждый раз при образовании достаточности действуют вместе формально-логический закон достаточного основания и диалектический закон перехода количественных изменений в качественные. Достаточность, если определять ее генетически и функционально, фиксирует момент появления достаточного основания (условие), из которого следует новая мысль (следствие), а при помощи же закона перехода количественных изменений в качественные уточняет, когда это основание будет достаточным. Достаточность в единстве двух законов является мерой, тем самым связывая их;

9) в процессе доказывания уголовно-процессуальная достаточность сменяется формально-логической. Отличие двух видов достаточностей в том, что в случае с уголовно-процессуальной достаточностью субъектом доказывания не в полной мере реализован закон достаточного основания, а, значит, не созданы условия для действия закона перехода количественных изменений в качественные. При достижении же формально-логической достаточности, основание уже сформировано, а, значит, и есть условия для перехода количества в качество, что позволяет, в итоге, установить обстоятельства ст. 73 УПК РФ вне сомнения.

Теоретическая значимость исследования состоит в разработке на основе публичной модели российского уголовного процесса новых для науки понятий прогностических и познавательных решений, а также в придании, на основе этой же модели, иного содержания уже имеющимся понятиям: достаточность, уголовно-процессуальное решение, начальные, промежуточные и окончательные решения. Предложен также новый взгляд на традиционные вопросы: о

соотношении понятий познание и доказывание, о критериях выбора гносеологии российского уголовного процесса.

Практическая значимость исследования.

Настоящее исследование конструирует, в части исследуемого объекта, идеальный уголовный процесс, т.е. каким он должен быть. Следовательно, положения работы можно использовать для корректировки норм нынешнего УПК РФ, устранения его противоречий, ведущих к необоснованности принимаемых уголовно-процессуальных решений или отсутствию ясных критериев для их принятия. Выводы, полученные в ходе исследования, можно использовать для разработки учебно-методических комплексов по дисциплинам «Уголовный процесс», «Теория и практика уголовно-процессуального доказывания», «Процессуальные акты в уголовном процессе» и их преподавания, а также для переподготовки следователей / дознавателей, судей, прокурорских работников, адвокатов на курсах повышения квалификации.

Апробация результатов исследования.

Диссертация выполнена на кафедре уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета, где прошли ее обсуждение и рецензирование. Центральные тезисы диссертации были представлены на 6 научных конференциях, форумах, проходивших в 2015-2018 годах в г. Томске, Красноярске, Нижнем Новгороде. Автором опубликовано 12 статей по вопросам диссертационного исследования, в том числе 5 из них – в журналах, включенных в перечень российских рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций (статья «Тождественность понятий «познание» и «уголовно-процессуальное доказывание» опубликована в «Вестнике СПбГУ. Право», индексируемом в международной базе данных Web of Science). Общий объем публикаций – 4,9 п.л.; авторский вклад – 4,9 п.л. Часть диссертационных выводов была также апробирована на V Международном открытом конкурсе «Отправление правосудия

по уголовным делам через призму уголовно-процессуального, криминалистического, оперативно-розыскного и судебно-экспертного опыта» им. проф. Е.Г. Мартынчика, на лучшую научную работу среди студентов, магистров и аспирантов, где работа автора была удостоена 1-го места.

Отдельные положения работы внедрены в учебный процесс Сибирского федерального университета.

Структура и объем диссертации определяются целями и задачами исследования и отвечают требованиям ВАК при Минобрнауки России. Диссертация включает: введение, три главы, состоящие из семи параграфов, заключение, список использованных источников и 3 приложения.

Глава 1. Гносеологическая основа российского уголовного процесса

§1.1. Соотношение понятий «познание» и «уголовно-процессуальное доказывание»

Без использования гносеологии сложно понять познавательные уголовно-процессуальные решения, процесс и правила их принятия, соблюдение которых приведет субъекта доказывания к установлению в рамках основного доказательственного процесса обстоятельств, значимых для уголовно-правовой квалификации: «1) деяние, время, место, способ и последствия совершенного или отсутствие деяния; 2) лицо, совершившее деяние; 3) виновность лица в совершении деяния, форма вины и мотивы или невиновность в совершении деяния»³.

Поскольку сам факт указанного обращения к теории познания предполагает в себе: 1) принятие необходимости теории познания; 2) рассмотрение доказывания в российском уголовном процессе в качестве познания или связанного с познанием, то требуется, сначала, доказать первый тезис, а затем соотнести понятия «познание» и «уголовно-процессуальное доказывание».

Первое обусловлено призывами в науке к отказу от построения уголовного процесса России в целом на гносеологической основе. Так, например, А.В. Агутин отмечает: «современный законодатель в качестве методологической базы избрал гносеологию, которая посредством своего инструментария не способна в целом эффективно детерминировать доказывание по уголовным делам»⁴. Аргументируя противоположное, А.С. Барабаш и А.А. Брестер, утверждают: «Внутри него (раздела гносеологии, добавлено нами — К.С.) можно найти множество

³ О разграничении основного и дополнительных доказательственных процессов и обстоятельств ст. 73 УПК РФ, устанавливаемых при их помощи см.: Барабаш А.С., Брестер А.А. Установление обстоятельств совершенного преступления и оснований назначения наказания - два самостоятельных этапа судебного следствия // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 1 (38). С. 167–172.

⁴ Цит. по кн.: Барабаш А.С., Брестер А.А. Метод российского уголовного процесса. – СПб.: Издательство «Юридический центр – Пресс», 2013. С. 57.

концепций познания, но сама гносеология как часть философии существует, пока есть проблематика познания в современном мире»⁵. Мы, со своей стороны, присоединимся к позиции о необходимости теории познания, но сделаем это через разбор доклада Л. Нельсона, доказывавшего, на первый взгляд, иное: невозможность теории познания⁶. Подобный анализ необходим, поскольку превратно понятые суждения этого философа могут использоваться другими процессуалистами как аргументы *pro* к невозможности теории познания, а, следовательно, и ее использования в российском уголовном процессе.

Итак, Л. Нельсоном благодаря применению регрессивного метода – «...значение которого заключается не столько в том, чтобы расширять наши знания, известные уже истины обогащать новыми и делать из них дальнейшие выводы, сколько в проверке известных уже истин, в изучении их предпосылок»⁷ – утверждается, что разрешение проблемы истинности или «объективной значимости нашего познания» невозможно, поскольку «Для того, чтобы решить эту проблему, нам нужно было бы обладать критерием, применение которого дало бы нам возможность решить, истинно ли то или другое познание или нет. Назову этот критерий кратко «теоретико-познавательным критерием». Но такой критерий был бы сам познанием или не был бы таковым»⁸. Затем философом приводится ряд примеров, уточняющих сказанное, один из которых следующий: «Допустим, что кто-нибудь утверждает, будто очевидность есть искомый критерий. Чтобы быть применимым, этот критерий должен быть нам уже известен, как таковой, т.е. мы должны знать, что очевидные познания истинны. Но как мы могли бы это знать? Согласно нашему предположению, мы знали бы это, если бы было

⁵ Там же.

⁶ Н.В. Бряник упоминает также Р. Рорти, еще одного философа, касающегося вопроса о самой возможности теории познания: «Вывод Рорти по поводу гносеологии не просто пессимистичен, он вообще сомневается в правомерности гносеологической проблематики и видит в ней (в данном случае и в гносеологии, и в гносеологической проблематике) продукт новоевропейской истории, обаянный своим рождением отделению науки от философии и общей атмосфере секуляризации от религиозной идеологии». См.: Бряник Н.В. Введение в современную теорию познания: Учебное пособие. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. С. 10 – 11.

⁷ Нельсон Л. Невозможность теории познания // Теория познания II. Новые идеи в философии под. ред. Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова Сборник №5. Изд-во СПб, 1913. С. 68.

⁸ Там же. С. 69.

очевидным, что очевидные познания истинны; но для того, чтобы от очевидности этого допущения умозаключить к его истинности, мы должны уже допустить, что очевидность есть критерий истины. Ясно, что достичь такого знания невозможно»⁹. «Или возьмем прагматизм. Если полезность какого-нибудь представления должна быть искомым критерием истины, то для того, чтобы мы могли применять этот критерий, мы должны знать, что полезность есть критерий истины. Мы должны знать, что полезно думать, что полезное мышление истинно...»¹⁰. Отметим, в уголовно-процессуальной науке очевидность или здравый смысл предлагают использовать в качестве критерия оценки доказательств присяжными заседателями¹¹, а полезность в качестве признака истины в уголовном процессе активно отстаивается в настоящее время, например, В.А. Середневым, пишущим, что: «...**основной признак истины в уголовном процессе – ее полезность** для общественно-экономической формации, в которой на данный период времени существует уголовное судопроизводство...**нам не нужна истина в уголовном процессе, которая не будет приносить пользы (а еще хуже – приносить вред) общественным отношениям и не могущая быть средством обеспечения защиты государственного строя от преступных посягательств**»¹².

Таким образом, изложенное в совокупности с названием доклада «Невозможность теории познания» подталкивает к выводу, что Л. Нельсон действительно отрицает теорию познания. Однако, это лишь иллюзия, поскольку далее им замечается: «...Я не утверждаю невозможности теории познания, чтобы отсюда сделать вывод о невозможности познания, а я утверждаю, что этот

⁹ Там же. С. 70.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Фискевич С. В. Оценка доказательств при производстве в суде с участием присяжных заседателей: автореф. дис.... канд. юрид. наук [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1678473>; Кот М. В. Основные признаки и особенности суда присяжных // Теория и практика общественного развития. Краснодар. 2017. С. 95-96.

¹² Середнев В.А. О ценности «артефактной» истины в уголовном процессе (философский аспект) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 3. С. 176.

скептический вывод о невозможности самого познания есть лишь следствие теоретико-познавательного предрассудка...»¹³, который, по мнению ученого, заключается в принятии тезиса об «опосредствованности всякого познания» и допущения, что всякое познание есть суждение, поскольку подобное допущение «... влечет за собой другое еще допущение, а именно, что обоснование всякого познания может быть только доказательство... Но если нет никакого другого обоснования суждения, кроме доказательства, то никакое обоснование суждений вообще невозможно. Ведь, всякое доказательство заключается только в сведении суждений, подлежащих доказательству, к другим суждениям, недоказанным и недоказуемым. Таким образом, или эти последние суждения могут быть обоснованы как-нибудь иначе, а не при помощи доказательства, или никакое обоснование суждений вообще невозможно»¹⁴. В альтернативу же указанному, он утверждал существование «не-воззрительного непосредственного познания»¹⁵ в виде чувственного восприятия, к которому не применим «принцип достаточного основания»¹⁶. Последнее и есть проблема, решаемая Л. Нельсоном под видом «доказательства невозможности теории познания».

Убедившись, что в докладе, названном «Невозможность теории познания», фактически эта теория не отрицается и признается необходимой, перейдем к соотношению понятий «познание» и «уголовно-процессуальное доказывание». Определим их содержание. Познание – творческая деятельность субъекта,

¹³ Там же. С. 78.

¹⁴ Там же. С. 72 – 73.

¹⁵ О непосредственных суждениях в логике см.: Зигварт Х. Логика. Том 1: Учение о суждении, понятии и выводе / Пер. с нем. И.А. Давыдова.-М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. С. 126.

¹⁶ Заметим, что подобные утверждения не новы для нашего времени, они, под влиянием Л. Нельсона или же нет, нашли отражение в трудах еще дореволюционных логиков. Так, С.И. Поварнин писал: «Исключение из этого закона (достаточного основания, добавлено мной – К.С.) составляют только два вида мыслей: а) Аксиомы и постулаты – о которых будет речь во второй части книги. б) Суждения непосредственного восприятия. Если я смотрю на небо и «вижу», что «небо синее», то это суждение не вытекает из какого-либо другого суждения, а есть простое формулирование в мышлении того, что я созерцаю, – констатирование данного в опыте» см.: Поварнин С. И. Общее учение о доказательстве. Петроград, 1916. С. 14. При этом, истинность самих законов или принципов формальной логики, в том числе и закона достаточного основания, наподобие упомянутых С.И. Поварнинным аксиом и постулатов, «... не может быть доказана в логике и принимается на основании философского рассуждения...» см.: Логика: учебник / Гусев С.С., Караваев Э. Ф., Карпов Г. В. [и др.]; под ред. Мигунова А. И., Микиртумова И. Б., Федорова Б. И.. – Москва: Проспект, 2010. С. 47.

ориентированная на получение достоверных знаний о мире¹⁷. Отнесемся к словарной дефиниции.

Во-первых, здесь не указывается на сущность познания, т.е. на единство мыслительной и практической деятельности. Подобный вывод следует из понимания сущности как философской категории, фиксирующей устойчивые и определяющие характеристики предмета, составляющие его субстанциональное ядро (его «природу»), в отличие от меняющихся и второстепенных его черт, присутствующих в его конкретном явлении¹⁸. Иначе говоря, сущность есть то, что неизменно в предмете и определяет все его иные свойства. Применительно к познанию – это именно *единство*¹⁹ мыслительной и практической деятельности, т.е. чувственного и рационального. Разрыв этих противоположностей ведёт как раз к парадоксу Л. Нельсона: если мы понимаем познание только как суждение (мыслительная деятельность), то оно становится невозможным: опирающееся на принцип достаточного основания доказательство этого суждения превратится в сведение его к другим подобным суждениям, а тех к следующим: наши действия, исключительно мыслительные, заикнутся. Выходом из этого может стать, как по мнению философа, так и по-нашему, обращение к «не-воззрительному непосредственному познанию», т.е. чувственному восприятию. При условии соединения этих двух пластов в единую деятельность.

Таким образом, в каждом познавательном акте добывается чувственный опыт и мыслительно обрабатывается. При этом, работа на уровне восприятий, ощущений и представлений уже сопровождается мыслительной деятельностью, благодаря имеющейся в нашем сознании цели, опираясь на которую мы выбираем

¹⁷Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. 3-е изд., испр. Минск.: Книжный дом, 2003. С. 766.

¹⁸ Новая иллюстрированная энциклопедия. Том Ск-Та. М.: ООО «Мир книги» : Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 2005. С. 108.

¹⁹ Правильно подчеркивает С.И. Ощепков: «Вопрос о том, что лежит в основании познания – чувства или разум – некорректен. Чувственный и рациональный способы отражения мира не исключают, а дополняют друг друга. Всякое знание есть синтез чувственного и рационального, правда, доля каждого из них в нем может быть различной». См.: Ощепков С.И. О единстве чувственного и рационального в познании // Вопросы образования и науки: теоретический и методический аспекты. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Тамбов. 2015. С. 148.

именно то чувственное, что может помочь в получении знания. Странно, если следователем будут изъяты в ходе обыска, а затем осмотрены и приобщены к материалам дела предметы, в отношении которых – путем мыслительной деятельности – нельзя выдвинуть даже предположение об их относимости. Другой пример: проводя допрос, получая информацию, следователь или дознаватель параллельно ее и оценивают, что позволяет задавать новые вопросы, уточнять получаемые ответы и в целом управлять следственным действием, направляя его в то или иное русло. Без единства двух деятельности описанное было бы невозможно.

Так, нельзя говорить о достижении прокурором, утвердившим обвинительное заключение, знания об обстоятельствах ст. 73 УПК РФ²⁰, поскольку он его только проанализировал, но непосредственно доказательства не исследовал, а, значит, ограничился деятельностью оценочной, мыслительной. Следовательно, чтобы реализовать указанное единство и на основе этого получить знание о событии прошлого, прокурор и должен идти в суд²¹, где ему дается возможность непосредственного исследования доказательств. Познание не состоит только в мыслительной деятельности и при разрешении противоречий между суждениями. Яркие примеры дополнения ее практической – очная ставка,

²⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. от 31 декабря 2017 г.) // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. 1). Ст. 61; № 14. Ст. 1908; № 18. Ст. 2515; № 28. Ст. 4559; № 31. Ст. 4743, 4752, 4799

²¹ Однако в состязательном процессе, каким, по нашему мнению, российский не является, прокурор участвует в судебном заседании, безразлично к достижению/недостижению знания. В этом и есть логика состязательности, где обвинение или защита только убеждают судью в виновности или невиновности подсудимого, правоте своего тезиса. В этом процессе сам по себе факт получения/неполучения знания не ключевой для завершения деятельности, убедить – вот ключевой. Понимая, видимо, слабость состязательной системы и допущения, на котором она основывается: несовместимые интересы, и, следовательно, состояние войны между обвиняемым и государством, Д. Гриффитс еще в 1970 году предложил альтернативу модели битвы американского процесса, модель семьи: «Если статья Пакера основывается не на двух, а на одной, хотя и невыраженной, базовой концепции природы уголовного процесса – поле боя фундаментально враждебных сил, где относительно переменным является только «баланс преимуществ» – то мы можем расширить концептуальные (и возможно практические) вероятности доступные нам, если мы создадим, чтобы заменить эту, другую фундаментальную концепцию. Он предполагает дисгармонию, фундаментально несовместимые интересы, состояние войны. Мы же можем начать с допущения совместимых – даже взаимно поддерживающих – интересов, состояния любви». См.: Griffiths, John. «Ideology in Criminal Procedure or a Third «Model» of the Criminal Process» (1970). Faculty Scholarship Series. Paper 3994. P. 371.

перекрестный и шахматные допросы, используемые для ликвидации противоречий в показаниях допрашиваемых лиц.

Исходя из сказанного, несостоятельны суждения, противопоставляющие мыслительную деятельность практической или же разрывающие их единство.

Разбирая доказывание, К.И. Попов пишет: «Доказывание в уголовном процессе представляет собой разновидность познания человеком реальной действительности... Вначале накапливается определенный фактический материал, который подвергается анализу, разделяется на части, выясняются отдельные детали, стороны исследуемых фактов, после чего делается обобщающий, синтезирующий вывод о всем исследуемом событии»²². Но «фактический материал», как мы показали выше, собирается также и при помощи мыслительных действий, следовательно, анализ и синтез используются уже при его накоплении, а не только после этого процесса.

Потом им указывается: «Как всякий процесс познания, процесс доказывания по уголовному делу – это мыслительная деятельность его участников»²³, здесь возникает вопрос, если доказывание как познание – только мыслительная деятельность, то каким образом появляется «фактический материал» для анализа и синтеза? Противоречие это снимается далее: «Фактические обстоятельства уголовного дела требуют исследования с помощью практических действий, направленных на получение доказательственной информации. Процессуальное доказывание не ограничивается одной лишь мыслительной деятельностью, умозаключениями, а включает в себя деятельность по собиранию и проверке доказательств. Таким образом, оно имеет не только познавательную, но и практическую сторону»²⁴. При разрешении одного противоречия рождается другое: если доказывание – вид познания, как ранее отмечал К.И. Попов, а последнее – исключительно мыслительная деятельность, по утверждению самого

²² Попов К. И. Доказывание в уголовном процессе // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. №2 (3) С. 136.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 137.

же автора, то тогда доказывание как разновидность не может включать иную, отличную от рода (познание-мыслительная деятельность) практическую деятельность или, как говорит К.И. Попов, «практическую сторону». Тем самым, попытка снятия через добавления практической деятельности противоречия, возникшего из признания познания и доказывания только мыслительными деятельностями, приводит к другому противоречию между видом и родом. Корень всего этого в разрыве в познании и доказывании единства двух деятельностей, следовательно, выход из этой и подобных ситуаций²⁵ в его признании, поскольку «...только единство мыслительного и практического дает то, что можно обозначить как познание»²⁶. Иное, как мы показали, подпитывает противоречия через разрушение естественных связей между частями (мыслительной и практической деятельностью) и целым (познанием)²⁷. Подобное следует из признания операции деления целого на части только как продукта человеческого мышления и того, что, следовательно, части целого в действительности не разрываются. Расчленение же целого без его уничтожения возможно только мысленно, например, в целях изучения какой-либо части.

Порок вышеозначенного определения познания также и в использовании тавтологии «достоверных знаний»: знание по определению достоверно, иначе получившееся сложно назвать «знанием»²⁸. Кроме того, в российском уголовном процессе «достоверность» – свойство именно доказательств (ч.1 ст. 88 УПК РФ), а не знания, получаемого в ходе доказательственного процесса, хотя оно также достоверно, но в этом случае содержание понятия «знание, получаемое в ходе

²⁵ Похожим образом, что и К.И. Попов, рассуждает В.И. Безрядин: «Процесс доказывания состоит из двух аспектов: познавательная деятельность, которая связана с оценкой доказательств, и практическая деятельность, выражающаяся в действиях правомочных лиц по обнаружению, закреплению и проверке доказательств». См.: Безрядин В. И. О некоторых проблемах доказывания в уголовном судопроизводстве // Царскосельские чтения. 2013. №XVII. С.5.

²⁶ Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс». С. 246.

²⁷ Имеются в виду связи между познанием как процессом, протекающим в действительности, и частями этого процесса, а не связи между понятием «познание» как целым и его частями: объемом и содержанием.

²⁸ Новая Иллюстрированная Энциклопедия определяет: знание – достоверное, истинное представление о чем-либо в отличие от вероятностного мнения. См.: Новая Иллюстрированная Энциклопедия. Указ. соч. С. 108.

доказательственного процесса» включает признак достоверности, а потому его отдельное выделение не требуется.

Таким образом, определить понятие «познание» с учетом указанных дополнений возможно как единую (мыслительную и практическую) творческую деятельность, направленную на получение знаний о мире.

Определяя же второе соотносимое понятие доказывания, мы первым шагом продемонстрируем противоречивость существующих в уголовно-процессуальной доктрине позиций на этот счет, а затем обозначим собственное его понимание.

Например, С. Б. Россинский, определяя соотношение понятий «познание» и «уголовно-процессуальное доказывание», отмечает: «Безусловно, уголовно-процессуальное доказывание полностью не вписывается в более широкую категорию «познание», и конечно, эти категории не тождественны», т.е., по мнению автора, существует часть объема понятия «уголовно-процессуальное доказывание», которая «не вписывается в «более широкую категорию «познание»». Но уже в следующем предложении им утверждается: «вместе с тем доказывание нельзя категорично развести с познавательной деятельностью, т.е. лишить его гносеологического фундамента, на котором и строятся все доводы и аргументы как суда, так и сторон»²⁹. Выходит, если доказывание нельзя «лишить его гносеологического фундамента», то оно должно полностью вписываться «в более широкую категорию «познание»», невписание же хотя бы части объема понятия «доказывание», означало бы, что эта часть лишена необходимого «гносеологического фундамента», что невозможно, исходя из второго утверждения С.Б. Россинского. Таким образом, противоречие между двумя суждениями в том, что первое предполагает невключение полностью уголовно-процессуального доказывания в категорию «познание», а второе, утверждая, что доказывание не может быть лишено своего «гносеологического фундамента», тем

²⁹ Россинский С.Б. Механизм формирования результатов «Невербальных» следственных и судебных действий в уголовном судопроизводстве. М. : Проспект, 2015. С. 12.

самым предполагает уже полное включение уголовно-процессуального доказывания «в более широкую категорию «познание»».

Видится, что суждения, противоречивость которых мы показываем, есть следствие понимания С.Б. Россинским (и другими процессуалистами ³⁰) доказывания в уголовном судопроизводстве как двухэтапного процесса, состоящего «...в процессуальном познании обстоятельств уголовного дела и в логическом обосновании данными обстоятельствами правоприменительных решений...»³¹.

Важно, что представленная противоречивость – только вершина айсберга: непоследовательность авторских тезисов есть результирующее от смешения двух видов употребления понятий: собирательного (отношение «целое – часть») и разделительного (отношение «род – вид»). Таким образом, вывод С.Б. Россинского об определенном родовидовом отношении между понятиями «уголовно-процессуальное доказывание» и «познание»: «Безусловно, уголовно-процессуальное доказывание полностью не вписывается в более широкую категорию «познание» и конечно, эти категории нетождественны», – основан на отношении уже «целое – часть» между этими понятиями: «доказывание в уголовном судопроизводстве целесообразно рассматривать как двухэтапный процесс, состоявший в процессуальном познании обстоятельств уголовного дела и в логическом обосновании данными обстоятельствами правоприменительных

³⁰ Идея двухэтапности С.Б. Россинского не нова. Разделяя процесс познания по уголовному делу на познание доказательств и познание обстоятельств, А.А. Давлетов ранее заключил: «Итак, уголовно-процессуальное познание ... состоит из двух частей: 1) **исследования доказательств**; 2) **доказывания обстоятельств**. Такое понимание доказывания в уголовном процессе соответствует философским свойствам доказывания, тому, что оно, во-первых, представляет собой «выведение знания из знания», из знания «для себя» знания «для других» и, во-вторых, «есть вообще опосредствованное познание». См.: Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург: Издательство Гуманитарного университета, 1997. С. 177 – 178. Не соглашаясь с «дуалистическим пониманием уголовно-процессуального доказывания (познание и обоснование познанного)», но, однако, и не отрицая разбираемую идею двухэтапности, В. С. Джатиев рассматривает познание и доказывание в уголовном процессе как «различные виды человеческой деятельности: первый — процессуально оформленная логико-практическая деятельность, направленная на установление истины по делу, второй — логическая деятельность по обоснованию полученного знания для и перед оппонентом». См.: Джатиев В. С. Доказывание и оценка обстоятельств, определяющих характер и степень общественной опасности преступления: автореф. дис.... канд. юрид. наук [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=51961>

³¹ Россинский С.Б. Механизм формирования результатов «Невербальных» следственных и судебных действий в уголовном судопроизводстве... С. 12 – 13.

решений». В настоящем же случае об отношении «род – вид», если и можно вести речь, то лишь соотнося познание и часть уголовно-процессуального доказывания, являющуюся, по мнению автора, «процессуальным познанием обстоятельств уголовного дела», но некорректно говорить об этом отношении между всем уголовно-процессуальным доказыванием и познанием на том только основании, что первый этап доказательственного процесса является «познанием обстоятельств уголовного дела». Если же и утверждать подобное, тогда необходимо понимать уголовно-процессуальное доказывание как целое, где один из его этапов и только этот этап отвечает признакам понятия «познание» и, потому, является познанием. Сказанное, в этом случае, образует следующие соотношения: 1) понятие «познание» включает в себя понятие об этапе доказывания, являющемся познанием (в случае разделительного употребления), но не обо всей доказательственной деятельности; 2) между понятием «уголовно-процессуальное доказывание» и понятием «познание» (в случае их собирательного употребления) установится отношение несовместимости, исключаящее – в противоречие указанному С.Б. Россинским в своем утверждении, послужившим началом для нашей критики – какое-либо, даже неполное, включение уголовно-процессуального доказывания «в более широкую категорию «познание»», поскольку любые два понятия, находящиеся в отношении «часть и целое», находятся в отношении несовместимости³².

В целом, обозначенный подход к решению вопроса о родовидовом отношении на основании отношения «целое-часть» довольно распространен. Так, Е.А. Карякин полагает: «...уголовно-процессуальное доказывание как более широкое понятие, наоборот, включает в свой состав познание по уголовному делу (уголовно-процессуальное познание) и, как нам видится, именно познание выступает сердцевинной процессуальной доказывания»³³. Стоит критически посмотреть и

³² Тоноян Л. Г. О месте собирательных понятий в логике // Логико-философские штудии. 2009. №7. С. 147.

³³ Карякин Е.А. Формирование истинности приговора в состязательном судебном производстве: вопросы теории и практики / Под науч. ред. А. П. Гуськовой. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2007. С. 40.

на тезисы Е.М. Демченко, сначала отстаивающей включенность доказывания в познание: «...понятие познания по уголовному делу шире понятия доказывания и включает его в себя помимо иных способов получения информации для достижения целей доказывания», но уже в следующем предложении пишущей: «Рассуждая здраво, нельзя утверждать, что доказывание является только познавательным процессом»³⁴. В сказанном снова, как и у предыдущих процессуалистов, усматривается желание разрешить вопрос о соотношении двух понятий через отношение «целое-часть», но модифицированное до «система-элемент». Так, познание по уголовному делу мыслится деятельностью (система), включающей в себя доказывание (элемент) как способ «...получения информации для достижения целей доказывания», однако, если переходить к родовидовым отношениям, то корректнее говорить о подчиненности понятия «доказывание» не понятию «познание по уголовному делу», а, очевидно, неравнозначному ему понятию «способ познания по уголовному делу».

Наше основание всему проведенному анализу в том, что: «Весьма важным в логике является деление понятий на собирательные и разделительные. Первые построены на отношении целого и части, а вторые – на отношении рода и вида. Собирательным называется понятие, основным признаком которого относится не к каждому элементу множества, а ко всему множеству предметов как к целому, единому, например, в понятии «толпа» признак *быть толпой* относится к некоторому целому, а не к отдельным людям, составляющим толпу... В разделительных понятиях признак относится к каждому элементу множества предметов: *дом, театр, справедливость, число*»³⁵.

Завершая разбор, остановимся на источнике перечисленных позиций – понимании природы российского уголовного процесса как смешанной: предварительное расследование – розыскное, судебное разбирательство –

³⁴ Демченко Е.В. Теоретическая конструкция доказывания в уголовном процессе // труды Оренбургского института (филиала) МГЮА (выпуск двадцать пятый). Оренбург, 2015. С. 122.

³⁵ Мигунов А.И., Микиртумов И.Б., Федоров Б.И. Указ. соч. С. 77.

обвинительное (состязательное). Такой подход стимулирует процессуалистов соотносить доказывание и познание по системе «целое-часть» и определять первое как познание (розыскное предварительное расследование), дополненное обоснованием (состязательное судебное разбирательство). Именно этой позиции, присоединяясь к ее сторонникам, имевшимся с дореволюционного времени, придерживается С.Б. Россинский. Я.И. Баршев отмечал: «Из этих двух форм (обвинительный и следственный процесс, добавлено нами – К.С.) уголовного судопроизводства образовалась еще третья *смешанная*, основывающаяся на смешении обвинительной и следственной формы...»³⁶. В схожей манере, но только связывая обвинительное начало с состязательностью, рассуждал С.И. Викторский: «Только по мере развития сознания о необходимости разделения труда следственное начало стало смягчаться и процесс стал переходить в форму *состязательного*, насколько это согласно с публичностью уголовного права...»³⁷. Подобный взгляд сохранился в советское³⁸ и постсоветское время. Ю.К. Якимович отмечал: «Современный уголовный процесс России является смешанным: розыскным в досудебной части и состязательным в суде...»³⁹.

³⁶ Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. Санкт-Петербург, 1841. С. 48. Подобное понимание следственного (розыскного) и обвинительного процесса См.: Дегай П.И. Взгляд на современное положение уголовного судопроизводства. Санкт-Петербург, 1847. С. 121.

³⁷ Викторский С.И. Русский уголовный процесс / изд. 2 исправ. и допол. М.: 1912, С. 5-6.

³⁸ М.С. Строгович писал: «Предварительное следствие заключается в детальном исследовании всех обстоятельств дела, собирании и проверке всех доказательств, как изобличающих обвиняемого, так и оправдывающих его», в то время как: «Все судебное разбирательство развертывается в основных чертах в виде борьбы, состязания сторон при активном участии в исследовании доказательств самого суда, которому принадлежит руководящая и решающая роль». Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Том 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Издательство «Наука», 1968. С. 67-68. И.В. Тыричев полагал: «Выделение обвинения и защиты в качестве самостоятельных функций, их отделение от судебной деятельности – краеугольный камень состязательного процесса.... В советском уголовном процессе состязательность имеет под собой именно такую основу», при этом, на предварительном следствии «...осуществляемая обвиняемым и его защитником функция защиты не вносит в расследование элементов состязательности. О состязательности, хотя и в усеченном виде, можно говорить лишь при условии отделения обвинения от разрешения дела. Такое отделение обвинения от расследования наступает, когда прокурор утверждает обвинительное заключение и передает дело на разрешение суда». См.: Тыричев И.В. Принципы советского уголовного процесса: Учебное пособие / Отв. ред.: М. С. Дьяченко. - М., 1983. С. 46-47.

³⁹ Якимович Ю.К. Избранные труды. – СПб.: Издательство «Юридический центр-Пресс», 2011. С. 528; Якимович Ю.К., Пан Т.Д. Судебное производство по УПК Российской Федерации. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. С. 21. Смешанной природы современного российского уголовного процесса придерживаются также. См.: Шадрин В.С. Желаемое и действительное в досудебном производстве российского уголовного процесса [Электронный ресурс] // Международная Ассоциация Содействия Правосудию. – Режим

Рассматривая российский уголовный процесс как публичный, но не смешанный, обратимся к словам В.А. Линовского: «В четвертом периоде (30-е г. XVI – 60-е г. XIX в., добавлено нами – К.С.) развития уголовного судопроизводства, происходит значительная перемена... В это время присоединяется забота о поддержании законной безопасности и предупреждении будущих нарушений закона, а потому возмездное наказание получает и эти относительные цели... Состояние государства требует чтобы по возможности, ни одно действие противозаконное не осталось без наказания... назначаются особые чиновники, которые в силу своей должности (*ex officio*) преследуют преступления, это и есть основание следственного судопроизводства... Установление Губных старост составляет важную эпоху в истории русского уголовного судопроизводства, с ним можно сказать положено начало прочному существованию следственного судопроизводства»⁴⁰. Таким образом, начиная с учреждения Губных старост (первая половина XVI века⁴¹), преступление начинает признаваться делом общественным, а не частным. Поскольку это характерно для публичного уголовного процесса (каким, по нашему мнению, российский является), то для получения знания о событии прошлого⁴², процесс на стадии предварительного расследования и судебного разбирательства не должен отходить от познавательной сущности доказывания. Такое тождество задается познавательной целью, которая, согласно ст. 85 УПК РФ, состоит в установлении

доступа: <http://www.iuaj.net/node/536>; Соловьев А.А. Типология уголовного процесса РФ и ее значение для формирования системы принципов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 1. том 105. 2012. С. 252-253.

⁴⁰ Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса, 1849, С. 11 – 13.

⁴¹ Н.П. Ерошкин отмечает: «Первые губные грамоты получило население Белоозерского и Каргопольского уездов в октябре 1539 г. По этим грамотам преследование, ловля и казнь «лихих людей» в каждом уголовно-полицейском округе («губе») возлагались на выборные «губные» органы». См.: Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М.: Высшая школа, 1968. С. 47.

⁴² В части нацеленности на реконструкцию события прошлого публичная модель схожа с моделью достоверности К. Финдли. Последний пишет: «Таким образом, пока движение в защиту невиновных в основном воспринимается как защитно-ориентированное движение, его риторика включает уважение к фундаментальной ценности контроля преступности. На своем наиболее базовом уровне она осмысливается в фокусе движения на установление действительной истины и в интересах задержания действительного преступника». См.: Findley Keith A., *Toward a New Paradigm of Criminal Justice: How the Innocence Movement Merges Crime Control and Due Process*. Texas Tech Law Review. 133 (2008). 9-10 p.

обстоятельств ст. 73 УПК РФ. И цель эту законодатель ставит как перед следователем, так и судом. Реализовать единую цель в разных стадиях, можно используя единый механизм познавательной деятельности, правда, осуществляемый в разных условиях. На предварительном расследовании, как и в судебном разбирательстве, производятся в единстве практические и мыслительные действия⁴³. Судья, как и следователь, дознаватель, без нахождения связей между доказательствами, мыслительной деятельности, неспособен сформировать картину происшедшего, только лишь сняв информацию со следов события прошлого: услышав свидетелей, исследовав вещественные доказательства, заключение эксперта, иные документы и т.п. Отсылка к единству двух деятельностей обнаруживается и в ч.4 ст. 283 УПК РФ, говорящей, что суд при наличии противоречий между заключениями экспертов (выявляются в ходе мыслительной деятельности) по собственной инициативе либо по ходатайству сторон назначает повторную либо дополнительную экспертизу (практическая деятельность), если эти противоречия невозможно разрешить посредством другой практической деятельности (допроса экспертов). Стоит обратиться и к ч.3 ст. 275, ч.3 ст. 278 УПК РФ, предоставляющим суду право задавать вопросы подсудимому и свидетелю после их допроса обвинителем и защитником, при этом, названное право, по своей сути, становится для судьи обязанностью в том случае, если участники процесса в ходе своих допросов не выявили информацию, значимую для постановления приговора.

Помимо этого, УПК РФ содержит и иные, необходимые для познания в судебном разбирательстве, условия. Так, согласно ст.ст. 86-88 УПК РФ, суд,

⁴³ Говоря судебное разбирательство, мы имеем ввиду производство в суд первой инстанции, ведь именно в ходе него устанавливаются обстоятельства ст. 73 УПК РФ. Не можем мы сказать об единстве мыслительной и практической деятельности, например, в суде кассационной инстанции, поскольку, как ВС РФ указал: «...в силу статьи 401.1 УПК РФ при рассмотрении кассационных жалоб, представления суд (судья) кассационной инстанции проверяет только законность судебных решений, то есть правильность применения норм уголовного и норм уголовно-процессуального права (вопросы права)» (п.10 Постановления ВС РФ от 28 января 2014 г. № 2 в ред. от 03.03.2015 г. «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции).

наряду с дознавателем, следователем, прокурором, осуществляет сбор, проверку и оценку доказательств⁴⁴. В ч.1 ст. 240 УПК РФ указано об обязанности непосредственного исследования всех доказательств посредством именно действий суда: «Суд заслушивает показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, заключение эксперта, осматривает вещественные доказательства, оглашает протоколы и иные документы, производит другие судебные действия по *исследованию доказательств* (курсив наш, выделено нами – К.С.)»⁴⁵.

Исходя из сказанного, мы и говорим об использовании в судебном разбирательстве одинакового с предварительным расследованием познавательного механизма⁴⁶. Иное не отвечало бы требованиям ч.1 ст. 297 УПК РФ («Приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым»), ч.4 ст. 302 УПК РФ: «Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях...»,

⁴⁴ Видя активность суда не в познании, а в создании условий для него, М.К. Свиридов предлагает: «...необходимость обеспечения установления нужной для вынесения приговора объективной истины и тем самым достижения большей полноты выполнения задач уголовного процесса требует повышения активности суда в получении доказательств. Но активность необходима не для самостоятельного собирания судом доказательств, а для воздействия на стороны с целью побудить их восполнить недостающие доказательства» см.: Свиридов М.К. Установление судом истины в судебном разбирательстве // Вестник Томского Государственного Университета. № 353, 2011. С. 147. За расширение активности суда, правда в ином ключе, высказывается и Д.А. Мезинов: «...предложение законопроекта закрепить для суда и должностных лиц стороны обвинения обязанность принятия всех необходимых мер к всестороннему, полному и объективному выяснению (исследованию) обстоятельств, подлежащих доказыванию... считаю вполне разумным и целесообразным» см.: Мезинов Д.А. Необходимо ли закрепление понятия «объективная истина» в уголовно-процессуальном законе? // Вестник Томского Государственного Университета. Право. № 2(8). 2013. С. 91-92. О месте суда в уголовно-процессуальном доказывании также см.: Медведев М.А. Суд как субъект уголовного процесса доказывания // Альманах современной науки и образования. № 9(76). 2013. 111-113 с.; Минимурзина О.Н. Судья как особый властный субъект судебного следствия // Российский Судья. №7. 2016. 36-40 с.

⁴⁵ Сконцентрировавшись на этом законоположении, ВС РФ специально обратил внимание судов на: «... их обязанность при рассмотрении каждого дела непосредственно исследовать доказательства в судебном заседании: допросить подсудимых, потерпевших, свидетелей, заслушать заключения экспертов, осмотреть вещественные доказательства, огласить протоколы и иные документы (ст. 240 УПК РФ)» (абз.1 п.7 Постановления ВС РФ от 17 сентября 1975 г. № 5 в ред. от 09.02.2012 г. «О соблюдении судами Российской Федерации процессуального законодательства при судебном разбирательстве уголовных дел).

⁴⁶ Не получилось у законодателя окончательно уйти от познавательной цели (и публичного начала) при конструировании такого состязательного института как суд присяжных. Согласно абз. 2 п. 17 Постановления ВС РФ от 22.11.2005 г. № 23 в ред. от 22.12. 2015 г. «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей»: «При несогласии с обвинительным вердиктом коллегии присяжных заседателей председательствующий судья по собственной инициативе принимает решение о роспуске коллегии присяжных заседателей в случаях, указанных в части 5 статьи 348 УПК РФ». Часть же 5 ст. 348 УПК РФ как раз поясняет, что если председательствующий придет к выводу о вынесении обвинительного приговора в отношении невиновного и наличии достаточных оснований для постановления оправдательного приговора, то он распускает коллегию присяжных и направляет дело на новое рассмотрение. В случае же окончательной реализации в УПК РФ состязательного начала, от подобного «познавательного» положения следовало бы отказаться, ведь оно ориентирует на выяснение того, что произошло на самом деле, а не на спор, где есть только победитель и проигравший.

иными словами, на вероятности, при этом, вероятность и необходимая для постановления обвинительного приговора достоверность, в том понимании, что изложено выше – это понятия и выведенные из них требования, относящиеся в первую очередь к познанию, а не к убеждению путем состязательности⁴⁷.

Таким образом, к российскому процессу не применимо разделение: предварительное расследование – познавательное, судебное разбирательство – состязательное, поскольку такое разбирательство цели познания перед собой не ставит. Действо здесь замыкается на формально-логическом доказательстве, софизмах, манипуляциях, используемых сторонами в стремлении не познать, а преимущественно убедить относительно пассивный суд⁴⁸. При таком подходе истина в споре не рождается, ведь спорящим до неё и нет дела⁴⁹, а познавательные результаты предварительного расследования, при понимании российского

⁴⁷ В абз. 3 п. 29 Постановления ВС РФ «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» также есть положение, что: «...выводы присяжных заседателей не могут основываться на предположениях, перед ними не должны ставиться вопросы о вероятности доказанности и виновности подсудимого в совершении деяния».

⁴⁸ Это объясняет и то, почему судебная риторика так важна для части сторонников состязательности. См.: Александров А.С. Введение в судебную лингвистику – Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2003 – 420 с. Именно она указывает на приемы, направленные на убеждение через чувство, а не на достижение общезначимого и необходимого и как следствие убеждение через разум. См.: Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов): Учеб.пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2006. С. 26.

⁴⁹ Рассуждая о нравах защитников в состязательном американском процессе, Г. Гудпастер пишет: «Идеология адвокатуры и связанный с ней дух адвоката обладают по сути особенной значимостью в оценке возможности установления истины в уголовных судебных процессах. В состязательной системе противник заинтересован в победе больше, чем в обнаружении правды. Этот дух наилучшим образом схватывается двумя принципами, сформулированными Мюрреем Шварцем: принципами неответственности и профессионализма. Принцип неответственности устанавливает, что: «Действуя как адвокат для клиента... юрист ни законно, ни профессионально, ни морально не ответственен за средства, использованные или цели, достигнутые». Принцип профессионализма утверждает, что: «юрист должен, в рамках установленных ограничений на профессиональное поведение, максимизировать вероятность того, что клиент одержит победу. Поскольку этот дух сам по себе сопровождает состязательные уголовные процессы, адвокат пытается выразить и оформить доказательство и выводы в его пользу безразлично к тому: действительно ли подобная манипуляция соответствуют тому, что реально произошло или фактам, как адвокат их знает. Сложно, однако, увидеть как истина (исторический факт) может быть обнаружена, где по крайней мере одна сторона в процессе активно стремится скрыть правду, поскольку она наносит вред ее клиенту». См.: Gary Goodpaster. On the Theory of American Adversary Criminal Trial. The Journal of Criminal Law & Criminology 1987 by Northwestern University, School of Law, Vol. 78, No. 1, Printed U.S.A. p. 124. Но можно ли подобное сказать о роли адвокатов в российском уголовном процессе, на которые, согласно Постановлению КС РФ от 17.12.2015 г. № 33-П По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Баляна, М.С. Дзюбы и других», возложена: «...**публичная** (выделено мной – К.С.) обязанность обеспечивать защиту прав и свобод человека и гражданина (в том числе по назначению судов), адвокат, как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, осуществляет деятельность, имеющую **публично-правовой характер** (выделено мной – К.С.), реализуя тем самым гарантии права каждого на получение квалифицированной юридической помощи?»

процесса как смешанного, используются лишь для убеждения судьи, что может привести последнего к решению, не соответствующему действительности.

Отстаивая подобным образом взгляд на доказывание только как на познание, мы контраргументировали понимание природы российского уголовного процесса как смешанной, ведущее к выделению в доказывании элемента «обоснование»⁵⁰.

Следующая же позиция о соотношении рассматриваемых понятий, сохраняющаяся с советского времени, утверждает: уголовно-процессуальное доказывание — это вид познания⁵¹. Наша претензия в том, что её последователями не учитывается необходимость для вида включать не только все признаки рода, но и обладать отличительным признаком, отграничивающим его от другого вида, но в рамках единого рода⁵². При этом, требуемый отличительный признак должен быть признаком самим по себе (*per se*), т.е. тем, который присущ «... всегда и

⁵⁰ Отграничивая публичную модель процесса от модели борьбы с преступностью Г. Пакера, надо сказать о равнозначности для первой, в целях установления фактов, как досудебных, так и судебных производств. Он же отмечал: «Полагается, что последующие процессы, конкретно те, формальной судебной природы, маловероятно установят факты также надежно, как на это способны экспертные административные процессы, предшествующие им. Уголовный процесс, таким образом, должен поставить особый вес на качество административного установления фактов... В этой модели, как я выдвинул в качестве предположения, центр тяжести процесса лежит в ранних, административных стадиях установления фактов. Дополнительное положение в том, что последующие стадии относительно неважны и должны быть усечены как можно больше». См. Packer Herbert L. Two Models of the Criminal Process. Reprinted from *The Limits of the Criminal Sanction* by Herbert L. Packer, with the permission of the publishers, Stanford University Press. 1968. р. 6. В противоположность сказанному, публичная модель российского уголовного процесса не отдает приоритета какой-либо его стадии, поскольку производство в каждой из них проходит в своих специфичных условиях, не идентичных и невзаимозаменяемых условиями другой стадии. Так, предварительное расследование осуществляется тайно, в то время как судебное разбирательство дает возможность органам государства и участникам процесса исследовать доказательства открыто и гласно. Однако, несмотря на различные условия деятельности, упомянутые стадии имеют общую цель – установление обстоятельств ст. 73 УПК РФ.

⁵¹ См.: Жогин Н.В. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Москва, Юридическая литература, 1973. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/974951/>; Стойко Н. Г. Недоказанность обстоятельств уголовного дела. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1984, 103 с.; Балакшин В. С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания: Важнейшие проблемы в свете УПК Российской Федерации [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. : 12.00.09 / В. С. Балакшин. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1212440>; Корнакова С.В. Уголовно-процессуальное доказывание как процесс познания // Известия Иркутской государственной экономической академии. № 6. 2006, С. 110-112; Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. – М.: Норма, 2007. – 528 с.; Пальчикова Н.В. К вопросу о сущности доказывания как вида познавательной деятельности по уголовному делу // Вестник Тамбовского Университета. Серия: Гуманитарные науки. №8 (100), 2011. 326–330 с.; Антонова Э.Ю. Доказывание как вид познания и его теоретическое и практическое значение // Пробелы в российском законодательстве. №1, 2015. С. 209-213.

⁵² Тоноян Л.Г. Разработка операции деления в трактатах Северина Бозция // Логико-философские штудии. 2008. № 5. С. 71.

всякому субъекту и завершает субстанцию (для человека такими завершающими признаками являются разумность и смертность)...», и который «...нельзя отделить ни мысленно, ни действием (например, если отнять у человека умение считать, то, по Бозэцию, не будет и человека)...»⁵³. В нашем же случае протекание уголовно-процессуального доказывания в правовой форме не означает наличия у него сущности, отличной от сущности других познавательных актов, совершающихся человеком каждый день. Сущность познания – обнаруженное нами единство мыслительной и практической деятельности – сохраняется в них во всех.

Контрарного мнения придерживается Н.В. Пальчикова, выделившая признаки юридического познания и считающая, что: «...указанные особенности в полной мере применимы к уголовно-процессуальному доказыванию. Во-первых, преступление как объект познания фигурирует в доказывании лишь в тех проявлениях, которые законом отнесены к предмету доказывания... Во-вторых, круг субъектов, уполномоченных осуществлять доказывание, определен законом... В-третьих, деятельность по установлению обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела, осуществляется в строго установленной законом форме»⁵⁴.

Однако уголовно-процессуальная форма, т.е. законодательная регламентация и следствия из нее в виде установления особых субъектов деятельности (органы государства), способов (следственные и иные процессуальные действия), средств (доказательств) и т.п. не станет видовым отличием, поскольку форма⁵⁵ должна соответствовать содержанию⁵⁶, адекватно выражать и не изменять его.

⁵³ Там же. С. 69.

⁵⁴ Пальчикова Н.В. Указ. соч. С. 327 – 328.

⁵⁵ Форма в этом контексте – то, что фиксирует «...многообразные модификации содержания, способы его существования и проявления...» см.: Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Политиздат, 1991. С. 415. О понятии формы см.: Карцева Г.А. Категории «содержание» и «форма»: от античности до Канта // Вестник Тамбовского Университета. Серия: гуманитарные науки. 2012. № 10 (114). – С. 247 – 251; Поляков А.Ф. Понятийная триада «форма-содержание-смысл» // Вестник Бурятского Государственного Университета. 2014. № 6-1. – С. 118 – 121.

Другими словами, не уголовно-процессуальная форма меняет закономерности познания, а, исходя из них, законодатель ее конструирует⁵⁷.

Таким образом, нормы УПК РФ должны не противоречить правилам познания, а соответствовать им. Но наблюдается иное: согласно ч. 1 ст. 88 УПК РФ собранные доказательства оцениваются в совокупности с позиции достаточности для разрешения уголовного дела, однако в познании, исходя из необходимости соблюдения в мышлении требования достаточного основания, с позиции достаточности подлежит оценке не только окончательный, но и каждый вывод, поскольку «принцип достаточного основания требует, чтобы всякое суждение было обосновано»⁵⁸. Переноса сказанное в уголовный процесс, считаем, что с позиции достаточности должностное лицо обязано оценивать информацию, лежащую в основе любого вывода. В свою очередь, обстоятельство, значимое для принятия решения, может быть установлено при наличии достаточности положенных в его основу выводов. Расходится с познавательной организацией уголовного процесса и ст. 15 УПК РФ, часть вторая которой разделяет функции в уголовном судопроизводстве на обвинение, защиту и разрешение уголовного дела. Сама идея разделения функций таким образом ставит под сомнение возможность познания и ориентирует носителей этих функций не на познание, а на спор и противоборство⁵⁹. Спор же и получение знания — разные деятельности, а значит, они предусматривают разные цели, способы, средства и методы их достижения.

⁵⁶ Организация эффективного доказывания основана на придании ему соответствующей уголовно-процессуальной формы, ведь соответствие формы системы ее содержанию есть необходимое условие «...максимально полной реализации в действительность возможностей этой системы». См.: Солопов Е.Ф. Логика диалектики. К 240-летию со дня рождения Гегеля. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. С.91.

⁵⁷ В.Т. Томин подчеркивает: «...мне представляется *некорректным основывать познание по уголовному делу исключительно на нормах и обычаях уголовно-процессуального права, да и вообще любого права... **Познание основывается на законах гносеологии, которые не корректируются процессуальным законом.** Наоборот». Уголовный процесс России. Проблемные лекции: учебное пособие (для студентов высших юридических учебных заведений) / Науч. ред. В.Т. Томин, А.П. Попов и И.А. Зинченко. Пятигорск: Изд., «РИА-КМВ».2014. С. 57.*

⁵⁸ Ивлев Ю.В. Практикум по логике: учеб. пособие. М.: Проспект, 2013. С. 241.

⁵⁹ Критикуя состязательность, А. С. Барабаш заключает: «Основой отношений в российском уголовном процессе является не борьба, а взаимодействие, в основе которого лежит необходимость установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в рамках всестороннего, полного и объективного их исследования». См.: Барабаш А. С. Публичное начало российского уголовного процесса... С. 29.

Можно усилить: не согласуется с познавательной организацией доказывания не только ч.2 ст. 15 УПК РФ, но и то, что на ней как на основе зиждется. В п. 29 Постановления ВС РФ от 05.03.2004 г. № 1 в ред. от 01.06.2017 г. «О применении судами норм Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации» указано: «В соответствии с частями 7 и 8 статьи 246 УПК РФ полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства, а также изменение им обвинения в сторону смягчения определяют принятие судом решения в соответствии с позицией государственного обвинителя, поскольку уголовно-процессуальный закон исходит из того, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе принципа состязательности и равноправия сторон, а формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечиваются обвинителем». В другом своем акте ВС РФ обращает внимание судов «...на необходимость строгого соблюдения процессуального законодательства при судебном разбирательстве уголовных дел, имея в виду, что только точное и неуклонное его выполнение обеспечивает всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела, выявление причин и условий, способствующих совершению преступлений, и воспитательное воздействие судебного процесса» (п.1 Постановления ВС РФ от 29.08.1989 г. №4 в ред. от 06.02.2007 г. «О соблюдении судами Российской Федерации процессуального законодательства при рассмотрении уголовных дел по первой инстанции»). Однако проблема в том, как нами показано ранее, что следование законодательным предписаниям – поскольку они не соответствуют пониманию доказывания как познания – не обеспечивает всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела, а, наоборот, отдаляет от него. Возникает парадоксальная ситуация, при которой ВС РФ требование объективного, полного и всестороннего исследования обстоятельств дела предлагает реализовывать средствами, противоречащими ему, т.е. через неуклонное выполнение

процессуального законодательства, включающего, в том числе и принцип состязательности⁶⁰.

Когда в 2004 году группа депутатов обратилась в КС РФ о том, освобождает ли государственные органы закрепленный в ст. 15 УПК РФ принцип состязательности от необходимости исследования всех обстоятельств уголовного дела, последний пояснил: «...обвинение может быть признано обоснованным только при условии, что все противостоящие ему обстоятельства дела объективно исследованы и опровергнуты стороной обвинения... дознаватель, следователь, прокурор и суд, осуществляя доказывание, обязаны принимать в установленных процессуальных формах все зависящие от них меры к тому, чтобы были получены доказательства, подтверждающие как виновность, так и невиновность лица в совершении инкриминируемого ему преступления» (абз. 3, п. 3 и абз. 2, п. 4 Постановления КС РФ от 29.06.2004 №13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы»). Чтобы быть правильно понятыми, эта правовая позиция, на наш взгляд, подтверждает не тезис о совместимости состязательности с полнотой, всесторонностью, объективностью исследования обстоятельств уголовного дела, а доказывает, что, даже с введением ст. 15 УПК РФ, не удалось перечеркнуть познавательные закономерности российского процесса⁶¹.

В целом, реформирование системы уголовного правосудия в связи с распадом Советского Союза, закрепление принципа состязательности и

⁶⁰ Критикуемая логика: если отсутствуют нарушения норм УПК РФ, то исследование обстоятельств дела будет всесторонним, проведена и в абз. 6 Постановления ВС РФ от 17.09.1975 г. № 5 в ред. от 09.02.2012 г. «О соблюдении судами Российской Федерации процессуального законодательства при судебном разбирательстве уголовных дел»: «Все еще не изжиты случаи существенного нарушения норм УПК РФ при судебном разбирательстве, что приводит к поверхностному исследованию обстоятельств дела, неверной оценке доказательств и вынесению незаконного и необоснованного приговора».

⁶¹ Не согласуется с пониманием доказывания как познания и практика его упрощения, выразившаяся недавно в появлении возможности прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ).

последующее расширение ее элементов напоминают ситуацию «англификации» французского уголовного процесса во время Великой революции⁶². Оценивая предложенные в то время Николасом Бергассе реформы как бессовестную попытку импорта англо-американской модели, Ричард Воглер цитирует его: «Легко заметить, что ни о каких методах не говорится здесь, за исключением тех, которые предоставлены системой юриспруденции, принятой в Англии и свободной Америке, для обвинения и наказания за преступления... мы не можем поступить лучше, чем перенять ее без проволочки, улучшая ее, однако, в некоторых деталях (цитата по Эсмену 1914, с. 408)»⁶³.

⁶² Если говорить про наше время, Бернд Шюнеманн, разбираясь в причинах распространения североамериканского процесса, пишет: «Для современного триумфального марша североамериканского уголовного процесса, поэтому, должны быть другие причины. По моему мнению, они лежат (что покажется на первый взгляд парадоксальным) именно в правовом дефиците североамериканской модели, что более чем в 90% случаев случается совсем иное, а именно происходит быстрое осуждение без проведения должного судебного контроля за органами расследования. Не сильные правовые стороны, а, совсем напротив, его слабые моменты делают сегодня привлекательной североамериканскую модель для европейских органов уголовного преследования и находящихся под их влиянием законодательных органов». См.: Schünemann B. Zur Kritik des amerikanischen Strafprozessmodells, in: Edda Weßlau et al. (Hrsg.), Festschrift für Gerhard Fezer zum 70. Geburtstag am 29. Berlin et al. 2008, S. 555-556.

⁶³ Vogler R. A World View of Criminal Justice. MPG Books Ltd, Bodmin, Cornwall, 2005. p. 50. М. Крамер, участник сети ПОНАРС Евразия (Программа новых подходов к исследованиям и безопасности в Евразии), позитивно оценил УПК 2001 года как учредивший действительно состязательную систему в РФ. Но была и критика от него: «Новый уголовно-процессуальный кодекс в России нацелен на трансформацию судебной системы страны, но до тех пор, пока кодекс не будет строго применяться, он не создаст фундаментального воздействия... Несмотря на то, что нищие подозреваемые должны обладать правом на консультацию, действительность такова, что адвокаты во многих регионах несклонны служить как защитники, поскольку местным правительствам часто не хватает средств, чтобы заплатить им» (См.: Kramer M. Rights and Restraints in Russia's Criminal Justice System: Preliminary Results of the New Criminal Procedural Code. PONARS Policy Memo 289. Harvard University. May 2003. p. 1,3). М. Крамер продолжает: «Появилось много сообщений о незаконных допросах, особенно, вне Москвы и Санкт-Петербурга.... Доклады о пытках полиции остаются распространёнными, и во многих делах, суды игнорировали злоупотребления и отказывались отклонить показание, полученное под принуждением (см.: М. Kramer. Указ. соч. р.3,4). Далее, по логике Мр. Крамера именно воплощение в правоприменении действительно-состязательного УПК РФ должно решить обозначенные им проблемы, поскольку они как раз следствие «не строгого применения» кодекса. Однако, сомнительно, что состязательность их устранил, хотя бы потому, что страны, уже имеющие состязательность, также сталкиваются с этими проблемами. Так, судья Ричард Познер говорит об идентичных проблемах защитников в США: «Право наделяет подсудимого эффективной помощью консультации, но затем слишком малая плата юристам, чтобы привлечь компетентных адвокатов к защите нищих подсудимых, может стоить системе больше в конечном счете через приведения к пересмотрам, следующим за установлением того, что юрист подсудимого в его первом судебном разбирательстве был некомпетентен» (См.: Цит. по: Findley Keith A. p. 44.) К. Финдли, предлагающий реформы для предотвращения ложных признаний в США, также упоминает: «Стандартное обучение полицейскому допросу учит очень агрессивному, презумирующему вину подходу, чья цель добыть признание, не извлечь информацию. Наиболее распространенный вариант этого подхода, известный как «Техника Рейда», учит полицию изолировать и сломить подозреваемого, заставляя его чувствовать себя отчаявшимся через убеждение его, что он будет осужден (посредством, например, отсечения всех отрицаний вины и сообщения ему о перевешивающих доказательствах против него, реальных ли или сфабрикованных)» (См.: Findley Keith A. Указ. Соч. р. 34.). Очевидно, если идентичные проблемы сохраняются в странах с состязательностью и без нее, имплементация состязательной системы, вопреки надеждам Мр. Крамера, их не решит.

Таким образом, видим, вопрос об уголовно-процессуальной форме как об отличительном признаке (*per se*) доказывании разрешается на основе отношения к ней. Если утверждать давление формы над содержанием, тогда доказывание – вид познания, если же исходить из обратных отношений – не вид, поскольку правовая форма не изменит сущности доказывания настолько, чтобы она отличалась от сущности иных познавательных актов. Л.Е. Владимиров, анализируя уголовно-судебную достоверность, писал: «... По существу своему, она не представляет ничего особенного, сравнительно с тою достоверностью, добывание которой нам одинаково нужно как для ведения ничтожнейших житейских дел, так и для констатирования величайших событий в истории человечества или уяснения труднейших вопросов в различных областях науки»⁶⁴. Исследователи же, обосновывающие, что уголовно-процессуальное доказывание есть вид познания, поступают аналогично тому, как если бы мы, разделяя объем понятия «человек» по признаку цвета глаз, утверждали бы, что человек с голубым цветом глаз, есть вид человека. Так, в «Теории доказательств в советском уголовном процессе» писали: «Доказывание в уголовном процессе обычно определяют как разновидность процесса познания. Такая гносеологическая характеристика означает, что познание в уголовном судопроизводстве подчинено общим гносеологическим закономерностям...»⁶⁵. С подчинением общим закономерностям мы согласны, но указание на «разновидность» подчеркивает и то, что якобы познание в уголовном процессе отличается от познания, протекающего в любой иной сфере.

Другой процессуалист А.Р. Белкин пишет: «Но, будучи разновидностью всеобщего процесса познания, выражая все его существенные черты, доказывание имеет и свои особенности, коренящиеся в условиях протекания этого процесса»⁶⁶.

⁶⁴ Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула : Автограф, 2000. С. 36–37.

⁶⁵ Жогин Н.В. Указ. соч. <http://www.twirpx.com/file/974951/>. Схожая позиция встречается и у Н.Г. Стойко: «Прежде всего необходимо отметить, что, будучи разновидностью познавательной деятельности, доказывание подчинено общим правилам и закономерностям познания». См.: Стойко Н. Г. Указ. соч. С. 7.

⁶⁶ Белкин А.Р. Указ. соч. С. 12

Особенности-то есть, но не всякая особенность подходит для выделения вида, а только данная посредством отличительного признака (*per se*), отграничивающим один вид от другого, но, как указывалось выше, в рамках одного рода. Последнее нарушается в рассуждении Е.Э. Курзинера: «Доказывание обстоятельств дела охватывается понятием познание обстоятельств дела, поскольку доказывание, **в отличие от познания** (выделено нами, курсив наш – К.С.), осуществляется только процессуальным путём, только определёнными в законе участниками процесса, доказывание имеет «адресата», т.е. в конечном итоге преследует цель разрешения дела по существу»⁶⁷. Но, если перечисленные признаки доказывания отличают его в принципе от **познания**, то познание обстоятельств дела, являясь **познанием**, не может охватить доказывание. Кроме того, далее автор подчеркивает: «...доказывание представляет познавательный процесс, которому присуще единство эмоционального и рационального, субъективного и объективного, непосредственного и опосредованного, что проявляется во всех его взаимосвязанных элементах»⁶⁸. Здесь, на наш взгляд, ученый противоречит самому себе, ведь в предыдущем отрывке он доказывание отличал от познания, а не отождествлял с ним.

Иного взгляда, но также устанавливающего отношения подчинения между познанием и доказыванием, придерживается А.А. Кухта: «Уголовно-процессуальное доказывание является лишь одной из форм познания. Уголовно-процессуальное познание включает в себя также оперативно-розыскное познание, познание с помощью преюдиций и презумпций, адвокатское познание... Уголовно-процессуальное познание является более широким понятием, нежели доказывание»⁶⁹. Процессуалист здесь, в отличие от позиции, разбираемой выше, к

⁶⁷ Курзинер Е.Э. Актуальные вопросы доказывания в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Челябинск. 2009. С.184.

⁶⁸ Там же. С. 185.

⁶⁹ Кухта А.А. Доказывание истины в уголовном процессе: дисс. док. юрид. наук. Нижний Новгород, 2010. С. 334. О доказывании «...как процессуальной форме познания в уголовном судопроизводстве...» упоминает и Л.А. Воскобитова. См.: Воскобитова Л.А. Философские аспекты проблем познания в уголовном судопроизводстве // Философские науки. 2013. №12. С. 28

познанию, помимо доказывания, относит и иную деятельность. Нам же видится, что перечисленное им, за исключением доказывания, не является познанием, как не имеющее в себе его сущности: единства мыслительной и практической деятельности, направленных на получение знания. Так, результаты ОРД, проведенной до возбуждения уголовного дела либо после, не могут содержать информацию достаточную для получения знания о событии прошлого. Защитник, не будучи субъектом доказывания (ч.1 ст. 86 УПК РФ), лишь представляет информацию, могущую только по решению должностного лица стать доказательством. Использование же преюдиций предполагает не реализацию мыслительной и практической деятельности в единстве, а принятие фактов без их дополнительной проверки (ст. 90 УПК РФ)⁷⁰, в свою очередь, презумпция – это не познание, а то, что в ходе него подтверждается или опровергается.

Обозначая собственную позицию о соотношении анализируемых понятий, мы примыкаем к подходу, считающему уголовно-процессуальное доказывание познанием. Так, Ю.К. Якимович, в одном из своих последних трудов, оперирует, рассуждая о доказывании в уголовном процессе России и его цели, исключительно понятием «уголовно-процессуальное познание»⁷¹, а В.Н. Григорьев утверждает, что: «Исследование обстоятельств уголовного дела по своей гносеологической природе не отличается от исследования в других областях познания»⁷².

Однако нам ближе, с некоторыми оговорками, позиция процессуалистов, также полагающих доказывание познанием, но подчеркивающих не родовидовой

⁷⁰ КС РФ также подчеркнул, что преюдиция – это конструкция, освобождающая от доказывания (абз. 4 п.3.1 Постановление КС РФ от 21.12.2011 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко»). От доказывания, а, значит, от познания и необходимости реализации в единстве мыслительной и практической деятельности.

⁷¹ Якимович Ю. К. Доказательство и доказывание в уголовном процессе России: учеб. пособие. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. С. 3.

⁷² Григорьев В.Н. Профессор Н.С. Алексеев об истине и цели доказывания по уголовным делам. Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность [Электронный ресурс]: Сборник статей по материалам Международной научно - практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексеева (г. Санкт-Петербург, 28-29 июня 2014 года) / Под ред. Н.Г. Стойко. – СПб.: ООО «ЦСПТ», 2015. С. 45.

характер отношений между ними⁷³. По мнению А.С. Барабаша: «...на уровне понятия уголовно-процессуальное доказывание ничем не отличается от познания и не является его разновидностью. Уголовно-процессуальное доказывание – это познание с указанием сферы его применения».

Соглашаясь с этими суждениями, необходимо подчеркнуть их правомерность только при соотношении понятий на базе существенных признаков⁷⁴. Если же мы используем несущественные, то подчинение понятий может образоваться и в отсутствие родовидовых отношений. Например, объем понятия «следователь, расследующий кражу» полностью включится в понятие «следователь» на том основании, что к признакам, содержащимся в понятии «следователь», добавляется новый признак расследования кражи, сужающий объем понятия «следователь» только до тех элементов его класса, кто расследует кражу. Изложенное основано на законе обратного отношения: «пусть имеются два понятия, содержание одного из которых меньше содержания второго, тогда объем первого больше объема второго»⁷⁵. При этом, разумеется, следователь, расследующий кражу, не есть вид следователя, поскольку деление не производится ни по существенному, ни по отличительному признаку (*per se*), о необходимости наличия которого упоминалось выше.

Описанное наблюдается и при соотношении понятий «познание» и «уголовно-процессуальное доказывание». На уровне несущественных признаков «уголовно-процессуальное доказывание», являясь познанием, обладает помимо признака «быть познанием» еще и признаком «быть уголовно-процессуальным», следовательно, между ними установятся отношения подчинения (понятие

⁷³ Барабаш А.С. Указ. соч. С. 249. С.А. Шейфер уточняет: «...отсутствуют какие-либо основания к пересмотру сформировавшейся в процессуальной теории концепции, согласно которой доказывание в уголовном судопроизводстве не существует наряду с познанием: оно и есть познание обстоятельств дела, осуществляемое в особой процессуальной форме». См.: Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: «Норма», 2008. С. 24

⁷⁴ «**Существенным** называется признак, изменение или исчезновение которого приводит к изменению или исчезновению самого понятия. Он составляет ядро, основное содержание понятия, и, конечно же, является общим. Для человека таким признаком будет *разумность*». См.: Мигунов А.И., Микиртумов И.Б., Федоров Б.И. Указ. соч. С. 74.

⁷⁵ Ивлев Ю.В. Указ. Соч. С. 194

«познание» шире уголовно-процессуального доказывания, которое в него входит). Однако на уровне существенных признаков родовидовые отношения не образуются, потому что протекание доказывания в определенной сфере человеческой практики и правовой форме не является ни существенным, ни отличительным признаком, подходящим для выделения такого вида познания как «уголовно-процессуальное доказывание». В сказанном обнаруживается лейтмотив этого параграфа, выражающий авторское понимание рассматриваемых понятий, которое позволяет:

1) говорить об обязанности соблюдения правил формальной и диалектической логики должностными лицами при принятии ими уголовно-процессуальных решений; 2) не допускать отхода от правил познания под предлогом наличия у доказывания по сравнению с другими познавательными актами специфики, связанной с правовой формой; 3) прийти к заключению о необходимости организации уголовно-процессуальных институтов, чтобы создать необходимые и достаточные условия для ведения познавательной деятельности, разрешив противоречия УПК РФ, оговоренные нами выше.

Говоря же об этапах настоящего исследования, обосновываемая нами тождественность доказывания познанию служит отправной точкой для всей работы в целом, а, применительно к следующей ее части, для анализа теорий познания с целью определения гносеологической основы российского уголовного процесса.

§1.2. Диалектическая гносеология российского уголовного процесса и критерии ее выбора

Проанализировав в предыдущем параграфе проблему необходимости теории познания в уголовном процессе и соотнеся понятия познания и уголовно-процессуального доказывания, следует перейти к изучению конкретных ее видов и

здесь ключевой вопрос, каких именно? При имеющемся количестве разработанных, разрабатываемых и только нарождающихся гносеологий смело звучит утверждение А.А. Брестера, что: «на данный момент аргументов против того, что уголовно-процессуальное доказывание строится на достижениях гносеологии, в частности разработанном диалектическом методе познания, и формальной логики, мы не нашли»⁷⁶. Однако не опровержение тезиса о построении доказывания на гносеологических достижениях не ведет к его истинности. Процессуалисту следовало бы, насколько позволяют объемы научного исследования: 1) высказаться относительно самой возможности философского заимствования и его границ, поскольку в основе обращения к философии как минимум лежит допущение, что подобное обращение возможно; 2) определить критерии выбора гносеологии российского уголовного процесса; 3) рассмотреть, исходя из выбранных критериев, альтернативные, по отношению к диалектической, теории познания, показав сложность их использования в уголовно-процессуальном доказывании, и затем отрицающе-утверждающим методом прийти к диалектической гносеологии, если это будет возможно. В этом параграфе мы и реализуем предложенную программу исследования.

Итак, во многих теоретических исследованиях процессуалистами применяются философские категории к понятиям уголовно-процессуальной науки⁷⁷. По этому поводу Ю.К. Якимович замечал: «Бедой современной науки уголовного процесса в том числе является то, что ученые-процессуалисты все более вторгаются в сферу философии, в которой познания у них не столь велики, чтобы делать серьезные умозаключения применительно к уголовному процессу. Отсюда и получается, что сложнейшие философские категории (а ведь и сами философы трактуют их неоднозначно) применяются к понятиям уголовно-

⁷⁶ Барабаш А. С., Брестер А. А. Метод российского уголовного процесса... С. 66.

⁷⁷ Напомним лишь некоторых процессуалистов, обращавшихся в своих работах к философии: А. В. Агутин, А. С. Александров, В. С. Балакшин, В. М. Бозров, Л. Е. Владимиров, Р. Воглер, Л. В. Головкин, В. Н. Григорьев, Г. Гудпастер, С. В. Корнакова, О. В. Левченко, Д. А. Мезинов, М. К. Свиридов, М. С. Строгович, И. Я. Фойницкий и другие.

процессуальным, которые чаще всего, как и сама наука уголовного процесса, носят прикладной характер и достаточно условны»⁷⁸. Такое замечание нельзя не учитывать⁷⁹. Действительно, профессиональный философ, обсуждая тот или иной вопрос, читая книгу, может заметить противоречий между используемыми понятиями, смысловых оттенков и деталей гораздо больше, чем подметит юрист. Обратимся снова к тезисам С.Б. Россинского. Он, рассуждая о невозможности резкого отхода «теории уголовно-процессуального познания и доказывания от постулатов диалектического материализма» и, предлагая компромиссный подход, состоящий в том, что: «...существующие в теории доказывания постулаты вполне могут получить новый виток своего развития в контексте заимствования ряда положений и взглядов из области других, в том числе современных, философских школ и течений»⁸⁰, заключает: «... для диалектического метода познания характерно несколько базовых положений: а) о первичности материи и вторичности сознания; б) о возможности познания человеком объективного мира; в) об объективной, относительной и абсолютной истине; г) о ступенях познания; д) о роли общественно-исторической практики в познании и т.д.»⁸¹, указанное, при этом, берется автором из работы В.Я. Дорохова «Марксистско-ленинская гносеология – основа теории доказательств»⁸².

⁷⁸ Якимович Ю. К. Доказательство и доказывание в уголовном процессе России... С. 12. Некоторые логики подчеркивают естественность подобного обращения к философии: «Так, в общей теории права и государства и конституционном праве помимо собственно правовых неизбежно приходится оперировать философскими («человек» в контексте исследования «прав человека»), социологическими («общество»)». Философские элементы присутствуют и в категориальном ряду теории гражданского права... в теории гражданского и уголовного процессов («справедливость» судебного решения)». См.: Титов В.Д. О специфике определений в юриспруденции // Логико-философские штудии. №3, 2005. С. 204-205.

⁷⁹ Например, активно в последнее время переносятся А. С. Александровым и его учениками *одновременно* положения философии Августина Блаженного, Л. Витгенштейна, материализма, идеализма, прагматизма, экзистенциализма, феноменологии, философской герменевтики, постструктурализма, постмодернизма, методологического анархизма на уголовно-процессуальную деятельность. См.: Александров А. С., Терехин В. В. К вопросу о новой теории уголовно-процессуального доказывания // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 1(15). С. 9 – 18; Александров А. С., Терехин В. В. Пять тезисов из манифеста критических правовых исследований русского уголовно-процессуального права // Вестник Волгоградского Государственного Университета. Серия 5: Юриспруденция. 2015. № 1. С. 8 – 14.

⁸⁰ Россинский С.Б. Указ. Соч. С. 15.

⁸¹ Там же.

⁸² Дорохов В.Я. Марксистско-ленинская гносеология – основа теории доказательств // Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973. С. 36.

Если же внимательно прочитать цитату, то обнаружится смешение понятий диалектического метода познания и того же метода, но разработанного в лоне материалистической философии: С.Б. Россинский, описывая диалектический метод познания, раскрывает его исходя из материалистической основы, когда с помощью этого метода выстраивались как идеалистические (идеализм Г. В. Ф. Гегеля), так и материалистические философские системы (материализм Ф. Энгельса, К. Маркса), что существенно, характеристики самого диалектического метода⁸³, без привязки к той или иной философии, автором не дается. Последнее же, в свою очередь, ведет к непониманию того, какую именно основу уголовно-процессуального познания С.Б. Россинский предлагает совершенствовать и обновлять (диалектическую или диалектико-материалистическую), от чего отказываться и что перенимать. Удачнее, на наш взгляд, поступили в совместной статье Г.А. Печников, А.П. Блинков, И.В. Казначей, раскрывая последовательно содержание и показывая значимость именно материалистической диалектики как истинно научного метода познания и объективной истины⁸⁴.

Вместе с тем, подобное нельзя сказать об отдельной статье Г.А. Печникова, утверждающего ограниченность логики формальной и примат над ней логики диалектической: «Ее (формальной логике, добавлено нами – К.С.) основу составляет закон тождества « $A=A$ ». Однако в своей сущности окружающий нас мир устроен не элементарно «формально-логически» — устроен он диалектически. Поэтому подлинным, всеобщим и универсальным законом мышления может выступать только материалистическая диалектика как теория и

⁸³ В связи со сказанным интересны слова Я.А. Бермана, критически проанализировавшего диалектику Г.В.Ф. Гегеля, Ф. Энгельса, К. Маркса, И. Дишгена и утверждавшего: «Не выдерживают научной критики только пресловутые диалектические схемы, но нам, кажется, удалось показать, что *не в них* заключается сущность диалектического метода, а **в законе всеобщего развития** (выделено нами – К.С), понимаемого в том виде, какой придан ему новейшим научным исследованием в области физических и биологических наук». См.: Берман Я. А. Диалектика в свете современной теории познания / Я. Берманъ. - Москва : Московское Книгоиздательство, 1908. С. 236.

⁸⁴ Печников Г.А., Блинков А.П., Казначей И.В. О значении материалистической диалектики как истинно научного метода познания и объективной истины // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. №1 (32). С. 115.

логика познания»⁸⁵, затем эти положения связываются автором с построением российского уголовного процесса на состязательной основе: «Все в пределах, рамках состязательности, и ничего сверх состязательности. Но ведь это тавтология, подход с позиции формально-логического закона тождества «A=A»... Возьмем известные суждения: «Иван есть Иван», «Жучка есть Жучка», «роза есть роза» и т. п. В таком же формально-логическом ключе работает и законодатель в состязательном УПК РФ: «обвинение есть обвинение», «сторона обвинения должна подтвердить обвинение (обвинительный тезис), чтобы выиграть дело», «победитель есть победитель», «побежденный есть побежденный». Это тавтология...»⁸⁶. Разделяя негативную в этой части оценку УПК РФ и солидаризируясь с необходимостью использования в уголовно-процессуальном доказывании диалектической логики, мы не соглашаемся с отрицательным отношением к роли логики формальной и ее законов в познании обстоятельств совершенного в прошлом преступления. Сфера формальной логики – «...логическая форма высказывания, т.е. **мыслимый** (выделено нами – К.С.) способ связи его составных частей»⁸⁷. Если же полагать, как Г. А. Печников, что в состязательном построении российского уголовного процесса обнаруживается «подход с позиции формально-логического закона тождества «A=A»», то этот закон из закона мысли становится уже законом действительности, т.е. выходит из границ, очерченных ему логикой формальной.

Тезис о законе тождества как о нечто, определяющем построение российского уголовного процесса, похож на софизм, обращаемый против любого уголовного процесса, а не только состязательного. Про публичный также можно сказать, перефразируя Г.А. Печникова, что в нем «все в пределах, рамках публичности, и ничего сверх публичности...следователь расследует, судья судит,

⁸⁵ Печников Г.А. Формальная или диалектическая логика должна определять уголовный процесс? // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. №1 (24). С. 143.

⁸⁶ Там же. С. 145.

⁸⁷ Асмус В.Ф. Логика: учебник. М. : Едиториал УРСС, 1947. С. 8.

действительно виновный есть действительно виновный, невиновный есть невиновный...». По такой доведенной до абсурда логике всякий уголовный процесс оказывается основанным на «подходе с позиции формально-логического закона тождества « $A=A$ », а, потому, уже в силу этого, дефектным.

Помимо сказанного, разбираемый закон не противоречит положениям диалектической логики, поскольку: «Закон тождества не говорит, каков именно предмет нашей мысли. Предмет этот может быть любой: существующий или воображаемый, относительно устойчивый или изменчивый»⁸⁸. Следовательно, при четком определении сферы формальной логики и ее законов, нельзя судить, в противоречие Г.А. Печникову, о законе тождества как прокрустовом ложе «диалектического» мира и подходе, обнаруживаемом в попытках построения российского уголовного процесса на несвойственной для него состязательной основе.

От противника состязательности, перейдем к ее союзнику. А.А. Кухта пишет: «Уголовно-процессуальное доказывание – такой же познавательный процесс, как любой другой. Логическая модель познания, как инструмента реконструкции оспариваемых, имевших место в прошлом событий, укоренена в рациональной, индуктивистской традиции, заложенной Ф. Бэконом, Д. Локком, Д. Юмом»⁸⁹. Вместе с тем, синонимичное перечисление «рациональной, индуктивистской традиции» недостаточно корректно, поскольку рационализм на фоне эмпиризма и индукции не есть их апологет, а связывается с дедукцией и, например, Р. Декартом⁹⁰. Автору, поэтому, было необходимо подчеркнуть отношение рационализма к индуктивистской традиции, однако в смысле его противопоставления иррационализму. Тем более, сам ученый на это намекает:

⁸⁸ Там же. С. 16

⁸⁹ Кухта А.А. Указ. соч. С. 130.

⁹⁰ В истории философии подчеркивается: «В отличие от Ф. Бэкона, который в «Новом Органоне» считал индукцию (в современных терминах можно сказать «эмпирическую индукцию») основным методом получения истинных (и практически полезных) фактов, Декарт таким методом считает рациональную дедукцию». См.: История философии в кратком изложении / Пер. с чеш. И. И. Богута – М.: Мысль, 1991. С. 374.

«Рационализм – главная отличительная черта познания, происходящего по уголовным делам. Эмоции, психология имеют место в процессе, и пренебрегать ими было бы опасно, но строить свои выводы, систему доказательств любой разумный судебный деятель будет, исходя из рациональной основы»⁹¹.

Также вызывает вопросы тезис об укоренении логической модели познания в индуктивизме, ведь в нем не в меньшей мере используется и дедукция, представляющая вторую основную методологическую стратегию.

Полагаем, анализ перечисленных теорий показал: 1) сложность философского заимствования для некоторых процессуалистов; 2) нередко подобные обращения к философии довольствуются обнаружением приемлемого для подкрепления аргументации, без проникновения в суть принятого и без обоснования возможности использования этого принятого в разворачиваемой аргументации.

Тем не менее, встречающиеся на пути трудности не должны заставить нас отказаться от полезного заимствования. Боязнь их может привести к закрытию путей для дедуктивного и индуктивного обогащения⁹² различных областей знания. В частности, уголовно-процессуальная наука развивается, вводя в систему своих понятий философские категории, позволяющие отрефлексировать ту или иную проблему, предложить путь ее решения. Философия же обогащается индуктивно через анализ того, какое преломление в конкретной области знания получают ее понятия, пригодны ли они для использования. Мы согласны с Л.А. Воскобитовой, с сожалением замечающей: «И чем глубже этот разрыв (между философией и юридической наукой, добавлено нами – К.С.), тем менее глубокой становится

⁹¹ Там же. С. 129.

⁹² Например, Д.А Керимовым подчеркивается: «Взаимодействие наук вообще является необходимой и актуальной потребностью развития самой науки, повышения качества, эффективности и результативности научных исследований. Оно обусловлено объективными причинами: не только внутренней логикой и тенденциями развития науки, но и запросами практики» см.: Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. 2-е изд. М. : Аванта+, 2001. С. 61. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://padabum.com/x.php?id=19823>

юридическая наука, исследующая, а по большей части просто описывающая явления, но не объясняющая их причины, сущность, природу»⁹³.

Сказанное позволяет заключить о необходимости заимствования, однако встает вопрос об организации этого процесса с целью исключения механического внедрения взаимопротиворечивых, философских положений, в понятийное поле уголовно-процессуальной науки. Подспорьем здесь могут выступить идеи междисциплинарных исследований, высказываемых философами науки⁹⁴. Так, В. С. Степин утверждает: «Наряду с дисциплинарными исследованиями на передний план все более выдвигаются междисциплинарные и проблемно-ориентированные формы исследовательской деятельности... специфику современной науки конца XX века определяют комплексные исследовательские программы, в которых принимают участие специалисты различных областей знания»⁹⁵. Однако, сказанное есть только необходимое, но недостаточное условие качественного анализа: не секрет, что философия достаточно абстрактна и потому следует очерчивать границы философского заимствования в каждом уголовно-процессуальном исследовании, в нашем случае, при изучении теорий познания.

А.С. Барабаш отмечает: «Уголовный процесс, как наука, должен описывать технологию мышления и деятельности в сфере расследования и судебного рассмотрения уголовных дел»⁹⁶. Основываясь на этом, не все положения теорий познания могут быть взяты нами для конструирования модели эффективной уголовно-процессуальной деятельности. Последнее обусловлено самим их

⁹³ Воскобитова Л.А. Указ. соч. С. 21.

⁹⁴ Подобные высказывания есть и среди юристов. Ю.П. Боруленков отмечает: «В целях всестороннего исследования правовых явлений юристы достаточно часто используют достижения различных отраслей человеческого знания. В последние годы все отчетливее обозначается тенденция движения науки к междисциплинарным исследованиям...». См.: Боруленков Ю.П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты): монография / под науч. ред. проф. В.Н. Карташова. – М.: Юрлитинформ, 2014. С. 6.

⁹⁵ История и философия науки. Хрестоматия [Электронный ресурс] / сост. В. А. Устюгов. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. С. 240. – Режим доступа: <https://e.sfu-kras.ru/course/view.php?id=1502>

⁹⁶ Барабаш А.С. Соотношение понятий «объект» и «предмет» познания и использование их при описании уголовно-процессуальной деятельности (тезисы) // Юридическая наука и юридическое образование в России на рубеже веков: состояние, проблемы, перспективы. Материалы региональной научно-практической конференции Ч. 3. Изд-во ТГУ. Тюмень, 2001. С. 41.

строением, включающим суждения о сущем и о должном. Г. Риккерт, критикуя теории познания, имеющие в себе долженствование, писал: «В особенности же такое рассмотрение недопустимым образом передвигает центр тяжести теории познания, как науки... Оно делает из нее «нормативную дисциплину» или даже техническое учение о мышлении, а этого должна остерегаться теория познания»⁹⁷. Нас, исходя из необходимости описания технологии «мышления и деятельности в сфере расследования и судебного рассмотрения уголовных дел», интересуют, как раз теории познания, предлагающие конкретные техники ведения познавательной деятельности, т.е. имеющие в своем составе не только суждения о сущем (что есть познание), но и суждения о должном (как познавать). Здесь мы примыкаем к позиции Я.А. Бермана, считавшего: «Совокупность приемов, при помощи которых мы проверяем согласие наших представлений, во-первых, с фактами, и, во-вторых, друг с другом, называется научной методологией. В согласии с указанным различием научная методология распадается на две части: 1) теорию познания, которая исследует принципы согласования представлений с фактами; 2) логику, изучающую формы соответствия представлений друг другу. Обе эти науки, таким образом, носят нормативный характер, т.е. исследуют, как мы должны действовать, чтобы достичь известных, заранее намеченных целей, или, иначе, они указывают пути и средства, ведущие к этим целям»⁹⁸.

Таким образом, суждения о должном и есть объект нашего внимания, при этом, иные положения теорий познания о сущем важны нам постольку, поскольку они выступают основой техник ведения познавательной деятельности и вместе составляют систему, подобно тому, как тот или иной метод познания (диалектический или метафизический, например) появился не сам по себе, а вызрел в рамках определенной теории, включающей в себя не только собственно суждения, описывающие метод, но и иные положения, быть может

⁹⁷ Риккерт Г. Два пути теории познания // Теория познания III. Новые идеи в философии под. ред. Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова. Сборник №5. Изд-во СПб, 1913. – С. 56 – 57.

⁹⁸ Берман Я. А. Указ. соч. С. 131.

предпосылочного или аксиоматического характера, позволившие его сконструировать. В унисон изложенному: «Гуссерль вполне убедительно доказал это: нормативные дисциплины нуждаются в чисто теоретическом обосновании»⁹⁹.

Все сказанное, таким образом, очертило границы философского заимствования в рамках нашего исследования и определило первый критерий выбора гносеологии для использования ее в области уголовного процесса: наличие разработанных правил и техник ведения познавательной деятельности, т.е. «методологичность» гносеологии¹⁰⁰.

Второй критерий связан с абстрактностью теорий познания. Как правило, в них отражаются вопросы о роли понятий, мышления, об отношении акта мышления к познаваемому и т.д. Положения подобного рода сложно воплести в уголовно-процессуальную деятельность, а потому необходимо следующее уточнение.

⁹⁹ Риккерт Г. Указ. соч. С. 57.

¹⁰⁰ Важно отметить, что выделение подобного «методологического» подхода основано на четком разграничении категорий сущего и должного, что, однако, не является новым для юридической науки. Г.А. Гаджиев указывает: «Для Кельзена принципиально важно подчеркнуть различие между понятиями «сущий» и «должный».... Исходя из идеи Канта Кельзен полагал, что следует различать практический разум и теоретический разум... Науки, основанные на практическом разуме, а это прежде всего юриспруденция, имеют дело со сферой «должного». См.: *Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности)* : монография / Г. А. Гаджиев. — М. : Норма : ИНФРАМ, 2013. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://philosophicalclub.ru/content/docs/Gadjiyev_Ontologia_prava.pdf С. 221. Подобное разграничение мы встречаем у Х. Зигварта, писавшего: «Когда законодатель обращается с повелением к гражданам или членам религиозной общины, то он относится к ним, как индивидуум к индивидууму. Он говорит не затем, чтобы сообщить истину, в которую верят, а для того, чтобы объявить приказание, которое должно выполняться» см.: Зигварт Х. Указ. Соч. С. 405. В целом понятия сущего и должного, благодаря тому уровню абстракции, на котором они существуют, универсальны. В. Рыбчинский, рассуждая о конструировании городов и урбанистике, применяет эти категории и в своей сфере: «Однако экономисты исходят из того, что, прежде чем что-то менять, нужно сперва понять, как это работает. То есть их исследования связаны не столько с тем, каким *должен быть* город, сколько с тем, каков он есть – как он функционирует. Это означает, что они занимаются сбором и анализом огромного количества информации, пытаясь понять, почему люди ведут себя именно так, а не иначе, живут там, где они живут, и выбирают то, что выбирают». См.: Рыбчинский В. *Городской конструктор: Идеи и города* / 2-е изд. М.: Strelka Press, 2015. С.13. На основе сказанного обнаруживается методологическая роль сущего и должного для понимания и организации исследований в сфере уголовного процесса, т.е. речь идет о разделении научной работы на ту, основная цель которой сконструировать идеальную систему уголовного процесса и ту, занимающуюся, если перефразировать В. Рыбчинского, сбором и анализом огромного количества информации для понимания того, почему судьи, прокуроры, следователи, дознаватели, адвокаты и т.д. ведут себя именно так, а не иначе, принимают такие решения, какие принимают. Подробнее о выделении подобных видов исследований в американском уголовном процессе См.: Bernard Thomas. J., Engel Robin Shepard. *Conceptualizing Criminal Justice Theory*. Justice Quarterly, Vol. 18 No. 1, March 2001. 30 p.

Выше нами утверждалось: уголовно-процессуальное доказывание — это познание. Такой вывод, безусловно, позволяет перекинуть мост к использованию в уголовном процессе положений гносеологии, но в рамках методологического подхода он недостаточен, необходим переход от общего к особенному, от понятия к областям его применения и указание на то, к какому из них тяготеет более всего уголовно-процессуальное¹⁰¹. Неуказание же ведет, например, к непониманию оснований внедрения инструментария научного познания в область практической юриспруденции. Так Ю.П. Боруленков, разрабатывая методологию юридического познания, пишет: «Мы исходим из понятия методологии как системы принципов и способов организации и построения деятельности, учитывающей тенденции дифференциации и интеграции научного знания»¹⁰². При этом, аргументов для опоры именно на научное знание им не приводится.

Кроме того, отсутствие подобного дает возможность неограниченного исследовательского усмотрения и может привести к выводам об использовании в уголовно-процессуальном доказывании методов этического, эстетического, религиозного познания¹⁰³, ведь только научным и его методами познание не ограничивается. Относительно последнего А.Г. Спиркин предостерегал: «В наше время нетрудно впасть в ошибку, отождествляя познание вообще с познанием только научным (или даже с тем, что принято считать научным) и отбрасывая все остальные виды знания...»¹⁰⁴. Мы же полагаем, что познание в российском уголовном процессе максимально приближено к научному, однако, не

¹⁰¹ Отметим, идея определения вида познания, к которому принадлежит уголовно-процессуальное, не является принципиальной новой для науки. Ю.М. Грошевой, применительно правда к судебному познанию, писал: «Существует точка зрения о том, что познание по судебным делам есть научное познание [см. 25, с. 47]. М.С. Строгович, Ф.Н. Фаткуллин и др. считают его самостоятельной разновидностью познания внешнего мира и условно называют «следственно-судебным» или «процессуальным познанием» [см. 173, с. 295; 189, с. 20]... Познание по уголовному делу, осуществляемое следователем, лицом, производящим дознание, прокурором судьями, есть специфическая разновидность социального познания...» См.: Грошевой Ю.М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. – Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1979. С. 17.

¹⁰² Боруленков Ю.П. Указ. соч. С. 6

¹⁰³ Хилл Т.И. Современные теории познания / под ред. Б. Э. Быховского. – М.: Издательство «ПРОГРЕСС», 1965. С. 29

¹⁰⁴ Спиркин А.Г. Философия. – М.: ГАРДАРИКИ, 2006. С. 397. Также см.: Бряник Н.В. Указ. Соч. С. 17.; Грибова М.М. Научное познание, его взаимосвязь с другими формами познания // Известия Российского Государственного Педагогического Университета им. А.И. Гречена. 2008. № 58. С. 99 – 103.

тождественно ему¹⁰⁵. По этому поводу И. Я. Фойницкий писал: «Историческая истина вообще и судебная в частности достигаются при помощи тех же приемов и способов, как и научная истина, и столь же реальна, отличаясь от последней тем лишь, что содержанием ее являются не общие законы, а признаки и явления отдельных фактов или групп фактов»¹⁰⁶. Ю. М. Грошевой, проводя подобную мысль в советское время, подчеркивал: «Сомнительно также относить познание, осуществляемое в судопроизводстве, к научному, поскольку оно не раскрывает закономерностей развития явлений объективной действительности»¹⁰⁷.

Дополнительно поясним, почему мы считаем невозможным отождествлять научное и познание в российском уголовном процессе. Теории научного познания изучают процесс, связанный с формированием теорий, конструированием и изменением понятий. Согласно П.В. Алексееву: «...поскольку исследование познавательных процедур и операций, критериев и способов образования абстракций, осуществляемых в научной деятельности, представляют для теории познания исключительный интерес, постольку в ней целесообразно выделить особый уровень или раздел, в котором будут сосредоточены проблемы собственно научного познания – эпистемологию»¹⁰⁸.

¹⁰⁵ В науке, однако, есть мнения, ведущие к противоположному выводу о тождественности. Е.Э. Курзинер пишет: «Следует отметить, что в процессе доказывания применяются определённые методы, присущие познанию в целом... Многообразие методов можно разделить на три большие группы: всеобщие, общенаучные, частнонаучные. В науке к методам исследования предъявляются определённые требования». См.: Курзинер Е.Э. Указ. соч. С. 103 – 104.

¹⁰⁶ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. – С.-Петербург: Сенатская Типография, 1910. С. 173. В контексте бескомпромиссного нападения на состязательные методы о научном характере уголовного судопроизводства писал и итальянский криминолог середины XIX – начала XX века Энрико Ферри: «Вместо этих сражений профессий, манипуляций, декламаций и юридических механизмов, которые делают каждое уголовное судебное разбирательство игрой случая... видом паучей паутины, которая ловит мух, но позволяет осам бежать, уголовный процесс должен быть «научным расследованием» проводимым судьей хорошо знакомым с биологией, психологией, психопатологией для того, чтобы определить к какому антропологическому классу подсудимый принадлежит» см.: Vogler R. Указ. Соч. Р. 61. Схожие мысли высказывают Г.А. Печников с А.П. Блинковым: «Очевидна системность, научность уголовного процесса с объективной истиной, а значит, его эффективность, объективность. И наоборот, нет системности, подлинной научности в уголовном процессе, в котором состязательность самодостаточна и исключает объективную истину» см.: Печников Г.А., Блинков А.П. Системность цели и принципов уголовного процесса // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2010. №1. С. 89.

¹⁰⁷ Грошевой Ю.М. Указ. соч. С. 17.

¹⁰⁸ Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: учеб. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. С. 203

Чем же завершается познание в российском уголовном процессе? Сформированной теорией, сконструированным или измененным понятием? Полагаем, нет, а установлением наличия или отсутствия обстоятельств ст. 73 УПК РФ. Проблема, соответственно, в том, как достигнуть цели доказывания (ст. 73 УПК РФ), а не в том, как создать или изменить теорию или понятие. Тем более, часть необходимых понятий уже закреплена в УК РФ и УПК РФ и дополняется, уточняется посредством научной и законодательной деятельности, правовых позиций ВС РФ, КС РФ. Показанное отличие познания в российском уголовном процессе и научного познания по целям не единственное.

Известно, что в ходе правоприменительной деятельности, какой, в том числе и является доказательственная, устанавливаются факты, однако, понятие об этих фактах нетождественно понятию научного и научно-исторического факта. В.А. Ушаков замечает: «...научный факт занимает пограничное эмпирико-теоретическое положение: он одновременно является и представителем самой реальности, и частью теоретической системы...»¹⁰⁹. По мнению же Р. Дж. Коллингвуда научно-исторический факт – это «концептуализированный факт, т.е. факт, высвеченный изнутри исторической теорией»¹¹⁰. Описанную теоретическую нагруженность научных и научно-исторических фактов сложно приписать фактам, устанавливаемым в ходе уголовно-процессуального познания. Если через процедуру описания научный факт встраивается в теоретическую систему, то в ходе уголовно-правовой квалификации (схожей, по нашему мнению, с процедурой описания) установленные факты приобретают уже «правовую» нагруженность.

Тем не менее обозначенное различие между фактами научного познания и уголовно-процессуального доказывания проводят не все. Так, ранее упомянутый

¹⁰⁹ Цит. по: История и философия науки. Указ. соч. С. 140. О понятии научного факта см.: Фролов И.Т. Указ. Соч. С. 477.

¹¹⁰ Цит. по: Чурсанова И.А. Категориальное поле исторической науки: философский анализ // Вестник Воронежского Государственного Университета. Серия: Философия. 2013. №1. С. 197. О понятии научно-исторического факта см.: Ильичев А.А. Исторический факт как гносеологический феномен : дис.... канд. филос. наук: 09.00.01 / А.А. Ильичев. Саратов, 2012. – 133 с.

нами А.А. Кухта руководствуется знанием о фактах именно научного познания. «Рассмотрение факта в свете постнеклассической методологии не означает противопоставления такого образа тому пониманию этого феномена, которое было характерно предыдущим этапам развития науки... Мы, таким образом, продолжим трактовать факт в процессе, в развитии; важно взять этот феномен в становлении: от получения эмпирических данных наблюдения или эксперимента – и до включения в систему уголовно-процессуального знания»¹¹¹. Отрывок этот ярко показывает: положения научного познания всецело переносятся на уголовно-процессуальное. Соглашаясь с самой идеей заимствования, но не с реализацией ее, обозначим собственное видение факта в уголовном процессе.

Продолжение аналогии между научным и уголовно-процессуальным познанием позволяет, кроме того, понять недостаточность характеристики результата последнего только как знания об обстоятельствах ст. 73 УПК РФ. Требуется указание на форму этого знания, выступающей, исходя из проводимой аналогией, подобием теории объяснительного типа, позволяющей в дальнейшем совершать прогнозирование (например, при назначении конкретного вида и размера наказания).

Постепенно субъект доказывания, начиная с версии, переходит к формированию об определенном событии прошлого указанной объяснительной конструкции. Момент ее сформированности связывается, например, с принятием решений о прекращении уголовного дела, уголовного преследования, о составлении обвинительного заключения, обвинительного акта, постановлении приговора. Строение ее, если смотреть системно, представлено уровнями информационных, логических доказательств и обстоятельств ст. 73 УПК РФ. Факт же здесь венчает эту объяснительную конструкцию, устанавливаясь через выявление связей между обстоятельствами, подлежащими доказыванию.

¹¹¹ Кухта А.А. Указ. соч. С. 69 – 70.

Мы, помимо определения признаков уголовно-процессуального факта, хотели еще раз подчеркнуть важность поиска и доказательства того, к какому познанию приближается уголовно-процессуальное, поскольку это влияет на выбор положений, с полным или частичным использованием которых будет понято доказывание, реформировано отечественное уголовное судопроизводство. Ведь, если последнее более всего сходно с научным познанием, то его институты в нормативном и судоустройственном срезе должны создавать необходимые и достаточные условия для принятия, реализации должностными лицами решений (начальных, промежуточных, окончательных и т.п.) характерных для успешного исторического познания события прошлого¹¹².

Наше рассуждение показало, таким образом, нетождественность научного и познания в российском уголовном процессе, но максимальную приближенность последнего к первому и следствия из этого приближения.

Из всего сказанного выводится второй критерий анализа гносеологий: преимущество в рассмотрении отдается теориям познания, содержащим в себе правила и техники ведения именно научного познания. Поскольку мы отводим науке ключевую роль в доказывании и делаем это в рамках публичной модели, очень важно отграничить ее в данной части от инквизиционной модели правосудия, описанной Р. Воглером. Размышляя о новой научной юриспруденции Франции, он пишет: «Пытка не была прямо противоположна новому методу научного инквизиционного исследования, но, на самом деле, была центральной в его деятельности. Абсолютная власть над телом и разумом «пациента», абсолютный террор, чтобы победить сопротивление, были существенными для новой Картезианской юриспруденции... Это мощное соединение науки и террора родилось в лаконичной формулировке кодекса 1670 г. и в своей ранней форме

¹¹² Близко к научному познанию исследование, проводимое экспертом. Эта схожесть позволяет даже предположить, что в идеальной уголовно-процессуальной системе следователь, дознаватель, судья, прокурор действуют также скрупулёзно, как и эксперт, но только, если последний отвечает на вопросы, поставленные перед ним другими, то первые – на вопросы, поставленные неизвестностью события прошлого.

было разработано в комнатах обучения и комнатах пытки французских *sénéchausées* и *tournelles*»¹¹³. Если научный элемент как часть уголовного процесса служит интересам бюрократии в инквизиционной системе, то наука должна служить общественному интересу в публичной модели. Наука – лишь инструмент в уголовном процессе, могущий применяться государством негативно или позитивно, в нашем случае, для установления обстоятельств ст. 73 УПК РФ. Если научное расследование производится в интересах бюрократии государства, номенклатуры, мы называем это «официальность». Если оно же используется для пользы общества, такое состояние обозначается термином «публичность». На эту идею внимание было обращено для того, чтобы сократить негативные ассоциации научного элемента, использования научного метода в российском уголовном процессе с инквизиционной системой.

Таким образом, показав необходимость философского заимствования и установив его границы, возможно далее, с учетом обозначенных критериев (методологичность и нацеленность уголовно-процессуального доказывания, максимально приближенного к научному, на установление обстоятельств ст. 73 УПК РФ) оценить конкретные гносеологии.

В общей сложности мы проанализировали центральные положения мистицизма¹¹⁴, трансцендентального идеализма¹¹⁵, неокантианства Марбургской школы¹¹⁶, Баденской школы¹¹⁷, теорий познания Э. Гуссерля¹¹⁸, В. Шуппе¹¹⁹, Р.

¹¹³ R. Vogler. Указ. Соч. р. 41-42.

¹¹⁴ Лосский Н. Недостатки гносеологии Бергсона и влияние их на его метафизику // Вопросы философии и психологии: под. ред. профессора Н.Я. Грота и Л.М. Лопатина. Типо-литография Высочайше утвержденного Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко. Москва. Кн. 118 (3). 1913, С. 224-235. См.: Радлов Э.Л. Мистицизм в современной философии // Теории познания II. С. 35-63.

¹¹⁵ Наторп П. Кант и Марбургская школа // Теория познания II. С. 93-132.

¹¹⁶ Никулина О.В. Марбургская школа неокантианства: Г. Коген, П. Наторп, Э. Кассирер, Н. Гартман // Вестник Нижневартковского государственного университета. №2, 2008. – С. 76-80. См.: Сеземан В.Е. Теоретическая философия Марбургской школы // Теория познания II. – С. 1-34.

¹¹⁷ Соловьева Н.С. Философия как метафизика: И. Кант и Баденская школа неокантианства : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Соловьева Наталья Сергеевна. Нижневартовск, 2010. – 178 с. См.: Риккерт Г. Указ. соч. С. 1-79.

¹¹⁸ Яковенко Б. В. Философия Э. Гуссерля // Теория познания I. Новые идеи в философии под. ред. Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова Сборник №3. Изд-во СПб, 1913. – С. 74-146.

¹¹⁹ Яковенко Б. В. Философия Вильгельма Шуппе // Вопросы философии и психологии. Указ. соч. С. 175-223. См.: Лосский Н. Имманентная философия В. Шуппе // Теории познания I. Указ. соч. С. 1-39.

Авенариуса¹²⁰, Л. Нельсона¹²¹, Р. Эйслера¹²², Р.Г. Лотце¹²³, идеализма начала и середины XX¹²⁴, американского критического реализма¹²⁵, английского реализма¹²⁶, интуитивистских¹²⁷, организмических теорий¹²⁸, аналитической философии¹²⁹ и прагматизма¹³⁰, однако в этих теориях не было обнаружено правил ведения познавательной деятельности. Такой исход предсказуем, поскольку перечисленные системы не отвечали на вопрос: «Как надо познавать?». Например, наукословие И.Г. Фихте подводит его к вопросу: «как такое знание (просто знание, добавлено нами — К.С.) может существовать, и что поэтому есть оно в своей внутренней и простой сущности»¹³¹. В подобных тонах, что и мы, рассуждал в XX веке Ж. Пиаже. Составители сборника обзора и рефератов «Современные теории познания» приводят высказывание Пиаже: «Классические гносеологии прежде искали ответ на вопрос: «Как возможно познание?», который вскоре дифференцировался на отдельные проблемы, связанные с природой предварительных условий логико-математического познания, экспериментального познания физического типа и т.п.»¹³². Пригодная же для российского уголовного процесса гносеология, как нами выяснено, должна отвечать на вопрос: «Как надо

¹²⁰ Викторов Д. Психологические и философские воззрения Рихарда Авенариуса // Теория познания I. – С. 40-74.

¹²¹ Нельсон Л. Указ. соч. С. 64-92.

¹²² Эйслер Р. Сознание и бытие // Теория познания II. С. 133-148.

¹²³ Райнов Т. Гносеология Лотце // Теория познания III. С. 80-114.

¹²⁴ Хилл Т.И. Указ. соч. С. 35-93.

¹²⁵ Гончарова Н.А. Критический реализм и современная философия науки // Известия Томского политехнического университета. №6, 2009. – С. 89-92. См.: Хилл Т.И. Указ. соч. С.137-266.

¹²⁶ Хилл Т.И. Указ. соч. С. 167-205.

¹²⁷ Бешкарева И.Ю. Проблема интуиции в гносеологии (на материале философии С.Л. Франка) : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / Ирина Юрьевна Бешкарева. Киров, 2011. – 146 с. См.: Федоренко Г.Г. Об интуитивизме Н.О. Лосского // К 65-летию Философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. № 17. 2006, – С. 203-209; Хилл Т.И. Указ. соч. С. 245-257

¹²⁸ Бушуева Т.С. Философия науки А.Н. Уайтхеда: Монография / Рос. филос. о-во и др. — Екатеринбург: Издательство «Банк культурной информации», 2006. С. 28-52. См.: Хилл Т.И. Указ. соч. С. 258-279.

¹²⁹ Оботурова Н.С. Концептуализация идей нетрадиционной теории познания в аналитической философии Д. Дэвидсона и Х. Патнэма // Вестник Костромского Государственного Университета им. Н.А. Некрасова. №2, 2011.– С. 64-68. См.: Шрамко Я. Очерк истории возникновения и развития аналитической философии // Логос. №2 (47). 2005. – С. 4-12. См.: Хилл Т.И. Указ. соч. С. 363-620.

¹³⁰ Франк С. Прагматизм как гносеологическое учение // Теория познания III. – С. 115-157. См.: Бряник Н.В. Указ. соч. С. 37. Хилл Т.И. Указ. соч. С. 281-361.

¹³¹ Фихте И.Г. Наукословие в его общих чертах // Новые идеи в философии. Сб. 12. К истории теории познания. под. ред. Н. О. Лосского и Э. Л. Радлова. – СПб. : Образование, 1914. С. 129.

¹³² Современные теории познания: сб. обзоров и рефератов. - Москва : ИНИОН, 1992. С. 12.

познавать?»), а не только пояснять: «Что есть познание и как оно возможно?». Для должностных лиц (дознателя, следователя, прокурора, судьи) знание о событии прошлого важно не само по себе как элемент «мира идей», а как нечто необходимое для разрешения, возникающих, в связи с наличием преступности в обществе, проблем¹³³. По своей сути заявляемая «практичность»¹³⁴ требуемого для уголовного процесса познания есть основа выведения критериев методологичности и нацеленности уголовно-процессуального доказывания не на формирование идей, а на познание вполне определенного события прошлого. Сообразно сказанному мы анализируем философские системы инструментализма и диалектики.

Как пишет Т.И. Хилл для представителя первой Дж. Дьюи: «...познание выражается прежде всего не в проявлениях действительности, а в орудиях преобразования неудовлетворительных ситуаций в удовлетворительные. На этом основании в число орудий познания включаются не только такие материальные орудия, как микроскопы и весы, но и такие интеллектуальные орудия как значения, понятия, термины, высказывания и суждения»¹³⁵. Приведенный отрывок важен, как позволяющий понять взгляд инструментализма на познание (уголовно-процессуальное доказывание).

У некоторых может возникнуть идея, в силу показанной практической направленности инструментализма, перенять «лучшее» из него и из диалектики и получившееся смешение переложить в уголовно-процессуальную деятельность. Подобное нежелательно.

Для нас уголовно-процессуальное доказывание максимально приближенно к научному познанию. В ходе доказательственной деятельности дознаватель,

¹³³ При этом, не исключаем, что иное отношение к познанию в определенной степени может быть «романтически притягательным».

¹³⁴ Л.А. Воскобитова схожим образом подчеркивает: «В отличие от научного познания, цель доказывания в уголовном судопроизводстве имеет *сугубо прикладное значение*. Доказывание не призвано находить неизвестные ранее явления природы, их закономерности и взаимосвязи. Уголовное судопроизводство возникает и осуществляется в связи с конкретным преступлением». См. Воскобитова Л.А. Указ. соч. С. 28.

¹³⁵ Хилл Т. И. Указ. соч. С. 312.

следователь, прокурор, суд принимают и реализуют различные решения, направленные на установление обстоятельств ст. 73 УПК РФ, таким образом, положения теории принятия решений применяются в познавательной деятельности. Рассуждая в похожем русле, Ю. Козелецкий поясняет: «Можно выделить два вида применений теорий решений в науке. Во-первых, эта теория может использоваться для формирования *научной политики*... Во-вторых, применение достижений теории решений важно при разработке отдельными учеными *конкретных исследовательских проблем*. Научный работник, который выбирает проблему, выдвигает гипотезу относительно ее решения, проверяет эту гипотезу, – принимает ряд микрорешений, от которых зависит эффективность исследовательской работы»¹³⁶.

Результаты же рассмотрения российского уголовного процесса через инструментализм придут в противоречие с приведенными выше положениями. Получится: следователь принимает решение не для того, чтобы познать, а познает, чтобы принять решение и преобразовать неудовлетворительную ситуацию в удовлетворительную. Инструменталистский подход по-иному смотрит на познание, он ставит его как инструмент в подчинение решению, следовательно, последнее выходит на передний план, и центральными становятся понятия неудовлетворительных и проблемных, неопределенных и нерешенных ситуаций. В результате отодвигается на второй план понятие уголовно-процессуального доказывания. У нас же оно не может подчиняться решению, а конструкция решения должна встраиваться в модель познавательной деятельности.

Нам могут возразить, что возможен компромисс: познание – это инструмент для принятия решения (вектор инструментализма), однако, лицо, принимающее решение, нуждается в правилах пользования этим инструментом, то есть в методах и способах познания, которые могут быть заимствованы из диалектической гносеологии (вектор диалектики). Но, если принять такой ход, то

¹³⁶ Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М., 1979. С. 423 – 424.

необходимо объединить два отличных философских учения, имеющих в своей основе различные принципы и взгляды на познание, что приведет, возможно, к эклектизму. Препятствуя последнему, мы выбираем диалектическую теорию познания без ее соединения с инструментализмом, отдавая себе отчет, что основной мотив – это недопущение постановки познания и уголовно-процессуального доказывания в служебную роль по отношению к уголовно-процессуальному решению, что произойдет в случае последовательного проведения инструменталистского подхода.

Дополняя основания своего выбора, диалектическая гносеология ценна для нас своим законом перехода количественных изменений в качественные, обнаруживаемом, как будет показано в 3 главе, также при уголовно-процессуальном познании. При этом, не мы одни утверждаем о действии этого закона. С.В. Корнакова замечает: «Накопление доказательств идет до определенного предела, после которого количество доказательств меняет их качество, поскольку для каждого рода явлений, согласно объективному и всеобщему диалектическому закону перехода количественных изменений в качественные, характерна определенная шкала интенсивности изменений...»¹³⁷, однако, мы идем дальше и связываем указанный диалектический закон с формально-логическим законом достаточного основания, что позволит, как мы полагаем:

- 1) выделить в уголовно-процессуальном доказывании и процессе принятия решений в нем формально-логическую и диалектико-логическую стороны;
- 2) показать их взаимодействие через понятие достаточности, закрепленное в ст. 88 УПК РФ, с образованием видов достаточности;
- 3) уточнить механизм доказывания, связав достаточность с вероятностью, практической и полной достоверностью.

¹³⁷ Корнакова С.В. Логика уголовно-процессуального доказывания // Юридическая наука и правоохранительная практика. №2 (28)/2014, С. 108.

Предполагаемые положительные следствия от использования диалектической теории познания, отвечающие требованиям методологичности и нацеленности уголовно-процессуального доказывания, максимально приближенного к научному, на установление обстоятельств ст. 73 УПК РФ, позволяют нам выбрать именно ее в качестве гносеологии российского уголовного процесса.

Завершая обоснование своего выбора, необходимо ответить на аргументы против адекватности диалектики. В этом плане нельзя игнорировать статью К. Поппера «Что такое диалектика?». Разбирая ее, как и доклад Л. Нельсона, отнесем к критике¹³⁸ философа в адрес диалектики с тем, чтобы его суждения не были использованы сторонниками недиалектической основы уголовно-процессуального познания.

Выстроим аргумента *contra* по степени их важности с указанием собственных возражений:

Центральное, что использует К. Поппер против диалектики – «примирение» ее с противоречиями, и, как следствие, отрицание ее последователями закона непротиворечия¹³⁹: «... мы должны сказать диалектику, что нельзя сидеть сразу на двух стульях: либо он ценит противоречия за их плодотворность — и тогда не должен принимать их как должное; либо же он готов примириться с противоречиями — и тогда они станут бесплодными, а рациональная критика, дискуссия и интеллектуальный прогресс окажутся невозможными»¹⁴⁰. Безусловно, посыл К. Поппера о рациональной критике, дискуссии и интеллектуальном прогрессе возможно только поддержать, но выпад в сторону диалектики бьет

¹³⁸ Следует подчеркнуть: К. Поппер, помимо критики диалектики, отмечает и ее достоинства: «Обратимся, скажем, к развитию физики. Здесь мы можем найти очень много примеров, которые вписываются в диалектическую схему... Все это говорит в пользу диалектической точки зрения. Вместе с тем мы должны внимательно следить за тем, чтобы не приписать ей лишних достоинств». См.: Поппер К. Р. Что такое диалектика? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://khazarzar.skeptik.net/books/dialekt2.htm>

¹³⁹ Указанный закон формулируется: «Противоположные мысли не могут быть одновременно истинными, по меньшей мере, одна из них ложна, по большей же мере – обе ложны». См.: Мигунов А.И., Микиртумов И.Б., Федоров Б.И. Указ. соч. С. 52

¹⁴⁰ Поппер К. Р. Указ. соч. URL: <http://khazarzar.skeptik.net/books/dialekt2.htm>

мимо цели. Философ неверно считает, что диалектика примиряется с противоречиями. Для нее это невозможно, поскольку ее учение утверждает развитие через разрешение противоречий. Разрешение же противоречий не совместимо со спокойным отношением к ним. При этом, К. Поппер сам выступает за непримирение с противоречиями и их критику, а, следовательно, и за их разрешение, что свойственно как раз диалектическому методу познания.

По словам С.Ф. Васильева: «Однако следует отметить, что сам Поппер с его фальсификационизмом признает, что противоречия неизбежны в ходе научного познания, что, строго говоря, непротиворечивых теорий не бывает. Мы условно принимаем данную теорию, пока не обнаружится её противоречие с фактами. Что же касается Гегеля, то он отнюдь не настаивал на сохранении и культивировании противоречий. **Он стремился к их разрешению** (выделено нами – К.С.)»¹⁴¹.

Кроме того, сказанное не позволяет согласиться с К. Поппером относительно отрицания диалектикой закона непротиворечия ¹⁴² : если противоречия позволить, тогда нет необходимости их разрешать и выбирать из двух противоречащих суждений одно, т.е. будет отсутствовать приводящее к развитию разрешение противоречий ¹⁴³ . Следовательно, диалектика не отказывается от закона непротиворечия, поскольку подобный шаг, ликвидирующий установку на разрешение противоречий, нанесет ущерб ей самой как учению о развитии через разрешение противоречий.

¹⁴¹ Васильев С.Ф. Кто такой Карл Поппер? (К вопросу о взаимоотношениях К. Поппера и диалектики) / Горизонты образования. Научно-образовательный журнал АлтГТУ. – 2006. вып. 8. С. 3. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://edu.secna.ru/media/f/vasilev.pdf> -

¹⁴² Поппер К. Р. Указ. соч. URL: <http://khazarzar.skeptik.net/books/dialekt2.htm>

¹⁴³ Видимо, стоит разграничивать диалектические и формально-логические противоречия. Применительно к уголовному процессу Ю.В. Францифоров замечает: «Все противоречия уголовно-процессуального регулирования, характеризующие сущность уголовно-процессуального права, следует подразделять на объективные (диалектические) и субъективные (формально-логические). Они в различной степени влияют на формирование и совершенствование уголовно-процессуального права. Так, если диалектические противоречия служат источником развития уголовно-процессуального права, то формально-логические противоречия оказывают отрицательное воздействие на уголовно-процессуальную деятельность, поскольку вытекают из недостатков правотворческого процесса, подчеркивая несовершенство уголовно-процессуального законодательства». Францифоров Ю.В. Противоречия уголовного судопроизводства: дисс... док. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007. С. 164.

В целом, для понимания корня претензий К. Поппера к диалектике надо помнить о его позиции критического рационализма. Для него признание диалектиками – как идеалистами, так и материалистами – существования противоречий связалось с примирением с ними, с допущением противоречивых ортодоксальных философских и иных, в том числе политических систем, закрытых от критики, обязательность которой К. Поппер отстаивал, исходя из своего принципа фальсификационизма¹⁴⁴. Разделяя идею философа о роли и важности критики, мы полагаем: следование диалектике, без ее идеологического искажения, не противоречит, а позволит сохранить предлагаемую К. Поппером критическую установку.

Второй по важности аргумент философа – возражение против мнения диалектиков о «синтезе» как суммы «тезиса» и «антитезиса»: «...помимо старых идей, которые синтез “сохраняет”, он всегда воплощает и новую идею, которую нельзя редуцировать к более ранним стадиям диалектического развития»¹⁴⁵. С.Ф. Васильев замечает: «Здесь К. Поппер просто ломится в открытую дверь, ибо как раз Гегель подчеркивает, что синтез, как абсолютное отрицание, есть целостность, которая стоит выше тезиса и антитезиса»¹⁴⁶. Немаловажно и то, что К. Поппер критикует именно закон отрицания отрицания, не имеющий для нас приоритетного значения, в отличие от закона перехода количества в качество, используемого и применяемого нами.

В-третьих, вместо диалектического метода познания К. Поппер предлагает использовать метод проб и ошибок. Исходя из вышеозначенных критериев выбора гносеологии российского уголовного процесса (методологичность и нацеленность уголовно-процессуального доказывания, сходного с научным познанием, на установление обстоятельств ст. 73 УПК РФ) его метод не применим в уголовно-процессуальной деятельности, поскольку ориентирует должностных лиц на

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Васильев С.Ф. Указ. соч. С. 3.

спокойное отношение к ошибкам¹⁴⁷ как к нормальной практике всякого познавательного процесса, создавая условия тем самым для необоснованной с их стороны дискреции.

С чем отчасти стоит согласиться, так это с критикой К. Поппера метафоричного, «туманного» языка диалектиков, но этим недугом страдает в принципе философия, а не только диалектическая ее разновидность¹⁴⁸.

Выбирая, таким образом, диалектическую гносеологию, перейдем к развитию в следующих главах того положительного от ее использования в уголовном процессе, о котором говорилось выше.

¹⁴⁷ Об ошибках в уголовном процессе см.: Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы. М., 2017.

¹⁴⁸ Т. Хилл, рассуждая о положительных следствиях философии обыденного языка, замечает: «В-третьих, можно предполагать, что те заблуждения относительно познания, которые возникают в результате беспорядочного смешения обыденного и философского языка, будут устранены, если философы научатся либо выражать свои идеи на очищенном обыденном языке, либо четко объяснять на обыденном языке тот технический язык, которым они пользуются». См.: Хилл Т.И. Указ. соч. С. 619

Глава 2. Решения в российском уголовном процессе

§2.1. Понятие решения в российском уголовном процессе

Анализ уголовного процесса как деятельности¹⁴⁹ позволяет рассмотреть его не только через понятия цели, субъекта, метода, способа и средства, но и подойти к использованию в нем уже разработанной управленцами и психологами теории принятия решений¹⁵⁰. Обращение к ней позволяет представить любую деятельность, в том числе и деятельность по доказыванию обстоятельств ст. 73 УПК РФ, как систему действий по принятию решений¹⁵¹ и их последующей реализации.

Таким образом, в уголовном процессе могут быть выделены и дополнительно изучены процессы принятия уголовно-процессуальных решений и их реализации и сами принятые и реализованные решения. Безусловно, отдельное исследование всего указанного возможно и необходимо с целью построения идеальной модели уголовно-процессуальной деятельности. Однако, безразлично к тому, что именно изучается: или вид уголовно-процессуального решения, или процесс его принятия, или процесс его реализации, так или иначе перечисленное связано с понятием уголовно-процессуального решения, сконструировать которое – цель настоящей главы.

¹⁴⁹ Приложение понятия деятельности к уголовному процессу достаточно распространено в доктрине. Ю.К. Якимович отмечал: «...представляется, что безусловно правы те авторы (а их абсолютное большинство), которые так или иначе включают в содержание уголовного процесса деятельность. Производство, процесс немислимы без деятельности и вне деятельности, направленной на достижение определенных результатов». Якимович Ю.К. Особенности уголовно-процессуальной деятельности // Закон и право. №7. 2015. С. 107.

¹⁵⁰ Критически оценив правоприменение в уголовном судопроизводстве, Т.Г. Морщакова заключает: «При такой судебной практике вынесения и проверки решений в уголовном судопроизводстве разработанная и развиваемая в науке уголовного процесса теория решений должна быть востребована, если перед ним ставятся задачи, соответствующие идеалам правового государства». См.: Морщакова Т.Г. Об актуальности теории решений в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. №2. 2011. С. 9.

¹⁵¹ Ю.А. Гончан, например, выделяет, наряду с функцией доказывания в уголовном процессе и функцию принятия решений. См.: Гончан Ю.А. Функции доказывания и принятия решений в уголовном процессе [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://pravorub.ru/articles/1407.html>

В этой главе нами будет конструироваться понятие решений в российском уголовном процессе, и производиться соответствующее логическое деление их на различные группы.

Применяя категорию «содержание», мы проанализируем свойства решений в уголовном процессе при помощи психологического учения. Также обратимся и к теории управления.

Применяя же категорию «форма» и мысля, что решение в уголовном процессе – это правоприменительный акт – акт реализации права – правовой акт – средство правового регулирования, мы рассмотрим свойства решений в российском (публичном) уголовном процессе через учение о правоприменительных актах и учение о правовых актах.

Говоря о психологическом содержании, мы видим основание главы в том, что решения в уголовном процессе принимаются и реализуются людьми в регламентированных условиях.

Исходя из того, что решения – это продукт человеческой деятельности, вытекает необходимость учета в ней процессов психики. Из тезиса о том, что решения в уголовном процессе принимаются, говоря языком психологов, в соответствии с инструкциями¹⁵², так как процедура их разработки четко оговорена в соответствующих регламентирующих документах, следует необходимость учета в процессе их принятия и реализации правил уголовно-процессуального доказывания¹⁵³.

Рассуждая о форме решений в российском уголовном процессе, мы видим основание главы в том, что: «...принятие решений трактуется в качестве определенной формы интеллектуальной деятельности. Сообразно этому принятое

¹⁵² Сорина Г.В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность: Монография. – М.: Гардарики, 2005. – С.23, 162-164.

¹⁵³ Правильно замечает Е.С. Худякова: «Возможные варианты решений в зависимости от установленных фактических обстоятельств по конкретному делу указаны в законе, а не вырабатываются самим лицом, принимающим решения...». См.: Худякова Е. С. Значение и сущность решений в уголовном процессе // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2015. – Т. 15, № 3. С. 82

решение оказывается результатом выполненного действия, т.е. следствием осуществления интеллектуальной деятельности»¹⁵⁴. Отсюда следует, что решение рождается, прежде всего, в сознании человека. Оформляем мы его тогда, когда оно выражается вовне.

Стремясь определить понятие уголовно-процессуального решения, мы заметили, что в рамках доктрины его понимают в основном только как правоприменительный акт¹⁵⁵. Приоритет здесь отдается их форме¹⁵⁶, а не сущности¹⁵⁷.

Так, по мнению П.А. Лупинской, Н.В. Профатиловой, И.В. Блиновой-Сычкарь и А.В. Миликовой, уголовно-процессуальные решения – это «правовые акты, выраженные в установленной законом процессуальной форме...»¹⁵⁸; или «решение, принимаемое в досудебных стадиях..., которое оформляется в виде законного, обоснованного и мотивированного постановления, а также обвинительного заключения (акта)...»¹⁵⁹; или же «...ее результат

¹⁵⁴ Степаносова О.В. Интуитивные компоненты в процессе принятия решения: дисс. ... канд. психол. наук. 19.00.01. С. 126

¹⁵⁵ См: Лупинская П. А. Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве М., 1972. С. 11; Смирнов А.В. Достаточность фактических оснований уголовно-процессуальных решений // Правоведение. №5. 1983. С. 80. Ф.Н. Фаткуллин, например, признавал приговор «...индивидуальным актом применения норм права, в котором по существу разрешается предъявленное обвинение...» Цит. по кн.: Мартынич Е. Г. Основы формирования приговора в советском уголовном процессе. Кишинев, 1989. С. 20; Блинова-Сычкарь И. В., Миликова А. В. Понятие «принятие решения» в уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2008. №5. С. 110; Профатилова Н. В. Оценка следователем достаточности доказательств при принятии основных процессуальных решений по уголовным делам: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 46 – 47; Костовская Н. В. Оценка доказательств при принятии процессуальных решений по уголовному делу судом первой инстанции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С.8; Клепиков Д.А. Эволюция понятия «промежуточное судебное решение» в уголовном процессе России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. № 4. 2013. 49-54 с.

¹⁵⁶ Ю.М. Грошевой понимал акт социалистического правосудия, прежде всего, как «...процессуальный документ, в котором суд от имени государства в установленной законом процессуальной форме осуществляет задачи социалистического правосудия...». См.: Грошевой Ю. М. Указ. Соч. С. 106. Процессуальное решение равняет с документом и И.А. Пикалов см.: Пикалов И.А. Уголовный процесс Российской Федерации (краткий курс): Учебное пособие, 2005. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.allpravo.ru/library/doc1897p0/instrum4772/item4785.html>

¹⁵⁷ Под ней мы понимаем «совокупность глубинных связей, отношений и внутренних законов, определяющих основные черты и тенденции развития материальной системы» и не только. См.: Фролов И.Т. Указ. Соч. С. 444.

¹⁵⁸ Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: Теория, Законодательство, Практика. перераб. и доп. М., 2010 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/250194/>

¹⁵⁹ Профатилова Н. В. Указ. соч. С. 46 – 47. Приведенное определение, к тому же, несколько некорректно, как содержащее ошибку круга: понятие уголовно-процессуального решения раскрывается через понятие «решение» без пояснения последнего. См.: Мигунов А.И., Микиртумов И.Б, Федоров Б.И. Указ. соч. С. 85.

(правоприменительной деятельности – К.С.), осуществляемый уполномоченными на то органами и облеченный в предусмотренную уголовным законом процессуальную форму»¹⁶⁰.

Причина преобладания в указанных и других построенных сходным образом определениях правовой формы над сущностью кроется, скорее всего, в преимущественном использовании процессуалистами в этом вопросе дедуктивного метода исследования, состоящего только в применении родового понятия правоприменительного акта, разработанного теорией права, к видовому по отношению к нему понятию уголовно-процессуального решения. Критикуя подобный подход, О.Я. Баев пишет: «... в ряде случаев под решением понимают не столь выбор как таковой, а форму, в которой этот результат выбора той или иной из возможных альтернатив выражается. Именно так обстоит дело, в частности, с решениями в сфере уголовного судопроизводства.... Однако, думается, такой подход к определениям этого понятия неточен в целом... Далеко не все из них (уголовно-процессуальные решения – К.С.) облакаются в форму правоприменительных, правовых актов в узком значении этого термина»¹⁶¹.

Процитированный автор один из немногих ¹⁶², кто использует для конструирования понятия уголовно-процессуального решения, также, как и мы, знания из других областей, однако, при наличии схожего подхода наш ход мыслей, при этом, отличается. Так, не демонстрируя то, каким образом из перечисляемых ими словарных и энциклопедических определений следует их определение понятия решения, Т.А. Гумеров, А.О. Крюченкова предлагают дополнить ст. 5 УПК РФ пунктом 36.2: «Решение – процесс выбора способа действия, в пределах своей компетенции, необходимого для достижения

¹⁶⁰ Блинова-Сычкарь И. В., Миликова А. В. Указ. соч. С. 110.

¹⁶¹ Баев О. Я. Уголовно-процессуальные решения и решения в уголовном судопроизводстве // Вестник Воронежского государственного университета. 2009. № 1(6). С. 330-332.

¹⁶² См. также: Гумеров Т. А. Крюченкова А. О. Решения следователя на досудебных стадиях // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 1. С. 85 – 88.

поставленной цели»¹⁶³. А уже упомянутый О.Я. Баев, сосредотачиваясь в своей статье на анализе процесса принятия решений и их форме, не выводит, после рассмотрения различных определений понятий «решение», «акт», «процессуальный акт», набор признаков уголовно-процессуального решения, а переходит к анализу специфики процесса его принятия в отличие от принятия решений в других областях человеческой практики (экономика, управление и т.д.)¹⁶⁴.

Другой процессуалист А.Н. Чашин, также как Т.А. Гумеров и А.О. Крюченкова, не показывая процесса наполнения понятия «решение в уголовном судопроизводстве» содержанием, понимает под ним «результат мыслительной деятельности субъекта уголовного процесса, приводящий к какому-либо процессуально-значимому выводу или процессуальным действиям»¹⁶⁵. Это определение обнаруживает непонимание автором того, что вывод и есть уже результат мыслительной деятельности, а потому последний не может приводить к первому. Кроме того, подобной дефиницией решение отрывается от действия, поскольку допускается случай, когда оно как результат мыслительной деятельности приводит только к выводу, а не действию¹⁶⁶. Мы же, что будет обосновано далее, утверждаем в качестве одного из существенных признаков решения его связь именно с действием.

Показав недостатки работ, основанных на подходе схожем с нашим, переходим к разработке собственного родового понятия «решение в российском уголовном процессе».

¹⁶³ Там же. С. 87.

¹⁶⁴ Баев О. Я. Указ. соч. С. 333.

¹⁶⁵ Чашин А.Н. Доказывание и принятие решений в уголовном судопроизводстве : учебное пособие / А.Н. Чашин – М. : Дело и Сервис, 2012. С. 7.

¹⁶⁶ Четко не связывает процессуальное решение с действием и О.В. Гладышева, понимая первое только как: «...волеизъявление властного субъекта (единоличного или коллегиального), принятое в установленном уголовно-процессуальным законом порядке и облеченное в предусмотренную этим законом форму». См.: Гладышева О.В. Уголовно-процессуальные решения: проблема определения // Вестник ОГУ. №3 (139). 2012. С. 40.

Анализ литературы по психологии и теории управления показал отсутствие единого мнения относительно термина «решение» и связанность его одновременно с несколькими понятиями.

Н.Н. Соколов указывает на множество различных пониманий разбираемого понятия: «Решение – это результат мыслительной деятельности человека, приводящий к какому-либо выводу или к необходимым действиям, например, полное бездействие, разработка какого-либо действия или выбор действия из набора альтернатив и его реализация. Решение – это: а) нахождение определенного варианта действий; б) сам процесс деятельности; в) ее конечный результат»¹⁶⁷. В.С. Диев полагает: «Решение - процесс и результат выбора цели и способа ее достижения - является связующим звеном между познанием и тем или иным вариантом поведения, действия человека»¹⁶⁸.

Первый существенный признак решения – это связь с целями деятельности, которые определяют его назначение. Принятое решение, реализуясь через действие, либо начинает деятельность, либо продолжает, способствуя или нет достижению ее целей, либо завершает ее¹⁶⁹. Исходя из этого, важно утверждение Г.В. Сориной: «Определение цели деятельности, во-первых, является одной из важнейших задач процесса принятия решений, во-вторых, уже сформулированная, выделенная цель выступает в качестве ведущей основы для принятия последующих мотивированных решений и осуществления соответствующих действий субъекта»¹⁷⁰. Прикладывая сказанное к российскому уголовному

¹⁶⁷ Соколов Н. Н. Разработка управленческих решений. Введение в курс лекций. Учебно-методическое пособие. М.: Изд-во «Спутник+», 2012. С. 7. А.А. Борисенков, например, называет управленческое решение руководящим см.: Борисенков А.А. Понятие руководящего решения // Социодинамика. №1. 2013. 1-27 с.

¹⁶⁸ Диев В. С. Проблема выбора и принятия решений в междисциплинарном контексте // Вестник ТГУ, Философия. Социология. Политология. 2013. № 2 (22). С. 42.

¹⁶⁹ Ю.К. Якимович так подчеркивал роль процессуального акта: «Каждый этап уголовно-процессуальной деятельности (стадия уголовного процесса) завершается вынесением процессуального акта, от содержания которого зависит, будет ли уголовно-процессуальная деятельность продолжена, или она должна быть прекращена. Так, по результатам уголовно-процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела выносятся либо постановление о возбуждении уголовного дела, и тогда уголовно-процессуальная деятельность продолжается, либо – постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, и тогда уголовно-процессуальная деятельность прекращается». См.: Якимович Ю.К. Особенности уголовно-процессуальной деятельности... С. 108

¹⁷⁰ Сориная Г. В. Указ. Соч. С. 127.

процессу полагаем, что его цели, достигаемые принятием и реализацией уголовно-процессуальных решений, задаются публичным началом¹⁷¹ и соответствующим этому началу назначением уголовно-процессуальной деятельности¹⁷². Так, «...органы государственной власти должны установить картину прошлого в полном объеме, выявить и защитить законные интересы всех участвующих в уголовном процессе и на основе баланса интересов принять социально значимое решение»¹⁷³.

Исходя из того, что решение в независимости от его понимания – то, без чего невозможно действие, это основа к его совершению, полагаем, связанность решения с действием является его следующим признаком. Применяя сказанное к уголовному процессу – связь уголовно-процессуального решения с процессуальным действием.

Безусловно, решение обладает множеством различных признаков, но, стремясь фиксировать только существенные из них, мы отмечаем способность решения устранять для лица, его принимающего, проблему¹⁷⁴, обусловившую необходимость его принятия. В этом плане промежуточное и окончательное

¹⁷¹ Есть процессуалисты, расценивающие публичность не как начало, а как закономерность уголовного процесса. См.: Свиридов М.К. Публичность как закономерность уголовного процесса // Правовые проблемы укрепления российской государственности. № 63. 2014. 3-7 с.

¹⁷² Связывает, однако несколько непоследовательно, процессуальное решение с назначением и Г.А. Кузьмин. В § 1 главы 1 им указывается: «**Процессуальное решение** – это направленный на реализацию *назначения уголовного судопроизводства (курсив наш – К.С.)* индивидуальный правоприменительный акт...», но в заключении диссертации уже говорится: «**Процессуальное решение** – это направленный на достижение *задач уголовного судопроизводства (курсив наш – К.С.)*...». См.: Кузьмин Г.А. Правовые и организационные основы принятия решений в уголовном процессе (досудебные стадии): дисс... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 37, 176.

¹⁷³ Барабаш А. С. Публичное начало российского уголовного процесса... С. 29. В своей мысли А.С. Барабаш особый упор сделал на государство: именно на его органы возложена обязанность совершить перечисленные в цитате действия. В основе подобного научного хода, который мы разделяем, лежит историческое основание, отражающее представление российского народа о своем государстве как о защитнике. Такие упования крайне отчетливо обнажаются в периоды глубоких потрясений. Вспомнить хотя бы Смутное время. Почему часть страны поддержала Лжедмитрия I? По мнению историков: «... народ связал с именем Дмитрия идею доброго царя, близкую и понятную низам общества, политическое сознание которого было пронизано предрассудками своего времени». Идею доброго царя, значит, такого, который защитит. См.: Стояти заодно/ М.Н. Загоскин [и др.]; Сост., коммент. И.Л. Андреева; предисл. Р.Г. Скрынниковой. – М.: Мол. Гвардия, 1983. С.7.

¹⁷⁴ О связи решения с проблемной ситуации пишут и в теории управления см.: Магданов П. В. Управленческое решение: понятие и определение // Пермский государственный университет. Вестник ОГУ. 2011. № 8 (127). С. 64.

уголовно-процессуальные решения отвечают на вопрос, поставленный субъектом уголовного процесса с целью разрешения познавательной проблемы¹⁷⁵.

Завершая, отметим следующие особенности уголовно-процессуального решения:

1) ограниченность нормами права количества решений, принимаемых в определенной ситуации – например, в соответствии с действующим УПК РФ (ч.1 ст. 145) возможно принять решение либо о возбуждении уголовного дела, либо об отказе, либо о передаче сообщения по подследственности, иных вариантов нет;

2) в силу урегулированности российского уголовного процесса на основе разрешительного метода правового регулирования, свойственного публичным отраслям права, принятие решения субъектом доказывания связано с определенной степенью долженствования. При наличии оснований орган государства должен принять решение, при их отсутствии – обязан не принимать. Последнее отсутствует, когда решение в форме акта непосредственной реализации права принимается не субъектом публичного уголовного процесса, а его участником.

§2.2. Классификация решений

Описав в предыдущем параграфе признаки решений в российском уголовном процессе (подчиненность целям уголовно-процессуальной деятельности, основа к совершению процессуального действия, способность устранять проблемную ситуацию), разделим их на прогностические и познавательные, используя критерий цели. И.Я. Фойницкий, рассуждая о познании прошлого и будущего, замечал: «Практическая истина имеет содержанием не общие законы, а отдельные факты и явления, ею удостоверяемые

¹⁷⁵ О разрешении посредством принятия решения познавательных проблемах, возникающих в деятельности ученого см.: Козелецкий Ю. Указ. Соч. С. 424 – 425.

или отвергаемые. Эти факты и явления могут лежать или в прошедшем или в будущем; в первом случае мы стремимся познать, произошли ли известное явление и группа явлений и как произошли, во втором мы предсказываем, что они произойдут или не произойдут в будущем»¹⁷⁶. Таким образом, различия двух видов решений происходят из нацеленности познавательного процесса на познание прошлого, а прогностического – на предвосхищение будущего. Оговоримся: несмотря на наименование «прогностические» решения, познавательная деятельность – основа, как для познавательного решения, так и прогностического¹⁷⁷, но в первом случае она должна быть завершена или в целом, или в рамках определенного этапа, во втором же познание не доводится до конца в силу объективных причин.

Основываясь на таком понимании, познавательное уголовно-процессуальное решение (решение об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, решение о привлечении лица в качестве обвиняемого, о составлении обвинительного заключения / обвинительного акта, постановлении приговора в части установления обстоятельств, подлежащих доказыванию¹⁷⁸), фиксирует, исходя из обстоятельств ст. 73 УПК РФ, вероятность, знание либо практически достоверные выводы о том, что было в прошлом.

В случае же с прогностическим решением, знание о будущем не может быть получено и возможен лишь его прогноз. Эта ограниченность усложняет принятие

¹⁷⁶ Фойницкий И. Я. Указ. Соч. С. 173.

¹⁷⁷ По мнению В.С. Ломтевой: «...прогнозирование в правотворчестве и правоприменении является специфическим видом познавательного процесса (мыслительное движение от гипотетического объекта к искомому предмету), который не имеет алгоритма поиска и формируется по ходу собственного развития, что свидетельствует о вероятностном и поливариантном характере результатов прогноза». Ломтева В.С. Прогнозирование в правотворчестве и правоприменении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С.16.

¹⁷⁸ Сделанное уточнение при отнесении приговора к познавательным решениям основано на мнении Лайош Надь: «Приговор по уголовному делу отчасти обращен *в прошлое* – решения по установлению фактических обстоятельств дела реконструируют совершившиеся события... Часть приговора, в которой назначается наказание, *обращена в будущее*, она устанавливает уголовную санкцию с учетом ее действия в будущем, прогнозируя эффективное достижение целей наказания». См: Надь Л. Приговор в уголовном процессе. М., 1982. С. 149.

решений об избрании меры пресечения¹⁷⁹, о назначении конкретного вида и размера наказания¹⁸⁰, принудительной меры медицинского характера¹⁸¹, мер воспитательного воздействия, например¹⁸². Для их принятия необходимо, хотя бы в самых общих чертах, определять: 1. какая версия вероятнее всего отразит возможное будущее (например, предугадывается поведение подозреваемого, обвиняемого); 2. как соотносится это будущее с целями уголовно-процессуальной деятельности, способствует их достижению или же нет (например, определяется положительно, нейтрально или негативно скажется предугаданное поведение подозреваемого, обвиняемого на установлении обстоятельств ст. 73 УПК РФ); 3. что необходимо сделать, чтобы предвосхищенное, могущее негативно сказаться на доказывании будущее не стало действительностью, а способствующее ему, стало ей (например, если предугаданное поведение подозреваемого, обвиняемого нежелательно, то каким образом его предотвратить, какая мера пресечения должна быть избрана).

Далее, процесс принятия как прогностических, так и познавательных решений основан на информационной модели и связанном с ней понятии

¹⁷⁹ О прогностическом характере деятельности при избрании мер пресечения. См.: Барабаш А.С. Основной, дополнительный и вспомогательные процессы доказывания в стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства. М., 2017. – 272 с.; Барабаш А. С. Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2015. №12. С. 187.

¹⁸⁰ Часть того, что может помочь принять это прогностическое решение, указана в абз.5, п.1 Постановления ВС РФ от 22.12.2015 г. № 58 в ред. от 29.11.2016 г. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»: «К сведениям о личности, которые подлежат учету при назначении наказания, относятся характеризующие виновного сведения, которыми располагает суд при вынесении приговора. К таковым могут, в частности, относиться данные о семейном и имущественном положении совершившего преступление лица, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц (супруги, родителей, других близких родственников)...».

¹⁸¹ Ярко прогностический характер этой деятельности обнаруживается при продлении, изменении или прекращении применения принудительной меры медицинского характера. Пункт 27 Постановления ВС РФ от 07.04.2011 г. № 6 в ред. от 03.03.2015 г. «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» предписывает судам выяснять результаты проведенного лечения и на основании этого решать вопрос о необходимости дальнейшего, а, значит, будущего, медицинского наблюдения и лечения.

¹⁸² Изучение текста УПК РФ и правовых позиций вышестоящих судебных инстанций может явить и другие примеры прогностических решений. Так, к этой группе относится и решение судьи об отказе / удовлетворении ходатайства о допуске лица в качестве защитника. Принимая его суд, согласно п.11 Постановления ВС РФ от 30.06.2015 г. №29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», должен учитывать возможность допускаемого лица осуществлять в установленном законом порядке защиту прав и интересов обвиняемого и оказывать ему юридическую помощь при производстве по делу. В этом требовании ВС РФ речь идет именно о возможности, т.е. о том, что наступит / не наступит в будущем.

ситуации неопределенности¹⁸³. Уточняем, что здесь и далее речь идет о ситуации неопределенности, связанной с познанием прошлого или же прогнозом будущего. Правовую же неопределенность, выражающуюся в наличии пробелов, лакун в уголовно-процессуальном праве и устраняемую через, например, непосредственное применение Конституции РФ, правил международных договоров (п.2,5 Постановления ВС РФ от 31.10.1995 г. № 8 в ред. от 16.04.2013 г. «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»), мы не исследуем.

Т.В. Корнилова поясняет: «Осведомленность человека, принимающего решения, включает состоявшуюся ориентировку и на ситуационные факторы, и на собственные возможности. С состоянием ума связывает понятие неопределенности Стив Лонгфорд (Longford, 2001). Он придерживается следующего понимания: неопределенный – это неизвестный, неустановленный, не заданный, находящийся под вопросом, не вызывающий уверенности. Повышение неопределенности может быть связано как с недостаточностью знаний (информации), так и с ее избыточностью»¹⁸⁴.

У.Т. Моррис пишет: «На основе неявного, субъективного опыта и явных сведений, аккумулированных в «справочно-информационном фонде фирмы», в уме руководителя формируется первая концепция будущего решения... Первоначальная концепция может отличаться ясностью и отсутствием

¹⁸³ О.В. Степаносова подчеркивает: «Необходимость принимать решения в условиях неопределенности как неполной информированности (из-за невозможности полной ориентировки или дефицита времени), анализировать последствия выборов (в том числе и не поддающиеся рациональному прогнозу), учитывать сложные сетевые и динамические изменения в ситуации – все это выступает на первый план в практике принятия решений в современном все более усложняющемся мире...» см.: Степаносова О. В. Указ. Соч. С. 4. В целом, понятие неопределенности входит во все большее количество отраслей знания, в том числе и юридического. В 2008 году криминалист В.Е. Корноухов писал: «...принятие тактического решения в проблемных ситуациях связано с оценкой уровня неопределенности исходной информации и выделения того, что неизвестно, что позволяет осмыслить общие версии, характеризующиеся множественностью и, как следствие, множественностью правовых и тактических целей расследования и разработки методов по оптимизации целей расследования и оснований по минимизации риска при определении способа действия». См.: Корноухов В.Е. Методика расследования преступлений: теоретические основы / В. Е. Корноухов. – М. : Норма, 2008. С. 192.

¹⁸⁴ Цит. по кн.: Корнилова Т. В. Риск и принятие решений: психология неопределенности: монография по проекту РГНФ №14-4693004. С. 22 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/144693004.pdf>

значительной неопределенности в случаях, когда проблема выбора шаблонна или хорошо известна... Но первоначальная концепция может быть и неясной, вызывать сомнения, страдать от недостатка информации – короче, она может характеризоваться высокой степенью неопределенности»¹⁸⁵. В общем, из процитированного следует зависимость, согласно которой увеличение количества относимой и достоверной информации, но не до уровня ее переизбытка, уменьшает состояние неопределенности¹⁸⁶.

Можно подытожить, при каждом принятии познавательного уголовно-процессуального решения должностное лицо переводит ситуацию неопределённости во все большую и большую определенность, завершающуюся, при принятии окончательного решения, получением знания. Для появления же подобного необходимо восполнить недостаток относимой, допустимой и достоверной информации о прошлом, т.е. достигнуть достаточности. Так, 19% из 100% респондентов ответили, что чем больше информации для принятия решения, тем сильнее лицо, его принимающее, уверено в правильности этого решения.

Иное наблюдается с прогностическими решениями. В процессе их принятия посредством прогноза, основанного на информации из настоящего, субъект заполняет отсутствие относимой, допустимой и достоверной информации о будущем, следовательно, ситуация неопределенности в этом случае окончательно неустраима, а ответы на вопросы характерные для этого вида решений только вероятные. Сложность же возникновения достаточности при их принятии

¹⁸⁵ Моррис У. Т. Наука об управлении. Байесовский подход [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://baguzin.ru/wp/?p=6867pdf>. О категориях «неопределенности» и «определенности». См. также: Терентьев Н. Ю. Определение и классификация решений // Проблемы учета и финансов. 2013. № 4. С.81.

¹⁸⁶ О связи неопределенности с количеством информации в ситуации принятия правового решения пишет и Ю.П. Боруленков: «Решение принимается *в условиях неопределенности*, когда невозможно оценить вероятность потенциальных результатов. Это имеет место, когда требующие учета факторы настолько новы и сложны, что невозможно получить достаточно релевантной информации, могущей помочь объективно определить вероятность, либо имеющаяся ситуация не подчиняется известным закономерностям». См.: Боруленков Ю. П. Указ. Соч. С. 193. В целом о необходимости развития навыков принятия решений в ситуации неопределенности говорят представители все большего количества профессий: психологи, юристы, экономисты. К. Шваб, развивая теорию четвертой промышленной революции, пишет: «В обозримом будущем работы с низкой степенью риска, с учетом автоматизации, будут теми, которые потребуют социальных и творческих навыков, в частности, принятие решений в неопределенности и создание оригинальных идей». См.: Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. New York: Crown Business, 2017. P. 40.

увеличивается по причине, озвученной выше: связанность не с уже свершившейся, а с еще только развивающейся действительностью¹⁸⁷. Подобный ее характер позволяет выводить только вероятностные суждения¹⁸⁸ и неизбежен прогноз, содержащий возможность, могущую стать этой самой действительностью¹⁸⁹. Прогноз означает «суждение о будущих событиях, последствиях того или иного решения, на основе которого формируются критерии выбора той или иной альтернативы, тех или иных действий в наличной ситуации»¹⁹⁰.

¹⁸⁷ Но из этого не следует вывод о легкости познания прошлого. Ведь оно, как непосредственно недоступное, познается только из изменчивого настоящего.

¹⁸⁸ Уже упоминаемый нами И. Я. Фойницкий писал: «Предсказание событий или групп их возможно на основании закона причинности с большей или меньшей точностью, обыкновенно же при этом достигается лишь **вероятность** (выделено нами – К.С.), а не полная достоверность». См.: Фойницкий И. Я. Указ. соч. С. 173. Изучая связь бремени доказывания с решениями в уголовном процессе, К.Б. Калиновский утверждает: «...обращаясь с официальной просьбой к суду разрешить проведение обыска или избрать меру пресечения следователь обязан обосновать свои ходатайства, но на вероятностном уровне». См.: Калиновский К.Б. Обоснованность уголовно-процессуальных решений в свете учения о бремени доказывания // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юрид. наук, профессора Полины Абрамовны Лупинской: сборник научных трудов. — М.: ООО «Изд-во «Элит», 2011. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.iuaj.net/node/678>

¹⁸⁹ О переходе в праве возможности в действительность см.: Матузов Н.И. Возможность и действительность в правовой сфере // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 3 (230). 16 – 30 с.; Ушанова Н.В. Возможность и действительность в российской правовой системе: дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2009. – 191 с. В части принятия решений говорит о возможности и ВС РФ: «В качестве оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу могут быть признаны такие фактические обстоятельства, которые свидетельствуют о реальной возможности совершения обвиняемым, подозреваемым действий, указанных в статье 97 УПК РФ, и невозможности беспрепятственного осуществления уголовного судопроизводства посредством применения в отношении лица иной меры пресечения» (абз. 1 п.5 Постановления ВС РФ от 19.12.2013 г. № 41 в ред. от 24.05.2016 г. «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»).

¹⁹⁰ Степаносова О. В. Указ. соч. С. 4. Часть зарубежных ученых верит, что технологические достижения могут упростить процесс принятия прогностических решений. Йенс Людвиг, директор лаборатории Чикагского университета (University of Chicago Crime Lab) полагает, что мы живем во время «второй бихевиоральной революции» (second behavioral revolution), во время, когда сплав больших данных и машинного обучения позволяет предложить людям персонализированные подходы к тем или иным ситуациям. Применительно к уголовному процессу он развивает этот тезис следующим образом. Конституция США устанавливает, что лицо, подверженное аресту, должно в течение 48 часов предстать перед судьей, решающим, где это лицо будет ожидать судебного разбирательства по своему делу: в заключении или же нет. Закон говорит при этом, что, принимая подобное решение, судья не должен обращать внимание на виновность лица и наказание, назначаемое за предполагаемое совершенное преступление. Судья должен исходить из прогноза угрозы безопасности «safety risk» (совершит ли лицо потенциально новые преступления) и угрозы побега «flight risk» (явится ли освобожденное лицо на судебное слушание). Для облегчения необходимого прогноза и снижения уровня судебных ошибок (ситуации, когда судьи освобождают людей, представляющих высокую угрозу и заключают тех, которые подобный риск не несут) группа ученых во главе с Й. Людвигом предлагает использовать разработанный ими алгоритм. Он, замещая опору на интуицию судьи, позволяет снизить количество преступлений, совершенных отпущенными подсудимыми, до 25% без досудебного заключения в тюрьму новых людей или же вообще без увеличения уровня преступности позволяет заключать в тюрьму на 42% меньше людей. Кроме написанного, алгоритм, по словам создателей, решает проблему судейского предубеждения (и повышает справедливость системы уголовного правосудия), поскольку он слеп к гендерным различиям, расовой и этнической принадлежности лиц, в отношении которых принимается решение о досудебном заключении. Однако, помимо перечисленного, алгоритм имеет и недостатки. Он способен совершать

Напротив, в случае с познавательными решениями, достаточность, по причине нашего поиска информации именно о прошлой действительности, формируется в других условиях. И, в силу этой разницы¹⁹¹, неопределенность¹⁹² при их принятии может быть устранена полностью, что позволяет выводить не вероятностные суждения о будущем, а уже достоверные о прошлом.

Откровенно говоря, из обозначенной схемы выбивается принятие решений, основанных на толковании неустранимых сомнений в пользу обвиняемого (подсудимого). Использование приема «толкование неустранимых сомнений» не влечет за собой познания события прошлого, оно лишь означает невозможность, исходя из имеющихся доказательств, подтвердить или же опровергнуть тот или иной тезис. Однако, поскольку органы государства не исполнили свою

прогноз только в среде тех дел, где исход может быть наблюдаем. В случае с избранием залога это означает, что алгоритм может использовать данные только по тем подсудимым, которые были ранее освобождены судьями. Но, если подсудимый ранее не был отпущен судьей, то доступные данные не смогут сказать: совершит он преступление вновь или нет. Алгоритм не сможет увидеть его «ярлык» (label) и спрогнозировать, что случится, если его действительно отпустят. Кроме того, алгоритм способен изучать миллионы прошлых случаев и сообщать о том, что случается в среднем, однако только человек может заметить смягчающие обстоятельства в конкретном деле, поскольку они могут быть основаны на факторах, не содержащихся в данных, на которых алгоритм обучался.

В несколько другом контексте (применительно к вопросам разрешения дела по существу) Джеймс Бирн и Гэри Маркс также отмечают: «Технология прогнозирования риска, как в случае с профилированием, может быть статистически точна во многих делах, но неточна относительно определенного дела (это проблема суммарной рациональности *против* отдельных случаев)». См.: Using Machine Learning for Precision Nudging: Jens Ludwig at Princeton [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://medium.com/@natematias/using-machine-learning-for-precision-nudging-jens-ludwig-at-princeton-78f4b5442514>; Jon Kleinberg, Jens Ludwig, Sendhil Mullainathan. A Guide to Solving Social Problems with Machine Learning. Harvard Business Review. 2016. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://hbr.org/2016/12/a-guide-to-solving-social-problems-with-machine-learning>; James Byrne, Gary Marx. Technological Innovations in Crime Prevention and Policing. A Review of the Research on Implementation and Impact Cahiers Politiestudies Jaargang. 2011. N 20. P. 33-34 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/238011.pdf>

¹⁹¹ В.Я. Колдин замечает: «Правовые решения, принимаемые в условиях неопределенности (ОРД, дознание, начальные стадии предварительного расследования) и правовые решения при установлении всех предусмотренных законом фактических обстоятельств имеют различную логическую структуру и требуют различных познавательных процедур и технологий. Теория принятия решений отдельно рассматривает инструменты принятия решений в условиях информационной определенности и неопределенности, что соответствует различным стратегиям расследования и верификации принимаемых решений». См.: Колдин В.Я. Верификация правовых решений // Вопросы уголовного права и процесса. Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 11. Право. 2012. №1. С. 45-46.

¹⁹² На различие неопределенности по отношению к будущему и прошлому обращают внимание и зарубежные правоведы: «Бихевиоральные исследования доказывают, что индивиды, от которых требуется предугадать результаты будущих событий, ведут себя иначе, чем субъекты, от которых требуется отгадать результаты событий прошлых... Индивиды, которые прогнозируют, более оптимистичные, уверенные и рискующие, чем люди, которые оценивают прошлое. Предыдущий анализ показывает, что законодатели, правоприменительные власти и судьи часто могут *выбирать* природу юридической неопределенности. Самое важное, их решения касательно специфики норм, стратегий правоприменения и параметров, устанавливающих суровость санкций, определяют: были ли юридические случайности связаны с будущим или с прошлым». См.: Ehud Guttel, Alon Harel, Uncertainty Revisited: Legal Prediction and Legal Postdiction, 107 Mich. L. Rev. 467 (2008). p. 500. О неопределенности в праве также см.: Baldwin R. Law and Uncertainty: Risks and Legal Processes. Hartnolls Ltd, Bodmin, Cornwall, 1997. 352 p

обязанность по установлению обстоятельств ст. 73 УПК РФ, то решение необходимо принимать в пользу обвиняемого (подсудимого). Таким образом, неопределенность в результате толкования сомнений устраняется только де-юре, но не де-факто.

Весь описанный механизм уменьшения неопределенности и формирования на этой почве знания о событии прошлого (познавательное решение) или же прогноза будущего (прогностическое) влияет и на содержание соответствующих актов. Они должны быть составлены так, чтобы отразить этот переход от неопределенности к знанию или прогнозу. Так, в п.6 Постановления ВС РФ от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре» указано: «В описательно-мотивировочной части приговора, исходя из положений пунктов 3, 4 части 1 статьи 305, пункта 2 статьи 307 УПК РФ, надлежит дать оценку всем исследованным в судебном заседании доказательствам, как уличающим, так и оправдывающим подсудимого. При этом излагаются доказательства, на которых основаны выводы суда по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, и приводятся мотивы, по которым те или иные доказательства отвергнуты судом. Если какие-либо из исследованных доказательств суд признает не имеющими отношения к делу, то указание об этом должно содержаться в приговоре....». К требованию же описывать процесс появления из неопределенности прогноза, применительно к решениям о заключении под стражу, можно отнести следующую позицию ВС РФ: «В решениях об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения и о продлении срока содержания под стражей должно быть указано, почему в отношении лица не может быть применена более мягкая мера пресечения, приведены результаты исследования в судебном заседании конкретных обстоятельств, обосновывающих избрание данной меры пресечения или продление срока ее действия, доказательства, подтверждающие наличие этих обстоятельств, а также оценка судом этих обстоятельств и доказательств с изложением мотивов принятого решения. Указанные обстоятельства и

результаты их исследования должны быть приведены в каждом решении об избрании заключения под стражу...» (абз. 1,2, п.29 Постановления ВС РФ от 19.12.2013 г. № 41 в ред. от 24.05.2016 г. «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»). В контексте приведенного Постановления ВС РФ следует согласиться с О. И. Андреевой, утверждающей, что: «Суждения лица или органа, принимающего решение о применении данной меры пресечения (заключение под стражу, добавлено нами — К.С.), должны основываться не на интуиции, вытекающей из обстоятельств, которые следует учитывать в соответствии с УПК РФ при определении конкретной меры пресечения, а на базе конкретных доказательств, подтверждающих наличие оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, полученных в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, с соблюдением процессуальной формы их получения, закрепления, оценки и применения»¹⁹³.

Описав таким образом познавательные и прогностические решения, сформулируем их определения. Познавательное решение в российском уголовном процессе – процессуальный вариант, фиксирующий достижение определенного результата (вероятность – практическая достоверность – знание) в деятельности по реализации целей публичного уголовного процесса, определяемых его началом и назначением (например, решение об отказе в возбуждении уголовного дела, о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительное заключение на стадии предварительного расследования, постановление приговора в части установления обстоятельств ст. 73 УПК РФ). Прогностическое – процессуальный вариант (избрание меры пресечения, например), фиксирующий предвосхищение событий будущего, которые могут произойти в деятельности по реализации целей публичного уголовного процесса, определяемых его началом и назначением.

¹⁹³ Андреева О. И. Решение вопроса об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу: проблемы правоприменения // Журнал Российского права, 2005, №2. С. 75-76.

Здесь подходящее место, чтобы отнестись к приговорам, постановленным в особом порядке (при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением), широко распространенным в российской практике¹⁹⁴. Например, по Томской области из 77 изученных нами уголовных дел, по которым был вынесен приговор в 2016 г., 68 было разрешено подобным образом. Эти приговоры мы не можем относить к познавательным решениям, как не отвечающие необходимым признакам: они принимаются не в ходе познавательного процесса, предполагающего единство мыслительной и практической деятельности и непосредственное исследование доказательств с целью формирования внутреннего убеждения¹⁹⁵. Особый порядок – не средство установления фактов, а только средство нахождения компромисса между обвинением и защитой¹⁹⁶. Верно отметил А.В. Пиук в своей диссертации: «...законодатель, внедряя в материю российского уголовного процесса упрощенные формы разрешения уголовных дел судом, допустил серьезные концептуальные просчеты. Не были в полной мере

¹⁹⁴ В 2005 году в статистической справке о работе судов общей юрисдикции указывалось: «Отмечается тенденция активного использования особого порядка судебного рассмотрения уголовных дел. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением применялся в 2005 г. почти в полтора раза больше, чем в 2004 г. В судах областного звена 2,4% дел рассмотрено в особом порядке, в районных судах – 30%, у мировых судей – 37,5%». См.: Цит. по: Михайловская И. Б. Процессы управления в судебной системе. Москва, 2012. С. 46-47. Согласно же сводным статистическим сведениям Судебного Департамента при Верховном Суде РФ о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2016 г., из числа всего поступивших дел в отчетном периоде – 954 255 – 650 869 (68,2%) рассмотрено в особом порядке (316, 317.7 УПК РФ). См.: Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2016 г.. Сдеп.ру; Судебный департамент при Верховном суде РФ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832>.

¹⁹⁵ К. Роуч, будучи канадским профессором и развивая карательную модель прав потерпевшего, также сомневался в безупречности критикуемого института: «Требования потерпевших от преступления и их сторонников по нахождению в уголовном судебном процессе могут разрушить эффективность сборочного конвейера борьбы с преступностью, разработанного, чтобы стимулировать обвиняемого и обвинителя согласиться на сделку о признании вины. Соглашение о признании вины, несмотря на его центральность в модели борьбы с преступностью, подозрительно, поскольку оно не учитывает жертв или не соответствует их ожиданиям». См.: Kent Roach. Four Models of the Criminal Process, 89 J. Crim. L. & Criminology. 1998-1999. P. 701.

¹⁹⁶ Г. Гудпастер, исследуя теории состязательного американского судебного процесса, обозначил: «В самом деле, непредсказуемость судебных процессов так велика, что она влияет на решение каждой стороны вступить в судебное разбирательство. В общем, обвинение будет пытаться представить на рассмотрение суда только те дела, в которых оно верит, что сможет победить. Защита будет представлять только те дела, в которых она ничего не проиграет, идя в суд... Уголовные судебные разбирательства структурируются так, что каждая сторона, и обвинение, и защита, обладает переговорной силой и сильным рациональным стимулом не вступать в судебный процесс. Неопределенность результата так высока, а риск потери столь велик, что стороны находятся под сильным влиянием согласиться на компромисс по их позициям и добиться урегулирования путем переговоров». Gary Goodpaster. Указ. соч. P. 139

учтены типологические характеристики российского уголовного процесса, его направленность, оказались проигнорированы правовые традиции российского общества его менталитет. В результате того, что вынесение приговора по большинству рассматриваемых судами в особом порядке уголовных дел производится, как установил законодатель, без непосредственного исследования доказательств, наблюдается «разбалансированность» российского уголовного судопроизводства, не согласованность его важнейших процессуальных институтов, искажение правоприменительной практики, приводящие к снижению качества правосудия и эффективности уголовного судопроизводства в целом»¹⁹⁷.

В особом порядке (при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением) место есть только для принятия прогностического решения о назначении наказания, поскольку суд в этом случае проводит исследование, а, значит, осуществляет познание, являющееся основой также и прогностической деятельности. Так, согласно п. 10 Постановления ВС РФ от 05.12.2006 г. № 60 в ред. от 22.12.2015 г. «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел»: «В соответствии со статьей 316 УПК РФ по делу, рассматриваемому в особом порядке, в ходе судебного заседания могут быть исследованы обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Поскольку порядок такого исследования главой 40 УПК РФ не ограничен, оно может проводиться всеми предусмотренными уголовно-процессуальным законом способами, в том числе

¹⁹⁷ Пилюк А.В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации: типологический аспект: дисс. док. юрид. наук. Томск, 2017. С. 7 Занимать при этом радикальную позицию и отрицать в принципе необходимость наличия упрощенных производств и, соответственно, решений, принимаемых в ходе таких суммарных процедур, мы не готовы, поскольку, как С. Л. Лонь верно отметил: «Развитое уголовное судопроизводство объективно предполагает (объективная закономерность) наличие в системе уголовного процесса упрощенных (суммарных) производств, т.е. более простых и гибких процессуальных форм разрешения уголовно-правового конфликта между государством и личностью». См.: Лонь С.Л. Протокольное производство в уголовном процессе. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 177. По вопросам упрощения российского уголовного процесса также см.: Якимович Ю.К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. – Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2015. – 168 с.; Якимович Ю.К. Актуальные вопросы дифференциации российского уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12 (61). С. 123 – 130; Трубникова Т.В. Пределы упрощения уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12 (61). С. 131 – 139.

путем исследования дополнительно представленных материалов, а также допросов свидетелей по этим обстоятельствам». Сказанное выше относится и к особому порядку при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (п.16 Постановления ВС РФ от 28.06.2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»).

На этом мы закончим анализ содержания прогностических и познавательных решений в российском уголовном процессе и перейдем к их форме. Здесь вопрос в том, как во вне выражается выбранное процессуальное действие? Что общего в форме решения в публичном уголовном процессе и состязательном и в чем отличие этих форм применительно к каждому из видов процесса?

Общее диктуется тем, что и публичный уголовный процесс и состязательный, несмотря на все различия, это в первую очередь уголовные процессы. Отличное же в том, что у одного основа публичная, а у другого состязательная. Конкретизируем эти тезисы.

Уголовный процесс, как состязательный, так и публичный – это реализация права, а там, где есть реализация, есть и акт, венчающий эту деятельность. Теория права говорит, что реализация права представлена правоприменением и непосредственной реализацией права в форме соблюдения, исполнения, использования¹⁹⁸. Выше мы отмечали ориентированность доктрины на понимание уголовно-процессуального решения как акта применения права, уполномоченными на то субъектами. Полагаем, что это суждение неприложимо в целом ни к публичному, ни к состязательному процессу, поскольку как в первом, так и во втором, решения принимаются не только органами государства, но и, например, защитником.

¹⁹⁸ Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. — М.: Издательская группа НОРМА — ИНФРА * М. 1998. С.126.

Однако, исходя из того, что в отличие от публичного уголовного процесса в состязательном защитник – это субъект процесса, его решение может в отдельных случаях определять судьбу дела. В публичном же – нет, поскольку защитник только участник процесса. Говоря иначе, и в публичном и состязательном процессах, решения принимаются и субъектами процесса и его участниками¹⁹⁹ и поэтому имеют форму не только правоприменительного акта, но и акта непосредственной реализации права в форме соблюдения, исполнения или использования²⁰⁰. Однако в публичном²⁰¹ последние являются только основаниями первых, но никак не решающими в достижении целей процесса.

Сказанное позволяет критически отнестись к суждениям А.Н. Чашина. Им в контексте понятий «уголовно-процессуальное решение», «субъект принятия уголовно-процессуального решения», «правоприменение» утверждается, что: «Субъектами принятия решения в уголовном процессе являются все его участники. Следователи принимают решения о ходе предварительного следствия, <...> обвиняемые - о даче показаний или отказе от дачи показаний, о

¹⁹⁹ Противоположного придерживается Г.М. Меретуков: «Волеизъявления иных участников процесса не являются еще решением в уголовно-процессуальном смысле, а представляют собой один из элементов фактического состава, учитываемого государственными органами при вынесении процессуальных решений». Здесь, как и в позициях, критикуемых выше, процессуальное решение связано только с правоприменительным актом органа государства. См.: Меретуков Г.М. Правовая природа и виды решений суда первой инстанции в российском уголовном процессе // Научный журнал КубГАУ, №76(02). 2012. С. 3.

²⁰⁰ Схожее деление, выделяя императивные и диспозитивные решения, проводят А.Ф. Лубин и Ю.А. Гончан: «Императивные уголовно-процессуальные решения свидетельствуют о существовании в рамках рассматриваемой функции охранительных правоотношений, связанных с принудительной реализацией государственного веления, адресованного субъектам права в императивной форме... решения диспозитивного характера – это установленное в рамках закона правоусмотрение сторон процесса распоряжаться своими процессуальными правами по доказыванию и принятию решений». См.: Лубин А.Ф. Гончан Ю.А. Функция принятия решения в уголовном процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. № 17. 2012. С. 179-180.

²⁰¹ Нами часто используется понятие публичного интереса и можно понять, что он подчиняет частный. Часть правды в этом есть и, поэтому, публичная модель отличается от модели должного процесса, которая, на уровне ценностей, сфокусирована на защите индивида. Но ошибочно было бы характеризовать публичную модель как пренебрегающую личностью. Публичный интерес ограничивает сам себя и, потому, частный не может не приниматься во внимание. Как Сейед Джафар Эс-агхи и Махди Шейдэиэн считают: «В итоге, чтобы дать дефиницию публичному интересу, она должна устранять существенные парадоксы между индивидами и группами; отношения между публичными и частными интересами и отношения между идеей и структурой. Например, современная теория публичного интереса не может пренебрегать индивидуальностью людей в обществе и не может жертвовать частным интересом во имя защиты коллективных. Также, не обосновывается пренебрегать публичным интересом для приоритета частных (Аламдари, 1999: 197)». См.: Seyyed Jafar Es-haghi, Mahdi Sheidaeian. Public Interest in Criminal Procedure and Its Challenges: An Attitude toward Iranian Criminal Law. Journal of Politics and Law; Vol. 9, No. 5; Published by Canadian Center of Science and Education. 2016. P. 3.

сотрудничестве со следствием <...> Но при этом не все участники уголовного судопроизводства уполномочены на принятие решений...»²⁰². Противоречие в утверждении А.Н. Чашиным возможности принятия уголовно-процессуального решения лицом, не уполномоченным на это. Однако, если лицо – обвиняемый принимает решение, значит, он обладает соответствующим правом, т.е. уполномочен на это.

Следующим шагом разделим решения в российском уголовном процессе на: правоприменительные акты и акты непосредственной реализации права²⁰³. При этом, образованные группы являются логическими видами, а произведенное деление практически значимо, поскольку каждое из решений предполагает различные схемы своего принятия.

Так, в процесс принятия решений-правоприменительных актов добавляется деятельность по применению права, состоящая как минимум из двух стадий: установление фактических обстоятельств и применение к ним нормы права. Соответственно, результаты такой деятельности должны отвечать определенным требованиям²⁰⁴ и быть продуктами правильной реализации ее схемы.

²⁰² Чашин А.Н. Указ. Соч. С. 15.

²⁰³ С.Г. Леонов также делит уголовно-процессуальные решения: «...на правоприменительные акты, с одной стороны, и акты исполнения, использования и соблюдения, - с другой». При этом, им используется не критерий формы, как у нас, а способ формирования юридического факта. См.: Леонов С.Г. Процессуальные решения как юридические факты в досудебном производстве российского уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар. 2011. С. 7-8. В целом, теория права расценивает правоприменительные и акты непосредственной реализации права как индивидуальные, отграничивая их от нормативно-правовых актов. См.: Минникес И.А. Индивидуальные правовые акты (к проблеме индивидуального правового регулирования) // Известия Иркутской государственной экономической академии. №5. 2006, С.60. В связи с этим и на основе деления права, в том числе и уголовно-процессуального, на доктрину, положительное право и «правовую жизнь» и – сообразно этим уровням – разграничения научной, правотворческой, правоприменительной и правореализационной деятельности (каждая из которых представляет систему решений и их последующую реализацию), предположим: уголовно-процессуальные решения, имеющие форму нормативно-правового акта, принимаются законодателем.

²⁰⁴ Одно из этих требований, имеющих для нас принципиальное значение – обоснованность. А.А. Травкиным подчеркивается: «Одно из требований, предъявляемых к ним – это требование обоснованности. Оно имеет непосредственное отношение к фактическим обстоятельствам юридического дела, которые в рамках данного дела должны быть наиболее полно и всесторонне оценены правоприменителем ...» См.: Травкин А.А. Сущность и сферы (пределы) действия правоприменительных актов (проблемы теории и практики): дис. ... кад. юрид. наук: 12.00.01. С. 27. Об обоснованности различных уголовно-процессуальных решений см.: Трахов Р.А. Обоснованность решений суда первой инстанции в российском уголовном процессе: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар. 2010. – 185 с.; Муратова Н.Д. Правовая культура процессуальных решений // Вестник ОГУ. №3 (122). 2011. 106 – 111 с.; Топольская А.Ю. Обоснованность и мотивированность процессуальных действий и решений в досудебном доказывании: проблемы теории и практики: дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону. 2012. – 206 с.

Итак, изложенное объединяет понимание содержания познавательных и прогностических решений в российском процессе с представлением об их форме как об актах правоприменения и непосредственной реализации права, принимаемых как субъектами, так и его участниками. Описав таким образом свойства этих решений, мы переходим к классификации уголовно-процессуальных решений, уточняющей, какие именно решения являются познавательными.

Надо сказать, что к настоящему времени процессуалистами созданы различные классификации уголовно-процессуальных решений, имеющие в своей основе тот или иной признак²⁰⁵. Вопрос об отличительном характере такого признака, как правило, не ставится. Однако, как мы выяснили в пар. 1.1. главы 1, при проведении родовидового деления, а в особенности классификации, в основе которой лежит указанное деление, необходимо использовать именно отличительный признак (*per se*).

Выходит, от исследователя, проводящего уголовно-процессуальную классификацию, требуется: 1) указать на модель уголовно-процессуальной деятельности, исходя из которой проводится классификация; 2) обосновать отличительность классификационного признака через демонстрацию его связи с основаниями модели уголовного процесса; 3) обозначить то, как видоизменяется признак, положенный в основу деления или классификации. Например, разделяя доказательства по способу доказывания на прямые и косвенные, необходимо определять суть прямого и косвенного способа доказывания. Как правило, сложностей с соблюдением этого требования не возникает: исследователи выполняют его путем раскрытия признаков видовых понятий, образованных в ходе логического деления или классификации.

²⁰⁵ Леонов С. Г. Указ. Соч. С. 7-8. ; Ершова Н.С. Обоснованность итоговых процессуальных решений суда первой инстанции: дисс. ... канд. юрид. наук. М. 2014. С. 31; Гаприндашвили Р.Т. Проблемы теории и практики принятия субъектами поисково-познавательной деятельности уголовно-процессуальных решений: дисс. ... канд. юрид. наук. М. 2016. С. 57 – 68.

Следование приведенным требованиям повысит вероятность создания цельной уголовно-процессуальной классификации, выражающей ту или иную идеальную модель уголовно-процессуальной деятельности. Сформированная таким образом классификация уголовно-процессуальных решений станет отражать не только их виды (особенное), но и закономерности уголовного процесса, выстроенного на той или иной основе (общее). Прежде чем привести подобную классификацию, рассмотрим предложенные ранее.

П. А. Lupинская, например, делит решения на начальные, промежуточные, окончательные (итоговые). Основанием такого деления, по ее мнению, выступают момент производства по делу, в который принимается решение, и влияние, которое оно оказывает на дальнейшее производство по делу. «Начальные решения дают право начать производство по делу или отдельную стадию (постановление о возбуждении уголовного дела...). Промежуточные решения принимаются по ходу производства в пределах одной стадии и касаются главным образом признания определенного процессуального статуса лица или вопроса о мере пресечения, производстве процессуальных действий... Окончательными (итоговыми) называют решения, которыми заканчивается производство по делу в данной стадии»²⁰⁶. Также с точки зрения П. А. Lupинской, решения разделяются на основные и вспомогательные, однако впоследствии она указывает, что «по своей сути промежуточные решения являются вспомогательными»²⁰⁷.

Уважая заслуги П. А. Lupинской, разработавшей одно из первых учений о решениях в уголовном процессе, содержащее разбор понятия уголовно-процессуального решения, механизма, этапов его принятия и формы, не можем не указать на следующее противоречие.

П. А. Lupинская, разделяя решения по разным основаниям на две группы (начальных, промежуточных, окончательных, с одной стороны и основных,

²⁰⁶ Lupинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве... URL: <http://www.twirpx.com/file/250194/>

²⁰⁷ Там же.

вспомогательных, с другой), создает классификацию фасетного типа²⁰⁸, согласно которой одно и то же решение ввиду того, что основания деления различны, будет относиться одновременно к двум видам. Однако если, по мнению П. А. Лупинской, как упомянуто ранее, промежуточные решения – вспомогательные, а вспомогательные – промежуточные, то начальные, например, постановление о возбуждении уголовного дела, и окончательные, в частности приговор – поскольку группа вспомогательных решений уже занята промежуточными – должны являться основными. И здесь возникает вопрос о том, как, например, начальное решение о возбуждении уголовного дела может быть основным, предназначенным, с точки зрения П. А. Лупинской, для оценки совокупности собранных доказательств и ответа в опоре на установленные обстоятельства на ключевые вопросы по уголовному делу, а именно: имело ли место событие преступления, виновен ли подсудимый в совершении преступления и есть ли основания для прекращения уголовного дела? Полагаем, причина данного противоречия кроется в отступлении от правила фасетной классификации, согласно которому сформированные классификационные группировки должны быть независимы друг от друга. В описанном случае возникла зависимость между классом промежуточных и вспомогательных решений.

Есть противоречие и в суждениях Д. С. Кроткова, который классифицирует уголовно-процессуальные решения, принимаемые при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, взяв за основу, как он сам утверждает, критерий П. А. Лупинской²⁰⁹. Он полагает, что начальными решениями являются решение об осмотре места происшествия, о получении объяснений, об истребовании необходимых материалов, о получении справочной информации; промежуточными – решения о передаче заявления или сообщения по

²⁰⁸ Фасетный метод – параллельное разделение множества объектов на независимые классификационные группировки. см.: Мигунов А.И., Микиртумов И.Б., Федоров Б.И. Указ. соч. С. 109.

²⁰⁹ Кротков Д. С. Уголовно-процессуальные решения и субъекты их принятия в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 13 [Электронный ресурс] – Режим доступа:<http://www.rad.pfu.edu.ru:8080/tmp/avtoref5325.pdf>.

подследственности; окончательными – решения о возбуждении либо об отказе в возбуждении уголовного дела или решение мирового судьи о принятии жалобы к производству²¹⁰. Однако, используя критерий классификации П. А. Лупинской, получить подобное деление невозможно. В частности, неясно, почему решения об осмотре места происшествия или о получении справочной информации отнесены к начальным (т. е., по определению П. А. Лупинской, дающим право начать производство по делу или его отдельную стадию), ведь указанные решения направлены на сбор и (или) проверку информации и принимаются уже после того, как было инициирована деятельность по проверке сообщения о преступлении. Названные решения нельзя считать и промежуточными, поскольку последние (как будет обосновано далее), в противоположность позиции П. А. Лупинской, не принимаются по ходу производства в пределах одной стадии и не касаются главным образом определенного процессуального статуса лица или вопроса о мере пресечения, производства процессуальных действий²¹¹.

Также проанализированные классификации отступают от правил, изложенных ранее: не содержат указаний на модель уголовно-процессуальной деятельности и на связь классификационного признака с основаниями выбранной модели.

Мы же предлагаем иную классификацию – в схематичном виде она изложена в «Приложении В» к настоящей работе – , исходя из модели российского уголовного процесса, построенной на публичном начале²¹², определяемом в противовес состязательному как такое соотношение общественного и частного

²¹⁰ Там же. С. 13.

²¹¹ Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве... URL: <http://www.twirpx.com/file/250194/>. М.А. Барова пишет: «В основу классификации могут быть положены различные критерии, обусловленные правовыми нормами, направленными на вынесение судебных решений в досудебном производстве. Считаем возможным сгруппировать их (судебные решения, добавлено нами – К.С.) в следующем порядке: 1) по видам судебных решений: - постановления; - определения; - частные постановления; - частные определения;». См.: Барова М.А. Уголовно-процессуальный механизм вынесения судебных решений в досудебном производстве: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 37. Но сгруппировать судебные решения «по видам судебных решений» нельзя. «Вид судебного решения» - не критерий классификации, а, наоборот, ее результат. Классифицируя что-либо, мы образуем вид, но не на основе вида ее проводим. Здесь, на наш взгляд, следует говорить не о виде судебного решения, а о критерии формы, позволяющим получить перечисленные виды судебных решений.

²¹² Подробнее о публичном начале российского уголовного процесса см.: Барабаш А. С. Указ. соч.

интереса²¹³, при котором первый преобладает над последним. Таким образом, решения в публичном уголовном процессе в зависимости от цели реализации того или иного интереса, мы предлагаем разделить на:

1. Решения, направленные на реализацию общественного интереса;
2. Решения, направленные на реализацию частного интереса.

Для дальнейшего деления первой группы решений рассмотрим доказывание через понятие деятельности и очертим его цель. В современном процессе она задана нормативно и выражена, как сказано в ст. 85 УПК РФ, в установлении обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. Следовательно, уголовно-процессуальные решения, принимаемые в процессе доказывания и направленные на реализацию общественного интереса, связаны с установлением обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ, среди которых, полагаем, должны быть и такие обстоятельства, чье установление свидетельствует о невиновности или меньшей обвиняемого. Реализуя в первую очередь общественный интерес, такой подход учитывает и частный.

Исходя из возложения обязанности достижения цели доказывания на судью, прокурора, следователя, дознавателя (ч. 1 ст. 74 УПК РФ), т. е. на должностных лиц органов государства, полагаем, что именно их решения направлены на достижение цели установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Остальная же группа решений, способствующих их установлению, принимается лицами, участвующими в уголовном процессе (свидетель, эксперт, специалист, переводчик, понятой, секретарь судебного заседания). Например, решение дать показания, решение понятого сделать замечание о дополнении или уточнении протокола следственного действия, решение специалиста при наличии к тому оснований отказаться от участия в производстве по уголовному делу и т.п. Таким

²¹³ Само понятие «начало» может быть определено как «...обуславливающее построение уголовно-процессуальной деятельности соотношение частных и общественных интересов, при котором одни преобладают над другими и которое сложилось в обществе (конкретном социуме) под влиянием объективных факторов на протяжении всего его развития» см.: Брестер А. А. Начало уголовного процесса и его влияние на уголовно-процессуальную форму // Уголовная юстиция. 2013. № 2. С. 28.

образом, решения, связанные с установлением подлежащих доказыванию обстоятельств, распадаются по признаку наличия (отсутствия) обязанности достижения лицом, принимающим решение, указанной цели на: 1.1 Решения, направленные на достижение цели установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ (принимаются должностными лицами органов государства); 1.2 Решения, способствующие установлению этих обстоятельств (принимаются лицами, участвующими в уголовном процессе).

Отталкиваясь от того, что познание – это единство мыслительной и практической деятельности (как нами доказывалось в первой главе), а уголовно-процессуальное доказывание – единство трех элементов: собирания, проверки и оценки (ст. 85 УПК РФ), укажем, что решения, связанные с целью установления обстоятельств, подлежащих доказыванию (1.1), по признаку их назначения²¹⁴ в доказательственной деятельности можно разделить на:

1.1.1 Решения, фиксирующие результат оценки собранной и проверенной информации и доказательств (решение о возбуждении уголовного дела, привлечении в качестве обвиняемого, составлении обвинительного заключения, постановлении приговора, прекращении уголовного дела, уголовного преследования и т. п.);

1.1.2 Решения, предназначенные для проведения деятельности по собиранию и проверке информации, доказательств и тем самым создания основы для оценки и принятия решений, отнесенных к группе 1.1.1 (решение о проведении процессуального действия при проверке сообщения о преступлении, следственного, судебного действия и т. п.). Эти решения закрепляют дополнительно основания деятельности по собиранию и проверке, проведение которой необходимо для получения итога, фиксируемого решениями группы 1.1.1;

²¹⁴ Критерий назначения уголовно-процессуального решения применим как в публичном, так и в состязательном процессе. Разница в том, каково это назначение, т. е. в конкретном его наполнении в зависимости от вида процесса.

1.1.3 Решения, создающие условия для собирания, проверки и оценки информации, доказательств, т. е. для познания как единства мыслительной и практической деятельности (решение о применении меры процессуального принуждения²¹⁵, решение суда о проведении предварительного слушания, возвращении уголовного дела прокурору, о рассмотрении уголовного дела в закрытом судебном заседании²¹⁶, например)²¹⁷.

Решения, фиксирующие результат оценки имеющейся информации (1.1.1), в свою очередь распадаются в зависимости от содержания этого результата, получаемого при движении уголовно-процессуального доказывания от вероятности к знанию, на начальные, промежуточные и окончательные. Задача первых – фиксация вероятностных выводов²¹⁸, свидетельствующих о возможном выполнении объективной стороны преступления (например, решение о возбуждении уголовного дела). Задача вторых при этом – не решение вопроса о мере пресечения, производстве процессуальных действий (как указывала П. А.

²¹⁵ А.С. Червоткин также считает: «Решения о мере пресечения (как промежуточные судебные решения) принимаются в целях создания надлежащих условий для осуществления производства по делу...». См.: Апелляция в уголовном судопроизводстве: научно-практическое пособие / [Ершов В. В. и др.] ; под общ. ред. В. В. Ершова ; Российская акад. правосудия. - Москва: Право, 2013 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/1431009/> Однако в нашей системе понятий – это не промежуточные решения, как обосновывается далее, а решения, создающие условия для собирания, проверки и оценки.

²¹⁶ В п.8, 9 Постановления ВС РФ от 22.12.2009 г. № 28 в ред. от 03.03.2015 г. «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку к судебному разбирательству» перечислены следующие решения, также относимые нами к названной группе: о вызове в судебное заседание необходимых лиц (эксперта, давшего заключение в ходе предварительного расследования, для допроса, например), о направлении сторонам копий о назначении судебного заседания, о мерах по доставке в суд лиц, содержащихся под стражей, о привлечении к участию переводчика, о подготовке зала судебного заседания, о направлении службе судебных приставов поручения об обеспечении мер безопасности и создании условий для их применения, а также разрешение вопросов, связанных с присутствием в зале судебного заседания.

²¹⁷ Решения настоящей группы и процедурные решения, выделяемые А. В. Смирновым, имеют схожую направленность на создание условий деятельности. Под процедурными понимаются те, которые «обеспечивают предпосылки для успешного выполнения задач уголовного процесса за счет создания формальных условий судопроизводства / решения о передаче дел по подследственности, о соединении и выделении уголовных дел, о признании участниками процесса и т. д.» Смирнов А. В. Достаточные фактические основания уголовно-процессуальных решений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1984. С. 8.

²¹⁸ По мнению Н.А. Громова, С.А. Зайцева: «...при исследовании обстоятельств уголовного дела надо учитывать: уголовное дело возбуждено именно потому, что представляется вероятным, что совершено преступление, хотя в момент возбуждения дела еще неизвестно с достоверностью, что так и было в действительности, и дальнейшее следствие должно все досконально проверить». См.: Громов Н.А., Зайцев С.А. Оценка доказательств в уголовном процессе. - М.: «Издательство ПРИОР», 2002 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/30103/>

Лупинская²¹⁹), а фиксация характеризующихся практической достоверностью выводов об обстоятельствах, предусмотренных ст. 73 (например, решение о составлении письменного уведомления о подозрении, привлечении в качестве обвиняемого). Под практической достоверностью мы понимаем такую «степень обоснованности знания, когда нельзя применять абсолютно понимаемое „все“, когда еще нет полной достоверности и вместе с тем, когда уже преодолена ступень проблематического и вероятного обоснования истины и нет неопределенности „некоторые“»²²⁰. Немаловажно, что «...при знании практически достоверном, хотя и не обнаружен противный случай, однако его невозможность все-таки не доказана»²²¹. Из обозначенных признаков промежуточного уголовно-процессуального решения следует недопустимость существования понятия «промежуточное судебное решение»²²², поскольку решения суда не фиксируют по результатам оценки характеризующиеся практической достоверностью выводы об обстоятельствах, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. Пункт 18 Постановления ВС РФ от 01.06.2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ) и п.5 Постановления ВС РФ от 27.11.2012 г. № 26 в ред. от 01.12.2015 г. «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» называют промежуточными судебными следующие решения: постановление судьи о разрешении производства следственного действия (ст. 165 УПК РФ), судебные постановления или определения об избрании меры пресечения или о продлении срока ее действия, о

²¹⁹ Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве... URL: <http://www.twirpx.com/file/250194/>

²²⁰ Георгиев Ф. И., Коршунов А. М., Ладоренко О. А., Тимофеева Н. В., Тройнов И. В. Проблемы отражения. М., 1969. С. 118.

²²¹ Там же. С. 117.

²²² Об отказе от использования в уголовно-процессуальном законе понятия «промежуточное решение», в том числе по отношению к промежуточным судебным решениям, высказывались и В. А. Азаров с В. А. Константиновой. Подробнее см.: Азаров В. А., Константинова В. А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам // Изв. Алтайского гос. ун-та. 2011. № 2-2. С. 81.

помещении лица в медицинский или психиатрический стационар для производства судебной экспертизы, о приостановлении уголовного дела, о передаче уголовного дела по подсудности или об изменении подсудности уголовного дела, о возвращении уголовного дела прокурору, постановление о назначении судебного заседания (ст. 231 УПК РФ), решения суда о наложении денежного взыскания и об обращении залога в доход государства (ст. 118 УПК РФ), определения или постановления о порядке исследования доказательств, об удовлетворении или отклонении ходатайств участников судебного разбирательства. Перечисленное же, исходя из выведенных признаков промежуточных решений, таковыми не являются, но отсюда не следует вывод об их исчезновении из процесса, они просто переходят в другую обосновываемую нами группу решений: решений, создающих условия для собирания, проверки и оценки информации и доказательств (1.1.3).

Переходя к окончательным решениям, т.е. к тем, которые завершают процесс познания в рамках стадии уголовного процесса, их задача – фиксация выводов, основанных на аргументах (доказательствах), достоверность которых проверена, об обстоятельствах, подлежащих доказыванию (решение об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, о составлении обвинительного заключения или обвинительного акта, постановлении приговора²²³).

Нужно подчеркнуть, что мы, как и П. А. Лупинская, выделяем группы начальных, промежуточных и окончательных решений, однако используем иной классификационный признак, позволяющий избежать допускаемого П. А. Лупинской противоречия, наполняем эти обозначения другим содержанием.

Закончив с классификацией уголовно-процессуальных решений, связанных с реализацией общественного интереса, перейдем к делению решений, связанных

²²³ В качестве итоговых уголовно-процессуальных решений вердикт и приговор рассматривает Т. А. Владыкина. См.: Владыкина Т.А. Теоретическая модель производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. : 12.00.09 / Т. А. Владыкина. Екатеринбург. 2018. С. 32

с реализацией частного интереса и принимаемых участниками уголовного процесса (2).

В зависимости от цели решения выделяются: 2.1 решения, связанные с реализацией частного интереса и направленные на содействие общественному (решение заявить, при наличии оснований, гражданский иск, дать правдивые показания, в случае совершения лицом преступления, признать вину, решение защитника заявить обоснованные ходатайства о приобщении письменных документов к уголовному делу в качестве доказательств в порядке ч. 2 ст. 86 УПК РФ, о проведении следственного или судебного действия и т.п.) и, соответственно, 2.2 решения, направленные на противодействие общественному интересу²²⁴ (решение о самооговоре, о даче ложных показаний, решение об уклонении от явки по вызову дознавателя, следователя и в суд, о нарушении ранее избранной меры пресечения и т.п.²²⁵). В основе этого деления лежит представление о такой связи общественного интереса с частным и наоборот, где первый, как указывает А.А. Брестер, включает в себя частный «...не в полной мере, а в той, в которой он соотносится с общественным интересом, не противоречит ему»²²⁶.

Отметим, что идея деления уголовно-процессуальных решений в зависимости от цели можно встретить и у А.В. Смирнова, однако при применении схожего критерия у него образуется иная классификация, чем предлагаемая нами. По мнению автора решения разделяются на основные и вспомогательные. Последние, к тому же на: подготовительные (ординарные и экстраординарные),

²²⁴ О.И. Андреева тоже замечает, что: «В уголовном процессе, как правило, личность действует исходя из собственных интересов, которые не всегда согласуются не только с интересами другой личности, но и с общественными или государственными интересами...». См.: Андреева О.И. К вопросу о способах правового регулирования в российском уголовном процессе // Вестник Самарского гос. ун-та. Гуманитарная сер. Юриспруденция. 2014. №11/2 (122). С.128.

²²⁵ О системности всех уголовно-процессуальных решений свидетельствует то, что определенные принятые и претворенные в жизнь решения, связанные с реализацией частного интереса и противоречащие общественному (решение продолжить заниматься преступной деятельностью, например), становятся основой для принятия уголовно-процессуальных решений, направленных на создание условий для уголовно-процессуального доказывания (решение об избрании меры пресечения, например).

²²⁶ Брестер А.А. Указ. соч. С. 29.

операционные и процедурные²²⁷. Отличие нашей классификации в ее основе. Помимо цели установления обстоятельств ст. 73 УПК РФ, мы исходим из представления о доказывании как единстве собирания, проверки (практическая деятельность) и оценки (мыслительная деятельность), совершающихся в уголовном процессе, где происходит постоянное взаимодействие общественного интереса с частным.

Изложенная классификация дополняется проведенным ранее делением уголовно-процессуальных решений на прогностические и познавательные. С учетом понятийного ряда «вероятность – практическая достоверность – знание» именно о начальных, промежуточных и окончательных решениях следует говорить как о познавательных²²⁸. Яркими же примерами прогностических служат решения, создающие условия для собирания, проверки и оценки информации, решения об избрании меры пресечения.

В итоге, мы проводим два базовых деления решений в российском уголовном процессе: на прогностические и познавательные и на решения, направленные на реализацию частного интереса, и решения, направленные на реализацию общественного, с последующим выделением разновидностей решений последней группы. Поскольку деления проводятся по различным

²²⁷ Смирнов А.В. Указ. соч. С. 7 – 8.

²²⁸ Подобное понимание позволяет критически отнестись к требованию законодателя, дублируемое и в правовых позициях (п.2 Постановления ВС РФ от 16.05.2017 г. № 17 «О внесении изменений в отдельные Постановления Пленума ВС РФ по уголовным делам»), признавать лицо потерпевшим незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела, а в случае отсутствия необходимых сведений о лице, которому причинен вред - незамедлительно после получения этих данных (ч. 1, ст. 42 УПК РФ). Получается, если законодатель этого требует, то решение о признании потерпевшим становится познавательным и окончательным, поскольку вред от преступления, причинение которого и является признаком потерпевшего, окончательно устанавливается только по завершении процесса доказывания. С другой стороны, решение о признании потерпевшим требуется принимать незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела, т.е. в начале расследования, когда речь идет только о вероятности в познании события прошлого, но не о знании и об окончательном решении. В общем, обнаруживается парадокс: решение о признании потерпевшим принимается в начале расследования, но основание его (установленность вреда) может возникнуть только в конце доказывания. Разрешить это противоречие возможно, на наш взгляд, двумя путями: 1) поскольку признание потерпевшим не является окончательным решением, то основания его принятия стоит связывать лишь с предположением о причинении лицу вреда, но не с установленностью этого факта; 2) либо можно продолжить требовать установленности, но принимать тогда это решение по завершении доказательственного процесса, а не в его начале, что лишено процессуального смысла.

основаниям и не исключают друг друга, то образуется фасетная²²⁹ классификация уголовно-процессуальных решений, которая, как и всякая классификация, упрощает действительность, разрывая тем самым существующее в ней единство²³⁰, но одновременно и обнаруживая его.

Так, поняв, что практическая (собрание, проверка) и мыслительная (оценка) деятельности в уголовно-процессуальном доказывании едины, утверждаем, что решения, оговоренные выше, также едины: одно не может существовать без другого. Например, перед принятием решения по результатам оценки, необходимо принять и реализовать решение о собрании и проверке (очевидно, что без проведения следственных действий получить необходимое количество доказательств для принятия решения о составлении обвинительного заключения невозможно). Для того же, чтобы принять решение о дальнейшем собрании и проверке доказательств необходимо оценить имеющееся и по результатом такой оценки принять соответствующее решение, в определенных случаях расширяющее познавательные возможности субъекта доказывания: возбудив уголовное дело, должностное лицо получает возможность собрать дополнительную информацию и проверить ее посредством проведения необходимых следственных действий, недоступных ему на этапе проверки сообщения о преступлении.

Осуществление же собрания, проверки и оценки невозможно без наличия определенных условий. Затруднительно провести допрос свидетеля в случае его систематической неявки к следователю, дознавателю или в суд. С целью устранения подобного принимается решение об избрании меры принуждения в виде привода, при помощи которого в описанной ситуации создаются необходимые условия для доказывания (познания).

²²⁹ Это выражается в том, что одно и то же решение, постановление о привлечении в качестве обвиняемого, например, является и познавательным, и промежуточным, т.е. входит одновременно в несколько групп, образованных в ходе классификации.

²³⁰ Поварнин С. И. Указ. соч. С. 9–11.

Безусловно, в ходе настоящего исследования мы не сможем проанализировать процесс и основания принятия всех решений, описанных выше, поэтому, исходя из темы диссертации, в последней главе речь пойдет только о познавательных (промежуточных и окончательных решениях), принимаемых органами государства и фиксирующих, соответственно, достижение практической достоверности и знания о событии прошлого.

Глава 3. Основания принятия познавательного решения

§3.1. Доказательство преимущества интеллектуальной стороны процесса принятия познавательного решения.

Продолжая исследовать познавательные решения, ключевой вопрос этой главы в том, в ходе какого процесса они принимаются: чисто интеллектуального, эмоционально-волевого²³¹ или же психического процесса, сочетающего «единство воли и разума»²³², «субъективного и объективного»²³³, «спонтанно-творческого и дисциплинированно-критического»²³⁴. Подобный вопрос оставил след и в теории управления, где в качестве вариантов его разрешения было сформировано три парадигмы принятия решений: рациональная, интуитивная и интуитивно-рациональная²³⁵.

Мы же, выступая за учет в процессе принятия познавательного решения как интеллектуальных, так волевых и эмоциональных процессов, находим основание этому в устройстве человеческой психики как системы²³⁶. Т.В. Корнилова указывает: **«Без интеллектуальной подготовки нет выбора, поскольку выбор осуществляет человек разумный (выделено нами – К.С.), мыслящий... Но выбора нет и без личностной его регуляции, поскольку принимает решение человек, мотивационно-личностная сфера которого необходимо включена в психологическую регуляцию выбора, в становление его целей и смыслов»**²³⁷.

²³¹ Подробнее об интуитивной стороне принятия решения См.: Степаносова О.В. Интуитивные компоненты в процессе принятия решения: дисс. ... канд. психол. наук. 19.00.01. – 208 с.

²³² Гурова Л. Л. Принятие решений как проблема психологии познания // Вопросы психологии. 1984. — № 1. С. 125
Электронный ресурс – Режим доступа: <http://www.voppsy.ru/issues/1984/841/841125.htm>

²³³ Сориная Г.В. Указ. соч. С. 121.

²³⁴ Герасимова И.А. Принятие решений: логика и психология // Психология и психотехника 11(62).2013. С.1060.

²³⁵ Соколов Н.Н. Указ. Соч. С. 9

²³⁶ Понимание этого среди процессуалистов было и в дореволюционное время. Ученик А.Ф. Кони, П. Сергеич (П.С. Пороховщиков), писал: «Современная психология отрицает возможность таких состояний сознания, которые были бы или чистыми представлениями, или только чувством, или исключительно выражением воли. Господин Гефдинг говорит: мышление всегда связано с известным настроением; мышления без чувства не бывает...». См.: Сергеич П. (Пороховщиков П.С.) Искусство речи на суде. 3-е изд. – Тула: Автограф, 2000. С. 266.

²³⁷ Корнилова Т.В. Указ. Соч. С. 34

Сказанное не означает, что всем факторам как личностным, так и интеллектуальным в исследовании отводится одинаковая роль.

Первоначально мы выделим объективные факторы, являющиеся определяющими в процессе принятия познавательного решения, а затем уже обозначим то, что искажает эту объективную основу.

Для этого:

1. Покажем роль законов формальной и диалектической логики в уголовно-процессуальном доказывании;
2. Опишем формально-логическую и диалектико-логическую стороны уголовно-процессуального доказывания;
3. Определим содержание достаточности в российском уголовном процессе как результата взаимодействия законов двух логик.

При этом в основу указанного плана положено предположение о невозможности разрешения вопроса о ведущей стороне (интеллектуальной или же личностной) процесса принятия познавательных решений без анализа специфики доказательственной деятельности, в ходе которой, собственно, подобные решения и принимаются.

Переходя к первому пункту, сформулируем ключевой вопрос: если доказывание – это единство мыслительной и практической деятельности, направленных на установление обстоятельств ст. 73 УПК РФ, то чем должен руководствоваться субъект доказывания, организовывая свой интеллектуальный процесс по принятию познавательных решений, фиксирующих достижение определенного результата на пути познания события прошлого? Частично ответ на него содержится в первой главе, утверждающей именно диалектику как гносеологическую основу российского уголовного процесса. Здесь же мы только уточним сказанное ранее.

Анализ познания и доказывания как деятельности позволяет применить к ним положение, согласно которому выбор средств деятельности определяется ее

целью и объектами²³⁸. Разграничивая способ и средство деятельности, мы под первым понимаем систему приемов и операций, осуществляемых со средствами деятельности²³⁹, под последними - «предмет, явление или процесс, используемые человеком в его деятельности, т.е. все то, что благодаря своим свойствам служит орудием действий»²⁴⁰. На примере связь способа и средства поясняется так: книга – средство получения информации, различные виды чтения (диагональное и т.п.) – способ ее получения. Указанная зависимость между целью, способами и средствами деятельности позволяет заключить, что цель доказывания – установление обстоятельств ст. 73 УПК РФ (ст. 85 УПК РФ) – и работа, исходя из указанной цели, с объектами доказывания, заставляют подобрать адекватные этому процессу способы и средства²⁴¹. Предполагается, что такие способы²⁴², которые может использовать субъект доказывания, находятся в науках формальной и диалектической логики²⁴³.

Необходимость использования логики формальной как науки прикладной, т.е. как одного из способов принятия уголовно-процессуальных решений, ведения познавательной деятельности²⁴⁴, редко подвергается сомнению²⁴⁵. Еще Л.Е. Владимиров писал: «Совершая эти умственные процессы, мы можем наделать много ошибок; мы нуждаемся в известных правилах, предостерегающих от таких ошибок; эти правила составляют содержание логики»²⁴⁶. Подобное

²³⁸ Философия: Учебник / Под ред. проф. О.А. Митрошенкова. - М. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://society.polbu.ru/mitroshenkov_philosophy/ch95_ii.html

²³⁹ Еникеев М.И. Основы общей и юридической психологии: Учебник для вузов. – М.: Юристъ, 1996. С. 65

²⁴⁰ Митрошенков О. А. Указ. Соч. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://society.polbu.ru/mitroshenkov_philosophy/ch95_ii.html

²⁴¹ Под средствами мы понимаем реальные и идеальные объекты, используемые в доказывании. Под способами – систему приемов и операций, осуществляемых с этими объектами.

²⁴² Определение способа деятельности (доказывания) через ее цель встречается и в других работах. См.: Брестер А.А. Уголовный процесс как познавательная деятельность // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей. Ч. 51. - Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 10

²⁴³ Переход к этим наукам здесь был бы невозможен, если бы мы не утверждали в первой главе приближенность уголовно-процессуального доказывания именно к научному познанию.

²⁴⁴ Поварнин С.И. Указ. Соч. С. 4-5.

²⁴⁵ Фойницкий И.Я. Указ. Соч. С. 171, 173.

²⁴⁶ Владимиров Л.Е. Указ. Соч. С. 38.

обнаруживается и у советских²⁴⁷, и у современных авторов. В.С. Балакшин указывает: «анализируя доказательства, давая им оценку, субъекты доказывания используют как основные понятия теории доказывания, так и законы логики (закон тождества, законы непротиворечия, исключенного третьего, достаточного основания)»²⁴⁸. При этом, о важности соблюдения при доказывании и принятии познавательного решения законов диалектической логики в настоящее время редко упоминается²⁴⁹. Это состояние – следствие нежелания ученых связывать себя, по тем или иным причинам, с философским наследием Советского государства, но голое отрицание не ведет к развитию, поэтому, отстраняясь от идеологического, видится, что потребность применения в доказывании как формальной, так и диалектической логики объективно обнаруживается при рассмотрении предметов этих наук.

Формальная логика ставит своей целью изучение логической формы, т.е. способа связи мыслей в рассуждении человека. Профессор В.Ф. Асмус иллюстрирует это положение так: «Рассмотрим три высказывания: «Суворов был храбр», «День был дождливый» и «Бой был жесток»... Слово это (был – К.С.) показывает, что во всех трех высказываниях имеется один и тот же способ связи мыслимых частей содержания. Способ связи составных частей мыслимого

²⁴⁷ Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Науч. ред.: Аврах Я.С. - 2-е изд., доп. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. – 206 с.

²⁴⁸ Балакшин В.С. Указ. Соч. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookid=1212440>.

²⁴⁹ За время исследования мы нашли только одну работу, содержащую: «...познавательная деятельность осуществляется субъектом с учетом чувственного восприятия, методов диалектической и формальной логики (мышления), практической деятельности, что непосредственно имеет отношение к уголовно-процессуальному доказыванию». См.: Жданова Я.В. Проблемы вероятного и достоверного в уголовно-процессуальном доказывании и их влияние на принятие отдельных процессуальных решений следователем: дисс... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. С. 180. Встретилась также диалектическая логика, правда в части толкования норм права, и в одном судебном акте. Судья КС РФ В.И. Олейников в своем особом мнении по мотивировке Постановления КС РФ от 23.03.95 г. по делу о толковании ч. 4 ст. 105 и ст. 106 Конституции РФ отметил: «Прежде всего в исследовательской части (Постановления КС РФ от 23.03.95 г. – добавлено мной К.С.) необходимо было, опираясь на выработанные наукой и практикой правила толкования правовых норм, указать на использованные судом приемы и способы толкования и их результаты, а именно: 1. Систематический... 2. Логический. Путем использования средств формальной и диалектической логики для установления внутренних связей толкуемых норм с другими нормами Конституции, логической структуры ее правовых предписаний».

содержания называется логической формой – в отличие от самого содержания...»²⁵⁰.

Диалектическая же логика изучает познание через методологический срез. В поле ее зрения находятся законы, руководящие этим процессом и принципы, соблюдение которых познающим субъектом обязательно для получения знания²⁵¹. По отношению к доказыванию как единству мыслительной и практической деятельности и к процессу принятия познавательных решений формальная логика организует мыследеятельность и процесс их принятия в части логической формы. Диалектическая логика организует мыслительную и практическую деятельность и процесс принятия познавательного решения в части методологии и подхода к объекту познания. Можно сравнить и так: если формальная логика отвлекается от содержания с целью изучения его формы, то диалектическая, напротив, должна работать с мыслимым содержанием, объяснять, по каким законам оно развивается для получения нового знания. Важно, что две логики не отрицают друг друга, а дополняют и взаимодействуют между собой, образуя единство²⁵². Следует это из того, что законы и формальной, и диалектической логики не сконструированы человеком произвольно, а выведены им с опорой на действительность. И.Д. Андреев утверждает: «соответствующие требования к мыслящему субъекту выражают также законы и правила формальной логики, отражающие ту или иную общую сторону или связь объективной действительности»²⁵³. Сообразно И.Д. Андрееву, М.М. Розенталь, но только по отношению к законам диалектической логики, указывает: «в отличие от законов действительности, существующих

²⁵⁰ Асмус В.Ф. Указ. Соч. С. 7-8.

²⁵¹ Андреев И.Д. Диалектическая логика : учеб. пособие / И.Д. Андреев.– М. : Высш. шк., 1985. С. 85-86.

²⁵² Ф.Н. Фаткуллин замечал: «Строгое соблюдение субъектами доказывания этих логических законов и форм мышления является одним из обязательных условий достижения объективной истины по делу. Необходимо только помнить, что все упомянутые выше логические категории рассчитаны на элементарно непротиворечивые отношения, на стабильные, неизменные стороны действительности, и в этом — их ограниченность. Для преодоления такой ограниченности нужна диалектическая, содержательная логика, опирающаяся на знание общих законов всех материальных и духовных явлений». См.: Фаткуллин Ф.Н. Указ. Соч. С. 36.

²⁵³ Андреев И.Д. Указ. Соч. С. 85-86.

независимо от сознания и воли людей, законы познания, логические законы существуют в сознании, как отражение законов объективного мира»²⁵⁴.

Таким образом, только мышление и деятельность или мыследеятельность, протекающие по законам двух логик, производят знание, применимое к самой действительности и пригодное для принятия познавательных решений, на том основании, что оно получено по законам, отражающим законы действительности. Например, на основании суждения «Если Н. был на месте преступления, значит, он совершил преступление» нельзя принять какое-либо решение, оно неприменимо к действительности, поскольку при его выводе нарушены требования двух логик, но, возможно, здесь нарушены только законы формальной логики, особенно закон достаточного основания. Нарушение имеется, но вместе с тем не соблюдены и требования диалектической логики, позволяющие сформировать это достаточное основание. Будь здесь нарушение только формальной логики, то и исправить все можно было, только следуя ее правилам, но это невозможно, поскольку последняя, формулируя закон достаточного основания, просто требует наличия у всякой истинной мысли достаточного основания, но не показывает путь, позволяющий его получить²⁵⁵. В связи с этим А.Ф. Асмус указывает: «закон достаточного основания выражает наличие для каждой истины достаточного основания лишь в самом общем виде. Поэтому закон этот, разумеется, не может указать, каким именно должно быть основание в каждом отдельном случае...»²⁵⁶. Неспособность формальной логики ликвидируется как раз логикой диалектической, указывающей как необходимо подходить к

²⁵⁴ Розенталь М.М. Принципы диалектической логики. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.kpu.org.ua/fragm_3.htm.

²⁵⁵ Кобзарь В.И. Принципы или основные законы? // Логико-философские штудии. СПб. : Издательство РОО «Санкт-Петербургское философское общество», 2001. №1. С. 195.

²⁵⁶ Асмус В.Ф. Указ. соч. С. 24. Похожую мысль проводил Б.М. Кедров: «...эта логика (формальная, добавлено нами – К.С.) не говорит и не может сказать, какое именно основание должно считаться «достаточным», где и каким образом его надо искать». См.: Кедров Б.М., Ильенков Э.В., Зиновьев А.А. и др. Диалектика и логика. Формы мышления. под. ред. Давыдов А.А. Изд. Академии наук СССР. С. 201.

объекту познания для формирования достаточного основания. Похожая ситуация дополняемости наблюдается и с иными формально-логическими законами.

Так, закон тождества, формулируя требование о неизменности предмета мысли, не указывает, каким именно он должен быть²⁵⁷. Диалектическая же логика вводит необходимость мыслить предмет объективно и всесторонне.

Далее, законы непротиворечия и исключенного третьего, применяемые к противоположным или противоречащим суждениям, не могут указать, какие из них истинны, а какие ложны, хотя бы по причине исключения из сферы формальной логики вопросов об истине и лжи. Следовательно, опираясь только на нее, невозможно достигнуть цели познания. Диалектическая же логика, наполняя содержанием понятия истины и лжи, предлагает конкретные способы получения знания: принцип объективности, всесторонности, метод восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному и т.п.

Все сказанное означает, что субъекту доказательственной деятельности необходимо опираться на законы формальной и диалектической логики в их взаимосвязи²⁵⁸. Кроме того, тезис о взаимодействии двух логик позволяет в этом исследовании, далее: 1) уточнить понятия достаточности и внутреннего убеждения, а также механизм их формирования²⁵⁹ при принятии познавательных уголовно-процессуальных решений; 2) определить главенствующую сторону, интеллектуальную или же личностную, процесса их принятия.

Но уже сейчас установленная через рассмотрение уголовно-процессуального доказывания определяющая роль законов двух логик означает главенство в процессе принятия познавательных решений именно интеллектуальной

²⁵⁷ Асмус В.Ф. Указ. соч. С. 17.

²⁵⁸ О взаимодействии двух логик также см.: Bencivenga, Ermanno. On the Very Possibility of a Formal Logic and Why Dialectical Logic Cannot be One. *The Philosophical Forum*. Vol. 46. 3. 2015. 275-286 p.

²⁵⁹ И.А. Остапенко заключает: «Изложенное позволяет сделать вывод, что внутреннее убеждение как категорию можно охарактеризовать следующим образом – это... метод оценки доказательств; – результат оценки доказательств...». См.: Остапенко И.А. Приговор как итоговое решение по уголовному делу: дисс. ... канд. юрид. наук. Владимир. 2007. С. 81. Для нас внутреннее убеждение формируется субъектом доказывания на основе реализации законов формальной и диалектической логики, т.е. оно результат деятельности, но не ее метод и не то, и другое вместе, поскольку метод деятельности, приводя к ее результату, им самим не является.

составляющей. Иное сомнительно, сложно представить реализацию законов двух логик, представляющих собой правила работы разума, при определяющем действии личностной компоненты.

Тезис о ведущей роли интеллектуальной стороны процесса принятия познавательного решения дополнительно подтверждается возможностью их отнесения, поскольку они направлены на познание события прошлого, к категории рациональных решений. Так, «...При опосредованности выбора размышлением, обдумыванием, т.е. актуалгенезом мыслительной деятельности, в психологии говорят об интеллектуальных решениях (Корнилова, Тихомиров, 1990)»²⁶⁰. В этой связи интересно утверждение еще одного психолога, Г.В. Сориной: «если конкретное решение не может претендовать на универсальность, то когнитивные процедуры, управляющие процессом принятия решений, носят **универсальный характер** (выделено нами – К.С.). Всякое принятие решений происходит в форме определенной мыслительной деятельности, сама же мыслительная деятельность, что показал еще Аристотель, проявляется в форме работы: с понятиями; суждениями (классическими и неклассическими); умозаключениями; вопросами»²⁶¹.

О понимании познавательных решений как рациональных свидетельствует также и следующее. Пусть все решения по степени регламентированности процедуры их принятия ²⁶² разделяются на виды инструктивных и неинструктивных ²⁶³. Рассматривая инструктивные как такие, чья процедура разработки четко оговорена в регламентирующих документах, нами делается вывод об отнесении к ним исследуемых познавательных решений, в силу

²⁶⁰ Корнилова Т.В. Указ. Соч. С. 19.

²⁶¹ Сорина Г.В. Указ. Соч. С. 163. И.С. Ладенко также отмечает: «Логические закономерности мышления составляют содержание внутренних механизмов интеллектуальной деятельности... Поэтому понятно, что развитие интеллекта как способности специалистов неизбежно опирается на логические закономерности мышления». Ладенко И. С. Интеллект и логика. — Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. С.6

²⁶² Сорина Г.В. Указ. Соч. С. 163.

²⁶³ Там же. С. 23, 162-164. Н.Ю. Терентьев по этому же основанию разделяет решения на формализуемые, частично формализуемые, неформализуемые. См.: Терентьев. Н.Ю. Указ. Соч. С. 81-82.

заданности процесса принятия последних нормами уголовно-процессуального права, ориентирующих на преимущественную работу интеллектуальной стороны процесса принятия решения. Это диктуется устройством континентального права, предполагающим схему правоприменения, связанную прежде всего с работой разума. Изложенное ведет к тому, что процесс принятия познавательного решения протекает в форме мыслительной деятельности, а само принятое решение – продукт главным образом интеллектуальной стороны процесса его принятия.

После определения доминирования интеллектуального компонента при принятии познавательного решения мы переходим к анализу элементов этого компонента: формально-логической и диалектико-логической стороне и к описанию их взаимодействия через понятие достаточности.

§3.2. Достаточность как результат взаимодействия законов формальной и диалектической логики при принятии познавательного решения.

Ранее говорилось о нацеленности формальной логики на изучение логической формы, т.е. способа связи частей мыслимого содержания в рассуждении. Поскольку же логическая форма присутствует везде, где есть связь мыслей, то мыслительная деятельность в доказывании и при принятии познавательного решения также проходит в логической форме и не должна отступать от четырех формально-логических законов²⁶⁴.

Первый закон суть закон тождества. Аристотель, сформулировавший его, указывал: «нельзя ничего мыслить, если каждый раз не мыслить что-нибудь одно»²⁶⁵. Наиболее понятно, на взгляд исследователя, содержание закона выразил В.Ф. Асмус. «Согласно этому закону, необходимая логическая связь между

²⁶⁴ Сорокина Г.В. Указ. Соч. С. 163.

²⁶⁵ Рузавин Г.И. Логика и аргументации: Учебн. Пособие для вузов. – М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997. С. 118.

мыслями возможна лишь при условии, если всякий раз, когда в рассуждении или выводе появляется мысль о каком-либо предмете, мы будем мыслить именно этот самый предмет и в том же самом содержании его признаков»²⁶⁶. Значимость этого закона для всякого логического мышления обнаруживается при его нарушении²⁶⁷. Так, из двух посылок - «Все собранные доказательства по уголовному делу № 2200034 являются достоверными» - и - «Ни одно доказательство не соответствующее действительности не является достоверным» - логически необходимое заключение «Ни одно доказательство не соответствующее действительности не является доказательством, собранным по уголовному делу № 2200034», следует только тогда, когда в понятие «достоверность» вложено одинаковое содержание. Действительно, пусть во второй посылке под достоверностью понимается относимость, тогда пропадет связующий два суждения средний термин «достоверность», что не позволит, в итоге, сделать логически необходимый вывод²⁶⁸.

Применяя указанное к информационным, логическим доказательствам и обстоятельствам, подлежащим доказыванию ²⁶⁹, утверждаем, что при мыслительной (оценочной) деятельности в доказывании и принятии познавательного решения содержание доказательств и обстоятельств, подлежащих доказыванию, не может меняться должностным лицом произвольно, за исключением случаев, внесения таких изменений практической (собрание, проверка) деятельностью.

Второй закон суть закон непротиворечия. Применительно к нему Аристотель говорил: «...невозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время

²⁶⁶ Асмус В.Ф. Указ. Соч. С. 15.

²⁶⁷ Народная мудрость выразила отступление от этого закона в поговорке: «Один про Фому, другой про Ерему».

²⁶⁸ Множество примеров несоблюдения закона тождества можно подчеркнуть из художественной литературы. На ум приходит случай из романа В. Гюго «Отверженные», когда прокурор в своей обвинительной речи, вместо того, чтобы говорить по существу: «...обратился к первоисточникам и первопричинам преступности вообще и, прибегнув к искусной антономазии, обрушился на безнравственность романтической школы, бывшей тогда в расцвете...». См.: Гюго В. Отверженные: Роман. Т. 1.- Махачкала: Даг.кн. изд.-во. – 1984. С. 254.

²⁶⁹ О различии информационных, логических доказательств и обстоятельств, подлежащих доказыванию. См.: Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса... С. 274-290.

было и не было присуще одному и тому же в одном и том же отношении»²⁷⁰. Это означает: «не могут быть сразу истинными два высказывания, из которых одно утверждает нечто о предмете, а другое отрицает то же самое об этом же самом предмете и в то же самое время»²⁷¹. Возьмем два суждения: «Всей информации, полученной от потерпевшей Б., можно верить» и «Всей информации, полученной от потерпевшей Б., нельзя верить». Ясно, что оба они не могут быть истинными, так же ясно и то, что, в случае допущения субъектом доказывания в своем мышлении логического противоречия и признания двух этих суждений, невозможно однозначно решить вопрос об использовании информации от Б. в доказывании.

Закон непротиворечия рассматривается в связке с законом исключенного третьего *tertium non datur*, (лат.) – третьего не дано – означающим: «...если относительно чего бы то ни было необходимо либо утверждение, либо отрицание, то невозможно, чтобы и отрицание, и утверждение были ложными, ибо ложным может быть лишь один из обоих членов противоречия»²⁷². Суть этого закона четко выразил С.И. Поварнин: «Из двух противоречащих суждений одно, по необходимости, истинно, другое ложно»²⁷³. Замечаем, если закон непротиворечия просто запрещает одновременную истинность суждений, то закон исключенного третьего позволяет переходить от истинности одних к ложности других и наоборот²⁷⁴. Пусть есть два суждения: 1) Нож, обнаруженный на месте происшествия, содержит потожировые следы Н.; 2) Нож, обнаруженный на месте происшествия, не содержит потожировые следы Н. По закону непротиворечия эти суждения не могут быть одновременно истинными, а по закону исключенного третьего признание истинным или же ложным одного из них позволяет субъекту

²⁷⁰ Рузавин И.Г. Указ. Соч. С. 120.

²⁷¹ Асмус В.Ф. Указ. Соч. С. 17.

²⁷² Мигунов А.И., Микиртумов И.Б., Федоров Б.И. Указ. соч. С. 11.

²⁷³ Поварнин С.И. Указ. Соч. С. 22.

²⁷⁴ Мигунов А.И., Микиртумов И.Б., Федоров Б.И. Указ. соч. С. 53.

доказывания логически необходимо признать уже другое суждения ложным или истинным.

Завершая рассмотрение законов непротиворечия и исключенного третьего, очертим их границы, дабы не допустить распространения на недоступную им сферу. Оба закона относятся ко всем суждениям, находящимся в отношениях противоположности и противоречия, однако, закон исключенного третьего, в отличие от закона непротиворечия, не распространяется на противоположные суждения, могущие быть одновременно ложными, поскольку в этом случае переход от ложности одного суждения к истинности другого невозможен²⁷⁵.

Применяя эти положения к уголовно-процессуальному доказыванию и принятию познавательного решения, выводим невозможность достоверности между собой полностью или в части противоположных или противоречащих друг другу в этой части или полностью информационных, логических доказательств и обстоятельств, подлежащих доказыванию. Если достоверно/недостоверно одно, то недостоверно/достоверно другое. Последнее положение верно, только, если они оба не недостоверны.

Четвертый и последний закон достаточного основания в его современном виде сформулировал Лейбниц²⁷⁶: «Наши заключения основаны на двух великих принципах, на принципе противоречия и принципе *ratio sufficiens* (разумной достаточности), в силу которого мы принимаем, что ни один факт не является истинным или действительным, ни одно положение не является истинным, без того, чтобы не было достаточного основания, почему оно таково, а не иначе...»²⁷⁷. С.И. Поварнин разъясняет это так: «Каждая мысль в логическом мышлении

²⁷⁵ Там же. С. 51, 53.

²⁷⁶ Несмотря на распространённость этой позиции, П.С. Попов и Н.И. Стяжкин замечают: «Демокрит выделяет — в качестве эмпирического закона мышления — так называемый закон достаточного основания. Еще его учитель Левкипп утверждал: «Ни одна вещь не возникает беспричинно, но все возникает на каком-нибудь основании в силу необходимости» [120, стр. 66]. Это первая в истории формулировка закона о достаточном основании». См.: Попов П.С., Стяжкин Н.И. Развитие логических идей от античности до эпохи возрождения. «Издательство Московского университета», 1974 г. С. 20

²⁷⁷ Рузавин Г.И. Указ. Соч. С. 120.

связана по своему содержанию с некоторыми другими мыслями так, что необходимо из них вытекает». Приведем пример: «П. в момент совершения преступления был либо в месте А., либо в месте Б. (основание 1). П. в момент совершения преступления не был в месте А. (основание 2). Следовательно (логическая связь), П. в момент совершения преступления был в месте Б. (заключение)». Вывод, в данном случае, необходимо следует из других посылок только лишь потому, что они есть достаточное основание для него²⁷⁸.

Подробный анализ действия этого закона в доказывании и принятии познавательного решения проведен далее. Такое отступление необходимо для исключения повтора мысли.

В заключение отнесем к пониманию рассмотренных законов другими процессуалистами. А.Р. Белкин пишет: «Важные правила доказывания вытекают из логического закона противоречия.... Вот эти правила: а) доказываемое обстоятельство не должно иметь противоречивого содержания, т.е. не быть внутренне противоречивым; б) нельзя одним актом доказывания пытаться доказать два логически противоречивых обстоятельства, факта; в) доказательства, используемые для доказывания, обстоятельства, не должны противоречить друг другу»²⁷⁹. Однако А.Р. Белкин применяет закон непротиворечия лишь к противоречию, оставляя отношение противоположности за гранью, сужая тем самым сферу действия этого закона. Из его рассуждений следует возможность для субъекта доказывания использовать, например, непротиворечивые, но противоположные по содержанию доказательства. Пусть есть показания двух свидетелей: 1) «Все задержанные присутствовали на месте совершения преступления»; 2) «Ни один из задержанных не присутствовал на месте

²⁷⁸ Хорошо отступление от правила этого показал А.П. Чехов в рассказе «Письмо к ученому соседу», где Донской отставной урядник Василий Семи-Булатов делится такими своими наблюдениями: «Отчего зимою день короткий, а ночь длинная, а летом наоборот? День зимою оттого короткий, что подобно всем прочим предметам видимым и невидимым от холода сжимается и оттого, что солнце рано заходит, а ночь от возжания светильников и фонарей расширяется, ибо согревается». См.: Чехов А.П. Избранные сочинения. В 2-х т. Т. 1. / Вступ. статья Г. Бердникова. – М.: Худож. лит., 1986. С. 15- 16.

²⁷⁹ Белкин А.Р. Указ. Соч. С. 104.

совершения преступления». Эти суждения противоположны, поскольку могут быть одновременно ложными (возможно присутствие только части задержанных на месте совершения преступления), но они не могут быть одновременно истинными. Однако, следуя логике А.Р. Белкина, два этих доказательства, не смотря на невозможность их одновременной достоверности, можно использовать для доказывания какого-либо обстоятельства по причине отсутствия здесь отношения противоречия.

Далее, автор указывает: «Два доказываемых факта, обстоятельства, противоречащие друг другу, не могут быть оба истинными или оба ложными. Это правило основано на логическом законе исключения третьего: два противоречащих суждения не могут быть одновременно ни истинными, ни ложными и нет между ними среднего термина»²⁸⁰. Утверждая это, ученый опять ограничивает сферу действия, но уже закона исключенного третьего, лишь отношением противоречия. Если признать сказанное им, то, тогда два доказываемых факта, находящиеся в отношении противоположности, могут быть одновременно ложными. Так-то оно так, но, если ситуация такова, что факты, находящиеся в отношении противоположности, не ложны одновременно, то, следуя логике А.Р. Белкина, они не попадают под действие закона исключенного третьего и субъект доказывания не должен на основе истинности одного факта, заключать о ложности другого и наоборот. Такое положение ограничивает познавательные способности должностного лица, запрещая ему совершать часть логических операций.

Завершив на этом анализ формально-логического элемента интеллектуальной стороны процесса принятия познавательного решения, перейдем к рассмотрению диалектико-логической стороны.

В первом параграфе этой главы утверждалось об организации диалектической логикой, в отличие от формальной, и мыслительной, и

²⁸⁰ Там же. С. 105

практической составляющей познания. Применительно же к уголовно-процессуальному доказыванию и принятию познавательного решения формальная логика организует оценку в части логической формы, диалектическая же – оценку, но с позиции мыслимого содержания, а кроме того, собрание и проверку.

Первым мы рассматриваем «ядро» диалектики: закон единства и «борьбы» противоположностей. Он: «...устанавливает, что всем вещам и явлениям свойственны противоречия, противоположные стороны и тенденции, находящиеся в процессе взаимопроникновения и взаимоотрицания и обуславливающие бесконечность движения, изменения и развития»²⁸¹. Но, поскольку наше исследование требует анализа проявления этого закона в познании²⁸², а не только как всеобщего, то проиллюстрируем его действие в мышлении.

Исходя из начальной противоречивости объекта познания, его познавать надо как систему-противоречие, а каждую противоположность – как относительно отдельный элемент этой системы, улавливая, главное, переход одной противоположности в другую, т.е. момент их единства²⁸³. Б.М. Кедров отмечает: «Для того, чтобы познать реальное противоречие, познание вынуждено сначала расчленил его на противоположные стороны, нарушив тем самым их **единство и нераздельную взаимосвязь** (следовательно, нарушается единство, которое есть изначально – К.С). Только после того, как обе противоположные стороны противоречия будут изучены в обособлении одна от другой, в противопоставлении одна другой (а иногда даже в условиях полного отбрасывания одной из них), - только после такого предварительного расчлененного исследования возникает возможность соединить их снова, мысленно привести их в связь с целью восстановить **исходное единство (следовательно, в конце познания мы приходим к имевшемуся ранее**

²⁸¹ Солопов Е.Ф. Указ. Соч. С. 75.

²⁸² Кедров Б.М. Единство диалектики, логики и теории познания (Серия «Из наследия Б. М. Кедрова». Размышляя о марксизме). Изд. 2-е, стереотипное. М: КомКнига, 2006. С. 168-169, 207.

²⁸³ Солопов Е.Ф. Указ. Соч. С.74.

единству – К.С.)»²⁸⁴. Солидаризируясь с ним, А.П. Шептулин указывает: «Первым, начальным моментом познания противоречия является открытие в исследуемом объекте различных и противоположных явлений, которые сначала рассматриваются как совершенно самостоятельные, независимые, сосуществующие. В ходе дальнейшего познания устанавливается их взаимосвязь, взаимополагание и взаимопереход друг в друга, в результате чего они начинают рассматриваться как неразрывно связанные стороны одного и того же явления, как единство противоположностей»²⁸⁵.

Однако противоположности можно познать, только используя подходящий метод: метод восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному, сам выражающий в себе единство противоположностей чувственного и рационального, конкретного и абстрактного, анализа и синтеза и т.п.²⁸⁶. Он позволяет познать сущность явления через отражение чувственно-конкретного, данного нам в ощущениях, в логически-конкретном, выступающем результатом синтеза множества абстракций²⁸⁷. На этой основе разработал, разделяемую нами схему познавательной деятельности в российском уголовном процессе, А.С. Барабаш²⁸⁸.

После анализа закона единства и «борьбы» противоположностей переходим к закону отрицания отрицания. Его механизм таков: «первое отрицание (разделение противоположностей) ... отрицание отрицания (их борьба и разрешение) и момент якобы возврата к исходному пункту (поскольку в результате отрицания отрицания достигается качественно новое состояние, в котором старое, вернее, определенные его элементы, содержится в

²⁸⁴ Кедров Б.М. Указ. Соч. С. 200.

²⁸⁵ Шептулин А. П. Диалектический метод познания. — М.: Политиздат, 1983. С. 210. Также см.: Батищев Г.С. Противоречие как категория диалектической логики. М.: «Высшая школа». 1963. – 120 с.

²⁸⁶ Розенталь М.М. Указ. Соч. URL: http://www.kpu.org.ua/fragm_3.htm.

²⁸⁷ Кумпф Ф., Оруджев З. Диалектическая логика: Основные принципы и проблемы. – М.: Политиздат, 1979. С. 136-137.

²⁸⁸ Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса... С. 262-268.

преобразованном виде)»²⁸⁹. Закон этот в познании выражен в том, что: «от исходного, данного нам противоречия путем его расчленения (как первого отрицания) мы приходим сначала к отдельным его сторонам; от них, далее, путем их воссоединения (как второго отрицания, т.е. отрицания их обособленности одна от другой) мы приходим уже к познанию самого противоречия, как единства противоположностей»²⁹⁰. Указанное реализуется, только, если мысль восходит от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному, на том основании, что этот метод, выражая закона единства и «борьбы» противоположностей, выражает и закон отрицания, отрицания. Так, первое отрицание – переход от чувственно-конкретного к абстрактному через анализ чувственного данного и создания на основании его множества абстракций. Второе отрицание – переход от абстрактного к логически-конкретному через уже синтез созданных нами ранее абстракций.

Говоря про уголовно-процессуальное доказывание и принятие познавательного решения, отметим, что чувственно данное как основа абстракций – это следы события прошлого. Множество абстракций, созданное из чувственного материала – это информационные, логические доказательства и обстоятельства, подлежащие доказыванию. Логически-конкретное, завершающее процесс доказывания и фиксируемое в окончательном, для определенной стадии, познавательном решении (обвинительное заключение, обвинительный акт, приговор, например) – знание о событии прошлого.

Рассмотрев закон отрицания отрицания, обозначим суть закона перехода количественных изменений в качественные. Он устанавливает: «...постепенные, количественные изменения предметов и явлений, их свойств и состояний неизбежно приводят со временем к коренным, качественным изменениям, причем вновь возникшее качество (новая система) подчиняется новому закону (мере) и

²⁸⁹ Солопов Е.Ф. Указ. Соч. 112-113.

²⁹⁰ Кедров Б.М. Указ. Соч. С. 207.

темпу количественных изменений»²⁹¹. В познании этот закон объясняет, с логической стороны, процесс мышлеобразования²⁹². Как только «накапливается» количество мыслей, позволяющее умозаключить нечто новое, то совершается скачок и образуется качественно иная, чем предыдущие мысль. М.М. Розенталь поясняет: «Скачок в процессе познания характеризуется следующими важными чертами: 1) мысль переходит от количественного накопления отдельных фактов, данных о предметах, к формулированию вывода, понятия о их сущности: это значит, что в движении мысли происходит «перерыв постепенности», т.е. переход на высшую ступень процесса познания...»²⁹³. Механизм перехода количественных изменений в качественные в доказывании и при принятии познавательного решения подробнее изложен далее. Как и в случае с законом достаточного основания это необходимо для неповторения мыслей.

Закончив с аналитической, перейдем к синтезирующей части настоящего параграфа. Исходя из назначения всякого синтеза показать «...что различные элементы изучаемого предмета, его многочисленные свойства, стороны не просто сосуществуют в предмете, а находятся в неразрывном единстве...»²⁹⁴, свяжем формально-логическую и диалектико-логическую стороны доказывания в качестве двух элементов интеллектуальной стороны процесса принятия познавательного решения. Их единство обозначится, с одной стороны, при помощи закона достаточного основания, а с другой – через закон перехода количественных изменений в качественные. Понятийное схватывание взаимодействия двух законов случится через «достаточность».

Основываясь на том, что все законы формальной логики выражают определенные качества²⁹⁵ логически правильного мышления: закон тождества –

²⁹¹ Солопов Е.Ф. Указ. Соч. 81.

²⁹² Здесь имеются в виду не физиологические особенности этого процесса, а сугубо логические, т.е. связанные с выведением новых мыслей из уже имевшихся ранее.

²⁹³ Розенталь М.М. Указ. Соч. URL: http://www.kpu.org.ua/fragm_3.htm.

²⁹⁴ Андреев И.Д. Указ. соч. С. 125.

²⁹⁵ Асмус В.Ф. Указ. соч. С. 26.

определенность мышления, закон непротиворечия и исключенного третьего – последовательность, закон достаточного основания – доказательность мышления²⁹⁶ и на том, что одного качества мышления нет без другого (не существует доказательного мышления без последовательного), заключаем, что все законы, как и качества мышления, находятся в системе, и, показывая взаимодействие одного закона достаточного основания с диалектическими законами, мы показываем взаимодействие с ними всех законов формальной логики.

Подобное наблюдается и с законами диалектической логики: где есть развитие, там есть и действие всех трех её законов, поскольку без действия хотя бы одного развитие невозможно. Принцип развития – это краеугольный камень диалектики. Следовательно, если где-либо оно обнаружится, то там достаточно зафиксировать действие хотя бы одного закона диалектики, а наличие остальных можно обоснованно предполагать, исходя из того, что, если бы оставшиеся не действовали, то не и было бы и развития, а, значит, и действия первого обнаруженного нами закона. М. М. Розенталь считал: 1) «...учение о противоречиях, раскрывая источники развития...не исчерпывает тех особых специфических причин и условий развития, которые объясняют процесс качественных изменений предметов. Эта сторона **развития** (выделено нами – К.С.) отражается в законе перехода количественных изменений в качественные»; 2) «Действию отрицания присущи два важных момента: 1) момент диалектического отрицания в процессе **развития** (выделено нами – К.С.) и 2) момент синтеза отрицающего с отрицаемым... Обе эти стороны свидетельствуют об органической связи данного закона диалектики с уже рассмотренными

²⁹⁶ Поясним: «*Определенное* мышление есть мышление точное, свободное от всякой сбивчивости. *Последовательное* мышление есть мышление, свободное от внутренних противоречий, разрушающих связь между мыслями там, где эта связь необходима. *Доказательное* мышление есть мышление, не просто формулирующее истину, но вместе и указывающее основания, по которым она необходимо должна быть признана истиной». См.: Асмус В.Ф. Указ. соч. С. 5.

законами»²⁹⁷. Процитированный автор также указывает, что там, где есть развитие, есть и взаимодействие всех трех законов диалектической логики.

Таким образом, показывая взаимодействие одного закона перехода количественных изменений в качественные с законом достаточного основания, мы связываем с ним и другими законами формальной логики все законы логики диалектической.

Сказанное уточняется через понятие «достаточность»²⁹⁸. Каждый раз при ее образовании действуют вместе закон достаточного основания и закон перехода количественных изменений в качественные. Первый, выражая закон условия и следствия, демонстрирует, как появляются логически правильные мысли, т.е. развитие мысли. Второй же, являясь всеобщим, объясняет, как происходит всякое развитие, в том числе и мысли²⁹⁹. Следовательно, они объединяются через единый принцип развития. Роль здесь закона достаточного основания в демонстрации условия появления логически правильных мыслей (достаточное основание). Роль же закона перехода количественных изменений в качественные в конкретном указании на то, что это за условие (количественные изменения) и что это за мысль-следствие (новое качество), а также в описании механизма появления нового качества. Говоря иначе, второй закон «наполняет» первый.

Уточняя механизм их взаимодействия, важно, что закон достаточного основания – это закон-норма, то есть не то, как оно есть, а то, как оно должно быть. Такой вывод следует по аналогии из суждения Я.А. Бермана: «...закон

²⁹⁷ Розенталь М.М. Указ. соч. URL: http://www.kpu.org.ua/fragm_3.htm.

²⁹⁸ Станным образом забывает о достаточности В.Н. Баландин, выделяя среди принципов юрисдикционного процесса (юрисдикционные производства) «...доступность, относимость и допустимость используемых доказательств». См.: Баландин В.Н. Принципы юридического процесса: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Самара. 1998. С. 108.

²⁹⁹ В 1930 г. С.И. Поварнин писал: «Диалектика охватывает наиболее общие законы всякого движения – законы движения действительности и законы движения мысли. Поскольку диалектика имеет в виду мысль, она изучает наиболее общие законы как общего развития мысли, так и движения мысли в элементах мысли – понятии, суждении, умозаключении... Диалектика – наука о познающем мышлении, наука об основном методе познания. Формальная логика подходит к мышлению совсем с другой стороны. Она изучает только специальные законы мысли, свойственные одному мышлению по его содержанию и в его работе». См.: Поварнин С.И. Сочинения / Сост., вступит. статья, примеч. В. И. Кобзарь, Т. Е. Сохор, Л. Г. Тоноян (отв. ред.). – СПб.: Институт иностранных языков, 2015. С. 739.

тождества не есть какой-нибудь эмпирический закон действительности, а норма, постулат, т.е. то требование, которому должно удовлетворять мышление, раз оно желает достичь своей цели...»³⁰⁰. Закон же перехода количественных изменений в качественные – закон действительности, объясняющий процессы, происходящие в ней, т.е., напротив, как оно есть, а не как должно быть. Выходит, что реализация закона достаточного основания в практике мышления как нормы создаёт через образование достаточности условия для качественного скачка и действия закона перехода количественных изменений в качественные. Подобное понимание соответствует тому, что реализация закона «...зависит от наличия соответствующих условий. Создание последних обеспечивает переход следствий, вытекающих из З. (закона, добавлено нами – К.С.), из сферы возможного в сферу действительного»³⁰¹.

Сказанное поясняется на конкретном примере. Рассуждаем: «Н. в момент совершения преступления был на месте преступления либо он имеет алиби (основание 1). Н. имеет алиби (основание 2). Следовательно (логическая связь), Н. в момент совершения преступления не был на месте преступления (заключение)». Для получения вывода (качество) – «Н. в момент совершения преступления не был на месте преступления», необходимо достаточное количество других мыслей, позволяющих подобное умозаключить, т.е. должно иметься достаточное основание (условие). Это основание две посылки: 1) «Н. в момент совершения преступления был на месте преступления либо он имеет алиби»; 2) «Н. имеет алиби». Реализовав закон-норму достаточного основания и получив требуемое количество мыслей (количественных изменений), мы выполнили условия для действия закона перехода количественных изменений в качественные: «достигли» меры, позволившей совершить скачок и получить вывод «Н. в момент совершения преступления не был на месте преступления».

³⁰⁰ Берман Я. А. Указ. соч. С. 150.

³⁰¹ Философский словарь. Указ. соч. С. 142

Хорошо на примере труда ученого описывает этот процесс А. Дородницын: «Ученого интересует какая-то проблема, он много над ней думает, постоянно накапливает информацию... Этот процесс накопления информации тянется долго – многие месяцы, может быть, годы. Но вот, наконец, накапливаемая информация достигает необходимой полноты, тогда становится ясным путь решения проблемы. Естественно, ученого охватывает при этом чувство радости, переходящее, может быть, даже в экстаз... Мы говорим о таком состоянии ученого – «пришло вдохновение». Если же расшифровать его без иллюзий, то оказывается, что произошел переход количества в качество: накопленная информация достигла полноты, необходимой для решения проблемы»³⁰².

Таким образом, достаточность, если определять ее генетически и функционально, через закон достаточного основания фиксирует момент появления достаточного основания (условие), из которого следует новая мысль (следствие), а при помощи же закона перехода количественных изменений в качественные уточняет, что основание достаточно тогда: 1) когда количественных изменений³⁰³ (информации) имеется столько, сколько необходимо для их перехода в качественные, т.е. получения из нее вывода³⁰⁴; 2) когда уже количественных изменений (выводов) имеется столько, сколько необходимо для получения на их основе знания о событии прошлого (последнее качественное изменение). Достаточность в единстве двух законов является мерой, тем самым связывая их³⁰⁵.

³⁰² Кибернетика ожидаемая и кибернетика неожиданная / отв. ред.: А.И. Берг, Э. Кольман. М.: Наука», 1968. С. 297.

³⁰³ Разрывает количество доказательств и их качество, видимо, в силу устройства шотландского уголовного процесса, Лорд Кэрловей: «Достаточность доказательства – это количество доказательства, требуемого для осуждения. Это вопрос права. Он не связан с тем, является ли доказательство правдивым или достоверным. Для осуждения достаточно доказательство может быть, однако судья или присяжные могут выбрать оправдать обвиняемого из-за качества этого доказательства». Lord Carloway. Consultation Document. 2011. p. 61 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gov.scot/Resource/Doc/925/0116090.pdf>

³⁰⁴ Подчеркнем, что поскольку сущность уголовно-процессуального познания – единство мыслительной и практической деятельности, то только непрерывная реализация того и другого формирует достаточность.

³⁰⁵ Выявленные признаки достаточности стали результатом разделительного подхода к этому понятию. Но возможен и иной методологический ход: рассмотреть понятие «достаточность» собирательно (целое-часть), т.е. через мысленное расчленение целостности «достаточность» на элементы и их последующий анализ. В этом случае исследовательский фокус будет на частях достаточности, а не на ее признаках.

В целом, из понятия достаточности и рассмотрения ее как результата взаимодействия законов двух логик³⁰⁶ выводится требование соблюдения должностными лицами при принятии познавательных решений принципов диалектической и правил формальной логики³⁰⁷, разработанных на основе этих законов. Так, из 100% опрошенных 81% респондентов ответили утвердительно на вопрос о необходимости, при принятии уголовно-процессуальных решений, соблюдения законов логики, а 55,2% указали на наличие у лица, принимающего решение, высокого уровня логического мышления как на одну из причин принятия обоснованных решений.

Говоря про принципы диалектической, мы имеем в виду, прежде всего, объективность, полноту и всесторонность исследования³⁰⁸. Так, на вопрос о том, какие решения требуют для своего принятия объективного, полного и всестороннего исследования обстоятельств уголовного дела 100% респондентов дали следующие ответы: а) об отказе в возбуждении уголовного дела – 72%; б) о прекращении уголовного дела / уголовного преследования – 79,7% / 69,2%; в) о привлечении лица в качестве обвиняемого – 78,3%; г) о составлении обвинительного заключения / акта – 72% / 71,3%; д) постановление приговора – 84,6%.

³⁰⁶ Возможность связи через достаточность законов двух логик есть только «отголосок» более глубокой связи, имеющейся между содержанием и формой мысли. Отсюда логично следствие, что, если содержание мысли и ее форма едины, взаимодействуют между собой и то, что отвечает за их организацию. В этом смысле диалектическая логика отвечает за организацию содержания мысли, формальная – за ее форму. Видно, что в этом рассуждении мысль поставлена во главу угла и это неслучайно, поскольку она, по нашему мнению, есть то простейшее, наряду с товаром в «Капитале» К. Маркса или нормой в системе права, позволяющее, при реализации метода восхождения от конкретного к абстрактному, получить новые абстракции и понять достаточность.

³⁰⁷ Проведя специальное исследование, Э.В. Казгериева констатирует: «Логические ошибки судебного правоприменения соответствуют логическим формам мысли: ошибки в понятиях, ошибки в суждениях, ошибки в умозаключениях (в дедукции, индукции, аналогии), ошибки в доказательствах. Логические ошибки в судебном правоприменении будут являться следствием нарушения либо несоблюдения правил и законов формальной логики». См.: Казгериева Э. В. Логические ошибки в судебном правоприменении: дисс... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 158-159.

³⁰⁸ Несмотря на свою приверженность состязательному уголовному процессу, И.Л. Петрухин замечает: «При объективно, всесторонне и полно проведенном судебном следствии создаются предпосылки для вынесения оправдательного приговора, и, наоборот, при тенденциозном судебном следствии, проведенном «в обвинительном ключе», выносятся незаконный и необоснованный обвинительный приговор». См.: Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию: монография, - М.: Проспект, 2009. С. 82.

При этом нами объективность, полнота и всесторонность расценивается как метод доказывания (деятельности), который так позволяет работать с объектами познания, чтобы по завершении доказывания получить знание³⁰⁹.

Когда мы говорим про формальную логику³¹⁰, речь идет о соблюдении закона достаточного основания. Следование ему при принятии процессуальных решений образует их мотивированность, требование наличия которой предъявляется Европейской конвенцией в контексте права на справедливое судебное разбирательство. Так, Т.В. Трубникова указывает: «...существенными условиями справедливости судебного разбирательства и, соответственно, реализации в уголовном процессе конституционного права каждого на судебную защиту являются: ...мотивированный характер как решения о приобщении (неприобщении) к делу соответствующего доказательства, так и итогового решения, в котором эти доказательства оцениваются»³¹¹.

Следовательно, если реализуется указанный принцип и правила и, как следствие, законы двух логик, достаточность образуется. Там же, где этой реализации нет, достаточность не достигается. Такая общая тенденция была обнаружена в ходе эмпирического исследования, в рамках которого мы

³⁰⁹ О понимании объективности, всесторонности и полноты именно как метода российского уголовного процесса. См.: Барабаш А.С., Брестер А.А. Метод российского уголовного процесса... 218 с.

³¹⁰ Возникает закономерный вопрос: почему недостаточно владеть только логикой интуитивной? А.А. Ивин так отвечает: «...логика, усвоенная стихийно, даже в обычных ситуациях может оказаться ненадежной... Интуитивная логика почти всегда недостаточна для критики неправильного рассуждения. К тому же сама она, как правило, беззащитна перед лицом критики». См.: Ивин А.А. Логика. Учебное пособие. Издание 2-е. — М.: Знание, 1998. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.e-reading.club/chapter.php/92032/5/Ivin_-_Logika._Uchebnoe_posobie._Izdanie_2-e.html. Соглашаясь с цитатами, можно добавить, что знание законов логики позволяет эффективнее и быстрее обнаруживать логические ошибки в собственном и чужом рассуждениях, понимать их причины и устранять. Так, Н.Г. Стойко, ссылаясь на Л.М. Васильева, пояснил: «эффективность познавательной деятельности следователя и суда объективно детерминирована сознательным использованием законов диалектической и формальной логики в данной специфической сфере общественной практики». См.: Стойко Н. Г. Указ. соч. С. 7. Оставляя эту ремарку, под интуитивной логикой мы понимали представления о правильности рассуждений, сложившиеся стихийно в процессе повседневной практики мышления. См.: Ивин А. А., Никифоров А. Л. Словарь по логике - М.: Туманит, изд. центр ВЛАДОС, 1997. - 384 с. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000973/st000.shtml>.

³¹¹ Трубникова Т.В. Правила доказывания и принятия решений в уголовном процессе в механизме гарантирования каждому права на судебную защиту // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 354. С. 147. О праве на мотивированное судебное решение см.: Рабцевич О.И. Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2003. С. 59; Право на справедливый суд в рамках Европейской конвенции о защите прав человека (статья 6): Руководство для юристов. Interights, 2008. С. 57-59.

проанализировали 135 начальных решений (постановления о возбуждении уголовного дела), 148 промежуточных (постановления о привлечении в качестве обвиняемого / уведомления о подозрении) и 243³¹² окончательных (постановления об отказе в возбуждении дела, о прекращении уголовного дела / преследования, обвинительные заключения / акты, приговоры). Всего материалы 148 уголовных дел (по Красноярскому, Ставропольскому краю, республике Бурятия, Томской области), рассмотренных в 2012, 2016-2017 г.

Рассмотрим ниже одни из самых ярких примеров, обнаруженных в ходе исследования практического материала.

По второму эпизоду уголовного дела по обвинению С. в совершении преступлений, предусмотренных п. б ч. 2 ст. 228-1; ч. 3 ст. 30, п. б ч. 2 ст. 228-1; ч. 2 ст. 228 УК РФ³¹³ были установлены следующие обстоятельства.

«...31 марта 2011 года примерно в 22 ч. 40 мин. П. по средствам сотовой связи обратился к ранее знакомой С. с просьбой продать ему наркотическое средство. С., реализуя свои преступные намерения, направленные на незаконный сбыт наркотических средств лицам, страдающим наркотической зависимостью, а именно П., оговорила с ним место и время встречи. 01.04.2011 в 00:04 С., незаконно храня при себе заранее приобретенное для последующего сбыта наркотическое средство, пришла к месту встречи с П., а именно к дому № 3 по ул. Н. г. К., куда пришел П. 01.04.2011 примерно в 00:10 С., находясь возле указанного выше дома, реализуя свой преступный умысел, направленный на незаконный сбыт наркотических средств, получив от П. деньги в сумме 1000 рублей, передала ему, тем самым незаконно сбыла, сверток с веществом, которое согласно заключению судебной химической экспертизы №___ от 13.04.2011 является наркотическим средством - смесью, содержащей диацетилморфин (героин), б-моноацетилморфин и ацетилкодеин, весом 1,191 г...».

³¹² В эту цифру мы не включили 68 приговоров, постановленных в особом порядке, поскольку, как было показано во второй главе, они не являются познавательными решениями.

³¹³ Досье Красноярского краевого Адв. бюр. «Мальтов и партнеры». 2012 г.

При установлении указанных обстоятельств были нарушены требования двух логик, что привело к возникновению сомнений в виновности С., а, следовательно, и в образовании достаточности.

Так, доказательственную базу уголовного дела составили лишь два информационных доказательства: показания не признавшей свою вину С. и показания П. Поскольку же содержание этих доказательств было противоположно друг другу, они не могли быть использованы в оценочной деятельности. Следователь оказался в ситуации нехватки информации и должен был прибегнуть к практической деятельности (собираению и проверке) для разрешения возникшего противоречия и получения достаточного количества информации, позволившего соблюсти требования двух логик и достичь достаточности. Однако вывод об обстоятельствах дела был сделан только на основе показаний П., при этом, по каким причинам их приняли за достоверные, а показания С. отвергли, не указывалось.

Отсутствие достаточности наблюдаем и при анализе содержания обвинительного заключения по уголовному делу по обвинению С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 216 УК РФ³¹⁴.

В материалах дела говорится: «...зная о наличии не предусмотренного конструкцией механизированной опалубки «СІFA» деревянного щита, перекрывающего проем между площадкой транспортера и конструкцией правового крыла опалубки «СІFA» (обвиняемый С. – добавлено нами. – К.С), не принял мер к устранению данного нарушения, проявив при этом преступную небрежность, то есть, не предвидя возможности наступления последствий своего деяния в виде причинения тяжкого вреда здоровью человека, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть эти последствия, допустил проходчиков к работе и начал производственный процесс...».

³¹⁴ Контроль произ. След. отдела по Шушенскому району ГСУ СК России по Красноярскому краю. 2012 г.

Устанавливая эти обстоятельства, следователь не доказал наличие причинно-следственной связи между бездействием С. и наступившими последствиями, на том основании, что свидетель Ф. – начальник горно-капитальных работ, пояснил: «лицом, ответственным за соблюдение правил безопасности на данной смене, являлся горный мастер Х...». Однако на эту информацию не обратили внимания, в то время как она способна породить сомнения в виновности С., а, следовательно, должна быть проанализирована.

Отсутствует достаточность и в материалах уголовного дела № 1-172/2014 по обвинению К. А. Б. в совершении преступлений, предусмотренных п. а. ч. 3 ст. 286; ч. 2 ст. 292; ч. 2 ст. 292 УК РФ и П. А. В. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 292; ч.2 ст. 292 УК РФ³¹⁵. П. А. В. составил в отношении Там. протокол об административном правонарушении №___ от 14.07.2012 по ч. 2 ст. 8.37 КоАП РФ, согласно которому он «...14.07.2012 в 11-00 на ... по лоции ... производил лов рыбы ставной сетью, ячейёй 60 мм, на рыбопромысловом участке для любительского и спортивного рыболовства без разрешения (путевки). Лов прекратил. Рыба отсутствовала, при этом по требованию старшего госинспектора (П. А. В.) Там. (потерпевший – добавлено мной К.С.) расписался в предоставленном бланке протокола и внес сведения, не соответствующие действительности, о незаконной добыче водных биологических ресурсов с использованием сетей».

Здесь позиция обвинения строилась исключительно на показаниях потерпевшего и свидетелей, которые были не только родственниками потерпевшего (члены семьи Там., свидетель И., проживающий в гражданском браке с сестрой Там., сама сестра Там., И. М. В.), но которые, к тому же, не наблюдали событие преступления, а обладали информацией о нем только со слов самого потерпевшего. Так, свидетель И. пояснил: «Когда я подъехал к берегу, Там. и Ф., как говорится, были в «горячке», успокоившись они рассказали мне, что

³¹⁵Досье Адв. каб. адвоката П. Д. Киреева. 2015 г.

подъезжая к с. _____, их лодку остановили два инспектора...». А сестра Там. показала: «Находясь на берегу реки, Там. говорил, что его остановили сотрудники рыбинспекции...». Что интересно, следствие в части заинтересованности использовало двойной аргумент. На стр. 55 обвинительного заключения указано, что следствие критически относится к показаниям Г., ввиду служебной зависимости от П. А. В. Но следователь почему-то не учел, что аргумент о наличии заинтересованности применим и к потерпевшему Там. и свидетелям обвинения, поскольку они, как выше указывалось, были родственниками Там.

Кроме того, показания свидетелей и потерпевшего содержали противоречия. Там. поясняет: «В июле 2012 года я считал, что работники «рыбоохраны» делают свою работу, а сейчас разобрался в произошедшем...», далее, он указывает: «Я был зол на имевший место «произвол» со стороны работников рыбоохраны, нервничал, возможно был эмоционален». Расхождение в том, как Там. мог быть «зол на имевший место «произвол», если он полагал, что «работники «рыбоохраны» делают свою работу».

Сомнительны также утверждения потерпевшего о спешке на самолет и вследствие этого подписании протокола. В ходе досудебного производства Там. пояснил, что его мотивом подписания «чистого» протокола об административном правонарушении была «боязнь опоздать на самолет, вылетающий в г. _____ 14.07.2012». В протоколе допроса Там. от 10.04.2013 г. указано, что на вопрос следователя (л.д. 66): «Согласно сведениям авиакомпании и авиапредприятия 14.07.2012 (суббота) рейсы авиакомпаний из с. _____ в г. _____ не выполнялись, как Вы можете объяснить свою «спешку»? – Там. ответил: «Мы проживаем в с. _____, где в тот период времени отсутствовала как сотовая, так и обычная телефонная связь. Ежегодно мы ездим в отпуск и знаем, что по субботам из с. _____ летает самолет, видимо поменялось расписание...». Аналогичные показания содержатся в протоколе дополнительного допроса Там. от 04.06.2013 г. (л.д.71).

Таким образом, по настоящему уголовному делу должен быть установлен факт наличия / отсутствия у Там. достаточных оснований для уверенности в том, что он действительно опаздывает на самолет в г. _____, улетающий 14.07.2012 г. и того, что именно эта уверенность заставила его подписать административный протокол со сведениями, не соответствующими действительности.

В ходе же судебного заседания в Енисейском районном суде 03.12.2014 г. Там. утверждал, что в отпуск ежегодно он не летал. Следовательно, информации на основе которой потерпевший мог предположить о наличии рейса 14.07.2012 г. из с. _____ в г. _____ у него не было, выходит, его показания о мотиве подписания «чистого» протокола в виде боязни опоздать на самолет, летящий в г. _____ 14.07.2012 г., не соответствуют действительности. Продолжая, исходя из ответа ОАО _____ № 498 от 30.12.2014 г. с Т. Л. В. (жена Там., проживает с ним) заключен договор № _____ на оказание услуг местной телефонной связи. Абонентом за период с «01» июля 2012 года по «14» июля 2012 года совершено 105 телефонных звонков по различным направлениям общей продолжительностью 3 часа 40 минут.

Таким образом, услуги телефонной связи Т. Л. В. и Там. предоставлялись в полном объеме и не приостанавливались. Последнее, в свою очередь, противоречит показаниям Там., данным в ходе предварительного расследования, об отсутствии в с. _____ обычной телефонной связи. Выходит, Там. мог проверить, поскольку обычная телефонная связь у него была, наличие / отсутствие рейса 14.07.2012 г. из с. _____ в г. _____, т.е. в этой части показания потерпевшего также не соответствуют действительности.

Иных же доказательств совершения объективной стороны, помимо показаний потерпевшего и его родственников-свидетелей, не наблюдавших событие преступления, в деле, по эпизоду с Там., нет. Кроме того, потерпевший и свидетели в ходе судебного следствия отказались от показаний, данных ранее, мотивируя это тем, что протоколы допросов не читали и просто поверили

следователю. Последний же, вызванный в суд, пояснил: «Я согласен с тем, что я не писал дословные показания, но люди мне пояснили обстоятельства, я записывал другими словами с применением, в том числе юридической терминологии, но, при этом, суть показаний я не менял» (стр. 23 протокола судебного заседания от 24.03 по 06.05.2015 г.).

Таким образом, принятие познавательного решения о составлении обвинительного заключения в отношении П. А. В. по эпизоду с участием Там. лишь на основании показаний потерпевшего и свидетелей, страдающих освещенными недостатками, было недопустимым, не основывающимся на соблюдении законов двух логик и образовании достаточности.

Показав зависимость отсутствия достаточности от нереализации субъектом доказывания требований двух логик, обратимся к обвинительному заключению по уголовному делу по обвинению А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 112 УК РФ³¹⁶, для демонстрации, что там, где образуется достаточность, отсутствуют сомнения³¹⁷, и требования двух логик соблюдаются.

В ходе предварительного следствия установили: «07.09.2010 г., примерно в 17 часов 15 минут Г. приехал на автомобиле на территорию базы, расположенной по ул. Т. в Свердловском районе г. Красноярск, с целью разговора с ранее знакомым А. о возврате последним долга Г. В ходе разговора между А. и Г. возникла словесная ссора, в ходе которой у А. возник умысел на причинение Г.

³¹⁶Досье Красноярского краевого Адв. бюр. «Мальтов и партнеры». 2012 г.

³¹⁷Предполагаем, что отсутствие сомнений как критерий достаточности можно конкретизировать в отношении отдельных видов преступлений. Это наблюдается с достаточностью данных, требуемых для возбуждения уголовного дела по факту безвестного исчезновения гражданина. Согласно пп.10.1 – 10.20 п. 10 Приказа МВД России № 38, Генпрокуратуры России № 14, СК России № 5 от 16.01.2015 «Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц» (Зарегистрировано в Минюсте России 20.03.2015 № 36499): «10. О признаках совершения преступления в отношении без вести пропавшего лица могут свидетельствовать в том числе следующие обстоятельства: 10.1. Отсутствие объективных данных, указывающих на намерение без вести пропавшего лица беспричинно и на длительное время убыть в неизвестном направлении или сменить место проживания или пребывания. 10.2. Отсутствие у без вести пропавшего лица заболевания, которое может обусловить его скоропостижную смерть, потерю памяти, ориентирования во времени и пространстве. 10.3. Наличие по месту проживания, пребывания или нахождения без вести пропавшего лица личных документов, вещей (одежды) и денежных средств, без которых он не может обойтись в случае длительного отсутствия...».

вреда здоровью. Осуществляя задуманное, А. умышленно нанес Г. множественные удары руками по телу, по голове, в область челюсти справа, а также деревянным предметом по шее, спине и голове потерпевшего...». Здесь можно говорить об образовании достаточности, соблюдении требований двух логик и отсутствии сомнений, поскольку доказательствами вины А. выступили непротиворечивые и согласующиеся между собой показания 4 свидетелей, потерпевшего, заключение эксперта. Эти доказательства составили достаточное количество информации, позволившее получить новое качество: установленные обстоятельства ст. 73 УПК РФ. В отличие, например, от проанализированного выше обвинительного заключения по уголовному делу по обвинению С. в совершении преступлений, предусмотренных п. б ч. 2 ст. 228-1; ч. 3 ст. 30, п. б ч. 2 ст. 228-1; ч. 2 ст. 228 УК РФ, по второму эпизоду которого единственным доказательством выступили показания П., противоречащие показаниям обвиняемой С.

Проведенное исследование практического материала подтвердило связь между соблюдением требований формальной и диалектической логики при принятии познавательного решения и образованием достаточности.

Полагаем, изложенное в настоящем параграфе служит основанием для следующей критики.

Н.В. Профатилова, определяя понятие достаточной совокупности доказательств, считает: «Достаточной является такая совокупность доказательств, где каждое из них отвечает требованиям относимости, допустимости и достоверности, и в целом они составляют необходимую основу для принятия законных, обоснованных и мотивированных процессуальных решений. Достаточная совокупность доказательств с высокой долей вероятности позволяет принять единственно возможное для определенного этапа процесса расследования, промежуточное процессуальное решение, а также на основании установления всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания законные, обоснованные и мотивированные итоговые процессуальные решения,

определяющие судьбу расследования»³¹⁸. Это определение вызывает вопросы, поскольку:

1) нарушено правило определения понятий, при котором определяемое не определяется через само себя, в противном случае образуется круг в определении. Автор же раскрывает понятие достаточной совокупности доказательств через указание на то, что: «достаточной является такая совокупность доказательств, которая отвечает требованиям...». При этом, не поясняется родовой признак определения «совокупность доказательств», содержащийся в названии самого понятия³¹⁹;

2) в критикуемой дефиниции просто подчеркивается, что в достаточной совокупности все доказательства в целом составляют необходимую основу для принятия законных, обоснованных и мотивированных процессуальных решений. Однако исследователем не показаны механизмы образования этой необходимой основы, не указан критерий, позволяющий признать ее таковой. У нас же этот критерий – отсутствие сомнений, достигаемое через соблюдение субъектом доказывания при принятии познавательного решения закона достаточного основания и реализацию на этой основе закона перехода количественных изменений в качественные.

Проблемой размытости критерия достаточности страдает и определение Р.В. Костенко, выдвигающего на эту роль понятие «безусловность». В положении, выносимом на защиту, он пишет: «1. Раскрыта сущность и дано определение понятия достаточности доказательств в уголовном судопроизводстве как системы допустимых, относимых и достоверных доказательств, полученных в результате

³¹⁸Профатилова Н.В. Оценка следователем достаточности доказательств при принятии основных процессуальных решений по уголовным делам: автореф. дис.... канд. юрид. наук [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1310235>

³¹⁹ «Через круг» определяет достаточность и А.В. Кудрявцева: «Достаточность можно определить как свойство доказательств, характеризующих необходимость и достаточность совокупности доказательств для принятия процессуальных, в том числе и итоговых решений». См.: Кудрявцева А.В. Теория доказывания в юридическом процессе: учебное пособие. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2006. С. 41 [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.urist134.narod.ru/1/teoriya.doc

их всестороннего, полного и объективного исследования и **безусловно (выделено мной – К.С.)** указывающих на истинное установление обстоятельств предмета доказывания»³²⁰.

Завершив нашу критику и анализ интеллектуального компонента процесса принятия познавательного решения в формально и диалектико-логическом срезе, укажем, в целях объективности, на факторы, могущие исказить выявленную интеллектуальную основу.

Л.Л. Чекалов отмечает: «Субъект (человек) имеет психофизиологические различия левого и правого полушарий мозга, что позволяет ему по-разному воспринимать действительность и накладывает особый отпечаток на обработку информации и принятие решений.... У субъекта возможно смещение доминанты в обработке информации между левым и правым полушарием, и это приводит к различным вариантам ПР (принятия решений – добавлено мной К.С.)»³²¹.

В более предметном труде А.Ф. Кони пишет: «В самом судье и во внешних обстоятельствах могут лежать причины к тому, чтобы судья не умел и не мог применить к делу всю полноту внутреннего своего убеждения или дать ему правильный исход. Человеку свойственны увлечения, создающие односторонний взгляд на вещи, в его деятельности возможны ошибки, недосмотры и неверное понимание предметов сложных или необычных. Наконец, судья может страдать недостатком, столь часто встречающимся у нас и названным Кавелиным «ленью ума»....»³²².

Анкетирование выявило и другие ограничивающие факторы, мешающие принятию обоснованных познавательных решений: а) несовершенство законодательства (пробелы, коллизии) – 36,3% ; б) загруженность гос. органов –

³²⁰Костенко Р. В. Достаточность доказательств в российском уголовном процессе: автореф. дис.... канд. юрид. наук [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=82289>.

³²¹ Чекалов Л.Л. Способы принятия решений в биологических системах, их эволюция и проблема описания. Вестник ТГУ. 2012. Философия. Социология. Политология №4 (20), вып.1. С. 130.

³²² Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/BIO/KONI/AFKONI_E.HTM

35,6%; в) неумение лица, принимающего решение, работать с информацией, ее анализировать, организовывать, систематизировать – 33,5%; г) нехватка времени для принятия обоснованного решения – 30%; д) ведомственный контроль – 23%; е) незнание лицом, принимающим решение, действующего законодательства, нарушение его – 18,1%; ж) неумение лица, принимающего решение, эффективно организовать свое рабочее время – 18,1%; з) активность стороны защиты – 5,5%; и) иные причины – «неполнота проверок в порядке ст. 144-145 УПК РФ», «приказ сверху», «недостаточность экспертной базы, длительность экспертиз, сложность в оперативном получении доступа к экспертной информации (специальным знаниям технического характера)», «неподготовленность и проф. несостоятельность лица, принимающего решение», «отсутствие необходимых показаний».

На контрасте с этим, факторами, способствующими принятию обоснованных решений, явились: а) добросовестное отношение лица, принимающего решение, к своим обязанностям, желание работать – 62,2%; б) умение работать с информацией – 55,2%; в) наличие достаточного времени для принятия решения – 41,9%; г) большой опыт работы лица, принимающего решение, по занимаемой должности – 41,2%; д) отсутствие противоречий в УПК РФ, его цельность – 33,5%; е) низкий уровень нагрузки на лицо, принимающее решение (например, в отдельных деревнях и сельской местности) – 11,1%; ж) слабый контроль со стороны вышестоящего должностного лица – 4,1%; з) пассивность стороны защиты – 1,3%; и) иные причины – «действия в соответствии с законодательством и его правильное применение», «хорошее знание норм материального и процессуального права», «проведение необходимых экспертиз, получение пояснений специалистов по вопросам, требующим разъяснений».

Сказанное обозначило факторы, как внутренние, так и внешние по отношению к человеку, могущие влиять на интеллектуальный процесс принятия решения³²³, однако, как уже говорилось, они не определяющие³²⁴.

Закончив этот параграф, мы далее ответим на последний вопрос исследования: одинаковая ли требуется достаточность для принятия познавательных уголовно-процессуальных решений (начальных, промежуточных и окончательных), исходя из фиксации в них результатов познания события прошлого, характеризующихся вероятностью, практической достоверностью и знанием.

§3.3. Уголовно-процессуальная и формально-логическая достаточности в российском уголовном процессе

Приступая к анализу видов достаточности, необходимо обозначить опорные для нас тезисы.

К сожалению, разум не способен моментально достигать знания о сути того или иного явления, за исключением, конечно, суждений непосредственного восприятия, выражающих тот или иной чувственно воспринимаемый факт, например: «Я голоден», «Я чувствую радость», «У меня кружится голова» и т.п. Во всех остальных случаях познание – это движение от вероятности к знанию. Подобное характерно и для уголовно-процессуального доказывания как познания события прошлого в границах, очерченных уголовно-процессуальным и уголовным законом. Именно неспособность, минуя переход от вероятности к

³²³ Теория принятия решений разрабатывает также проблему ограничивающих факторов. В уголовном процессе ими могут быть: законодательные сроки принятия решения, загруженность государственных органов, для адвокатов – интерес доверителя и т.п.

³²⁴ Говоря о наличии факторов, формирующих внутреннее убеждение судьи (нравственно-этические ценностные ориентации; уровень квалификации работы по юридической специальности; психологические характеристики, способность противостоять внешнему воздействию и отстаивать собственную точку зрения), Ю.Ю. Чурилов подчеркивает: «Однако это не означает, что закон позволяет определять достаточность доказательств произвольно, по усмотрению судьи». См.: Чурилов Ю.Ю. Оправдательный приговор в российском судопроизводстве: дисс... канд. юрид. наук. Воронеж, 2009. С.213.

знанию, понять сущность явления заставляет выдвигать гипотезы, получать через органы чувств информацию и обрабатывать ее мышлением³²⁵. Здесь усматривается следующая связь. Невозможность познания вне перехода от вероятности к знанию объясняет: почему мы задействуем в единстве и органы чувств, и мышление. Если можно было, посмотрев на человека, достоверно определить преступник он или нет, то не было бы необходимости реализовывать при познании, в том числе и доказывании, единство чувственного и рационального, мыслительной и практической деятельности.

Таким образом, основание заключительного параграфа во взгляде на уголовно-процессуальное познание в первую очередь как на движение от вероятности к знанию.

Далее, опираясь на доказанное в предыдущих главах главенство интеллектуальной стороны в процессе принятия познавательных решений и, соответственно, законов формальной и диалектической логики, мы заключаем, что движение доказывания от вероятности к знанию обусловлено соблюдением его субъектами законов двух логик и, потому, достижением достаточности. Конкретизируем это положение через понятийный ряд: «вероятность»; «практическая достоверность» - «уголовно-процессуальная достаточность»; «знание» - «формально-логическая достаточность».

В связи с этим нам важны суждения немецкого логика Х. Зигварта, доказывавшего отношение парности вероятности и достоверности к возможности и необходимости. Последние зависимы друг от друга так, что: «отрицание возможности приводит к необходимости, отрицание необходимости – к возможности....»

³²⁵ Б.А. Тетенькин замечает: «Переход от вероятностного знания о фрагменте предмета доказывания к истинному в психологическом плане выглядит как операция выбора из нескольких практически проверяемых версий - одной, подтвержденной практикой следственных или судебных действий». См.: Тетенькин Б.А. Проверка доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания: автореф. дисс.... канд. юрид. наук. М., 1983. С. 18 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1290991>

«Необходимо, что прямоугольный четырехугольник имеет равные диагонали» уничтожает возможность неравных диагоналей. Возможность, что углекислота становится твердой, уничтожает необходимость ее газообразного состояния»³²⁶.

Из приложения сказанного к познавательным (начальным, промежуточным и окончательным) уголовно-процессуальным решениям выводим связанность начального и промежуточного решения с еще сохранением возможности противоположного, окончательного же – с ее полным устранением.

Например, в познавательных промежуточных (решение о составлении письменного уведомления о подозрении, привлечении в качестве обвиняемого) фиксируется результат познания, отличающейся практической достоверностью. В познавательных окончательных, в рамках определенных стадий, (решение об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, о составлении обвинительного заключения или обвинительного акта, постановлении приговора³²⁷) результат познания, в отличие от промежуточных, характеризуется знанием³²⁸, возникающим по завершении процесса доказывания, установлении наличия или отсутствия обстоятельств ст. 73

³²⁶ Зигварт Х. Указ. Соч. С. 328. Подобное понимание вероятности и достоверности, если верить О.Н. Шекшуевой, было у И. Канта. Он: «...писал, что достоверность всегда связана с сознанием необходимости, тогда как недостоверность (иначе – вероятность) – с сознанием случайности или возможности противоположного». См.: Шекшуева О.Н. Вероятность и достоверность в уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования: автореф. дисс.... канд. юридических наук. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1218107>.

³²⁷ Об обоснованности приговора см.: Заблоцкий В.Г. Обоснованность приговора в советском уголовном процессе: автореф. дисс.... канд. юридических наук. Иркутск. 1971. – 20 с.; Козина Т.В. Судебное следствие и обоснованность приговора: автореф. дисс.... канд. юридических наук. М.: 1992. – 23 с.

³²⁸ Отличие между вероятностью и двумя видами достоверности влияет также на логическую характеристику суждений должностного лица об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, содержащихся в его начальных, промежуточных и окончательных решениях. В первых двух они носят проблематический характер, а в последних – необходимый. Говоря так, полагаем: «Одним из важнейших свойств суждения является его способность выражать необходимость или всего лишь вероятность утверждаемого суждением отношения между субъектом суждения и его предикатом. Эти различия между суждениями называются различиями по *модальности*... Суждения первого типа, выражающие необходимость утверждения, обусловленную самим предметом, называются достоверными, или аподиктическими. Суждения второго типа, выражающие вероятность высказываемого утверждения и в то же время отсутствие для него непреложной необходимости, т.е. возможность и противоположного утверждения, называются вероятными, или проблематическими». Асмуc В.Ф. Указ. Соч. С. 87-88.

УПК РФ и исчезновении возможности иного вывода. В части оснований принятия познавательных решений показательна позиция ВС РФ: «...обвинительный приговор не может быть основан на предположениях, а все неустранимые сомнения в доказанности обвинения, в том числе отдельных его составляющих (формы вины, степени и характера участия в совершении преступления, смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств и т.д.), толкуются в пользу подсудимого. Признание подсудимым своей вины, если оно не подтверждено совокупностью других собранных по делу доказательств, не может служить основанием для постановления обвинительного приговора» (абз. 2, п. 17 Постановление ВС РФ от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре»). Практическая же достоверность предполагает сохранение возможности противоположного.

В целом, можно говорить о связанности процесса принятия промежуточного решения только лишь с увеличением вероятности одной из двух возможностей, но не превращением ее в необходимость, а потому сомнения сохраняются, при принятии же окончательного – полностью устраняются. Меры информации, связанные с одновременным уменьшением и увеличением вероятностей двух противоречащих возможностей до степеней, позволяющих принять промежуточное или же окончательное решение, схватываются понятиями уголовно-процессуальной и формально-логической достаточности³²⁹. Эти понятия впервые сконструированы в рамках настоящего исследования. Хотя до этого

³²⁹ В своих решениях ЕСПЧ также замечает: «...Пункт 1 статьи 6 Конвенции обязывает суды приводить обоснования своих решений, но его нельзя понимать как требование подробного ответа на каждый довод. Степень, в которой применяет эта обязанность приводить обоснования, может различаться в зависимости от **характера решения** (выделено мной – К.С.) (см. Постановление Европейского Суда по делу "Руиз Тория против Испании" (Ruiz Torija v. Spain) от 9 декабря 1994 г., Series A, N 303-A, §29)» см.: «Татишвили (Tatishvili) против России» (Жалоба № 1509/02). Постановление от 22 февраля 2007 г., пар. 58 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.romanovaa.ru/es2_0/; «Гарсия Руис (garcia ruiz) против Испании». Постановление от 1 июля 2003 г. пар. 26 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/abrolaw/9149/>; «Суоминен (Suominen) против Финляндии» (Жалоба № 37801/97). Постановление от 1 июля 2003 г., пар. 34 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/suominen-protiv-finlyandii-postanovlenie-evropejskogo-suda/>

момента они в доктрине отсутствовали³³⁰, зачатки выделения видов достаточности можно встретить уже на уровне правовых позиций. Так, ВС РФ сформулировал, что: «Обоснованное подозрение предполагает наличие данных о том, что это лицо причастно к совершенному преступлению (застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; на данном лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления и т.п.)» (абз. 1, п.2 Постановления ВС РФ от 19.12.2013 г. № 41 от 24.05.2016 г. «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»).

Поясним дополнительно наши тезисы о достаточности через толкование уголовно-процессуальных норм. Так, решение о возбуждении уголовного дела (начальное) принимается при возникновении достаточности для вывода о наличии данных, указывающих на признаки преступления (ч.2 ст. 140 УПК РФ), в то время как для принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела (окончательное) требуется уже формально-логическая достаточность,

³³⁰ Нечто сродни разделению достаточности в российском уголовном процессе есть и в немецком с его тремя степенями подозрения: начальная степень подозрения (Anfangsverdacht) – наличие достаточных фактических данных для подозрения лица в совершении конкретного преступления. Для этого уровня достаточно наличие данных, позволяющих пока еще только предположить, что лицо совершило преступление. Только при наличии этого уровня органы уголовного преследования вправе запустить стадию предварительного следствия, и лицо, в отношении которого оно началось, получает правовой статус подозреваемого; достаточная степень подозрения (Hinreichender Tatverdacht, §203 StPO) – наличие достаточных фактических данных для обвинения лица в совершении преступления, когда вероятность виновности лица в совершении деяния высока. Эта степень вероятности виновности формируется по ходу сбора доказательственного материала на стадии предварительного расследования. Для этого уровня подозрения необходимо, чтобы на основе собранного материала могло быть сформировано прочное убеждение в высокой вероятности виновности лица. Эта степень подозрения является необходимой для открытия следующей стадии уголовного процесса - привлечения в качестве обвиняемого. С этого момента подозреваемый получает соответствующий новый правовой статус, а уголовное дело передается в суд для подготовки и начала судебного разбирательства; высокая степень подозрения (Dringender Tatverdacht, §112 StPO) – наличие достаточных фактических данных для взятия лица под стражу, когда вероятность виновности лица в совершении преступления крайне высока и практически не оставляет разумных сомнений. Наличие этого уровня подозрения является обязательным условием для решения вопроса о назначении такой меры пресечения как заключение под стражу. Важно отметить, что это самая высокая степень подозрения, и немецкий законодатель требует именно такой вероятности виновности лица для заключения его под стражу, что является даже выше той степени подозрения, которая необходима для предъявления ему обвинения и передачи дела в суд. См.: Deiters M. Legalitätsprinzip und Normgeltung. Mohr Siebeck, 2006. S. 179.; Lehrmaterialien zur Kriminalistik [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gletschertraum.de/Kriminalistik1/DieVerdachtsstufen.html>; Informationen zum Strafprozeßrecht [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://54457544.swh.strato-hosting.eu/wordpress/wp-content/uploads/2015/02/Strafprozessrecht.pdf>

позволяющая утверждать о наличии оснований, предусмотренных п.1,2 ч.1 ст. 24 УПК РФ. Таким образом, решение о возбуждении дела фиксирует только вероятностный результат, а решение об отказе – результат, являющийся знанием.

С последним предложением связывается тенденция, обнаруженная в ходе практического исследования: постановления о возбуждении уголовного дела, отражающие вероятностный результат, содержат менее подробную систему аргументации, чем постановления об отказе, фиксирующие выводы, получение которых требует достижения формально-логической достаточности. Речь идет про случаи, когда постановления об отказе в возбуждении уголовного дела принимаются уже в ходе предварительного расследования и обосновываются, соответственно, конкретными доказательствами, а не материалами проверки сообщения о преступлении (например, при отказе в возбуждении дела в отношении лица, купившего похищенное имущество³³¹ или передававшего имущество по просьбе преступника в правоохранительные органы³³² или лица, находившегося в момент совершения преступления с подозреваемым, но, действия которого не образовали соучастия³³³).

³³¹ Так, 03.02.2016 г. в дневное время по адресу г. Томск, Иркутский тракт, дом № __, подъезд № __ у Е.Н.В. был похищен сотовый телефон. М.А.А попросил его у Е.Н.В. позвонить, после чего не вернул. В тот же день М.А.А. продал телефон Б.В.А., не знавшему о том, что последний похищен. В отношении Б.В.А. было отказано в возбуждении уголовного дела по ст. 175 УК РФ. При этом вынесенное постановление обосновывалось показаниями потерпевшего, подозреваемого и самого Б.В.А. См: Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении Б.В.А. от 20.02.2016 г. // Уголовное дело № 2016/285 по обвинению М.А.А. в совершении преступления, предусмотренного п. б, ч.2 ст. 159 УК РФ. Архив Октябрьского районного суда г. Томска. 2016. На предмет наличия подобных постановлений, например, см: Уголовное дело № 1-406/2016 по обвинению К. М. Л. в совершении преступления, предусмотренного п. в, ч.2 ст. 158 УК РФ. Архив Советского районного суда г. Томска. 2016; Уголовное дело № 1-408/2016 по обвинению Л. И. А. в совершении преступления, предусмотренного п. в, ч.2 ст. 158 УК РФ. Архив Советского районного суда г. Томска. 2016

³³² В период времени с 23:00 27.08.2016 г. до 06:00 28.08.2016 г. П. Е. А. из автомобиля «ВАЗ-21063» г/н ____, припаркованного возле дома __ по ул. Сибирской в г. Томске, похитил имущество, принадлежавшее Н. Н. К. В дальнейшем по просьбе похитителя К. А. А. передал мужскую куртку синего цвета, украденную из этого автомобиля, сотрудникам полиции. В отношении К. А. А. было отказано в возбуждении уголовного дела по ст. 175 УК РФ. В основание подобного решения были положены показания К. А. А. и подозреваемого. См.: Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении К. А. А. от 11.10.2016 г. // Уголовное дело № 1-4010/2016 по обвинению П. Е. А. в совершении преступления, предусмотренного п. в, ч.2 ст. 158 УК РФ. Архив Советского районного суда г. Томска. 2016.

³³³ Так, в период с 18:00 15.02.2016 г. до 00:20 16.02.2016 г. из офисного помещения по адресу г. Томск, ул. Иркутский тракт __, стр.3 были тайно похищены денежные средства, принадлежащие ООО ____. Хищение совершил А.А.П., пробравшись через окно, при помощи лестницы, в помещение административного здания. При этом А.А.П. попросил помочь Г.Д.Г. приставить лестницу к зданию, не уточняя для чего. Последний помог ему. Когда А.А.П. стал лезть по лестнице в окно, Г.Д.Г., поняв, что первый намеревается совершить кражу, пытался отговорить его,

Замечено было, однако, и иное: отсутствие, в том числе необходимости обосновывать решение о возбуждении дела так, будто там фиксируется знание, привело к необоснованию материалами проверки в 110 из 118³³⁴ изученных постановлений, изложенных в них, пусть только вероятностных, выводов о совершении преступления. Конечно, есть и постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, обосновываемые так, будто там не отражается даже вероятностных выводов. В уголовном деле по обвинению К. Л. М. решение об отказе в возбуждении дела в отношении К. А. Л. по п. а, ч.2 ст. 158 УК РФ не содержало ни одного указания, ни на материалы проверки, ни на доказательства, подтверждающие факты, установление которых и позволило принять это решение³³⁵. Подобным образом было не обосновано и решение об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении У. А. М., И. Б. Х. по ч.1 ст. 175 УК РФ³³⁶, в то время, как: «...решение об отказе в возбуждении уголовного дела и уголовного преследования должно быть мотивированным и поставленным под

однако ничего не вышло. Затем Г.Д.Г. ушел, чтобы не участвовать в противоправных действиях. В отношении Г.Д.Г. было отказано в возбуждении дела по п. а, б ч.2 ст. 158 УК РФ. Обосновывалось решение показаниями Г.Д.Г. и подозреваемого. См.: Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении Г.Д.Г. от 28.03.2016 г. // Уголовное дело № 2016/415 по обвинению А. А. П. в совершении преступления, предусмотренного п. б, ч.2 ст. 158 УК РФ. Архив Октябрьского районного суда г. Томска. 2016. На предмет наличия подобных постановлений, например, см: Уголовное дело № 1-312/2016 по обвинению С. М. В. в совершении преступления, предусмотренного п. в, ч.2 ст. 158 УК РФ. Архив Советского районного суда г. Томска. 2016; Уголовное дело № 1-284/2016 по обвинению В. А. В. в совершении преступления, предусмотренного ч.2 ст. 159 УК РФ. Архив Томского районного суда Томской области. 2016.

³³⁴ В оставшихся 8-ми делах решение о возбуждении дела обосновывалось либо указанием на задержание лица (7), либо информацией о его личном досмотре и последующем обнаружении средств (1), чей оборот запрещен.

³³⁵ Так, К. Л. М. в период времени с 16:30 до 18:05, 10.09.2016 г., находясь на пешеходной дорожке у ограждения _____ в г. Томске, похитил из сумки Б. П. Ю., принадлежащий ей кошелек. После кражи он подошел к К. А. Л. и в ее присутствии осмотрел кошелек, забрав оттуда _____ рублей и не сказав К. А. Л. о хищении кошелька. См.: Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении К. А. Л. от 21.10.2016 г. // Уголовное дело № 1-407/2016 по обвинению К. Л. М. в совершении преступления, предусмотренного п. г, ч.2 ст. 158 УК РФ. Архив Советского районного суда г. Томска. 2016.

³³⁶ Так, П. Д. А. в период времени с 14:00 07.04.2016 г. до 14:00 08.04.2016 г., находясь в квартире № ___ по ул. _____ в г. Томске, воспользовавшись тем, что Ш. В. В. спит, похитил у него сотовый телефон, телевизор и ноутбук. Телевизор продал У. А. М., телефон – И. Б. Х., скрыв от них, что имущество было украдено. См.: Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении У. А. М. и И. Б. Х. от 19.05.2016 г. // Уголовное дело № 1-233/2016 по обвинению Пятакова Дмитрия Александровича в совершении преступления, предусмотренного п. в, ч. 2, ст. 158 УК РФ. Архив Октябрьского районного суда г. Томска. 2016.

контроль не только со стороны государственных органов и должностных лиц, но и иных лиц, чьи права и законные интересы нарушены принятым решением»³³⁷.

Перейдем теперь к привлечению лица в качестве обвиняемого.

Для принятия этого решения необходима уголовно-процессуальная достаточность, отличающаяся от требуемой для возбуждения уголовного дела: там достаточное основание уходит в вывод о наличии данных, указывающих на признаки преступления, здесь же уголовно-процессуальная достаточность связана с установлением части обстоятельств ст. 73 УПК РФ. Недаром в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого законодатель требует описывать преступление с указанием времени, места его совершения, а также иных обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с п.4) ч.2 ст. 171 УПК РФ). Обстоятельства же, требуемые для привлечения лица в качестве обвиняемого, разделяются на: устанавливаемые на основе формально-логической достаточности (п.1), 3), 4), ч.1, ст. 73 УПК РФ) и устанавливаемые на основе уголовно-процессуальной (п.2), ч. 1, ст. 73 УПК РФ). Речь здесь идет об объективной и субъективной сторонах преступления. Привлекая лицо в качестве обвиняемого, следователь на основе формально-логической достаточности устанавливает действие/бездействие, причинно-следственную связь и последствия совершенного деяния, однако о форме вины, мотиве, цели вывод должностного лица остается на уровне предположения, опирающегося на уголовно-процессуальную достаточность. Поскольку при привлечении в качестве обвиняемого уголовно-процессуальная достаточность переходит в формально-логическую только в отношении части обстоятельств, то в целом мы говорим, что обвиняемый вводится в процесс исходя из уголовно-процессуальной достаточности, т.е. обозначаем основание по наиболее слабой из достаточностей.

³³⁷ Андреева О. И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. : 12.00.09 / О. И. Андреева – Режим доступа: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000228412/000228412.pdf>

Далее, подтвердить или опровергнуть предположение о характере субъективной стороны позволяет последующий допрос обвиняемого и возможные, другие следственные действия, уточняющие субъективную сторону совершенного преступления и формирующие под выводом о ней уже формально-логическую достаточность. Наличие последней будет означать появление оснований уже для принятия решения о составлении обвинительного заключения.

Итак, поскольку мы, приняв решение о привлечении в качестве обвиняемого, ближе продвинулись к цели установления ст. 73 УПК РФ, уголовно-процессуальная достаточность связывается здесь не с вероятностью, имеющейся при возбуждении уголовного дела, а уже с практической достоверностью, но еще пока не со знанием. Подобный характер выводов при принятии рассматриваемого решения продиктован неизвестностью информации, получаемой в ходе последующего допроса после привлечения обвиняемого³³⁸ и не установлением других обстоятельств. Ведь только связь между всеми ими может дать знание о совершенном преступлении.

Принимая же решение о составлении обвинительного заключения, требуется получение формально-логической достаточности, связанной с выводом об установленности всех обстоятельств ст. 73 УПК РФ³³⁹, а не только указанных с 1 по 4 п. в ее первой части, как подобное было с предыдущим решением. И в этом случае, поскольку обстоятельства ст. 73 УПК РФ установлены, указанная достаточность дает знание о событии прошлого.

³³⁸ Версия обвиняемого может отличаться от версии органов государства и поставить их практически достоверные выводы, содержащиеся в постановлении о привлечении, под сомнение. Разбирая основания привлечения в качестве обвиняемого, Н.П. Ефремова и В.В. Кальницкий указывают: «... следователь должен быть убежден в том, что вынесенное им решение основывается не на предположениях или непроверенных данных, а именно на доказательствах, достаточных для предъявления обвинения; что все эти доказательства собраны в установленном законом порядке, исследованы, оценены и проверены в той мере, в какой это возможно до допроса обвиняемого...». См.: Ефремова Н.П. Привлечение в качестве обвиняемого: учебно-практическое пособие / Н.П. Ефремова, В.В. Кальницкий . – Омск: Омская академия МВД России, 2007. С. 24.

³³⁹ О достаточности доказательств для составления обвинительного заключения см: Воробьев П.С. Достаточность доказательств как основание составления обвинительного заключения // Вестник Оренбургского Государственного Университета. №3. 2011. – 21-23 с.

Сравнение постановлений о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительных заключений показало, что, по аналогии с решениями о возбуждении дела / об отказе, обвинительные заключения как фиксирующие выводы, основанные на формально-логической достаточности, имеют степень обоснования выше (например, есть указания на доказательства, подтверждающие выводы), чем постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Однако, так же, как и со случаями возбуждения / отказа в возбуждении уголовного дела, 95 из 99 изученных постановлений о привлечении в лица качестве обвиняемого не содержали ³⁴⁰, в принципе, ссылок на доказательства уголовного дела, подтверждающих выводы, изложенные в этих решениях³⁴¹.

На наш взгляд, одна из причин отсутствия обоснования в разграничении не всеми следователями видов достаточности, требуемых для принятия различных решений. Так, из 100% опрошенных нами правоприменителей 73% ответили, что степень достаточности информации, необходимой для принятия решений о возбуждении дела и привлечении в качестве обвиняемого, одинакова. Получается,

³⁴⁰ Поскольку только 4 акта выделялись из массы других, на них стоит отдельно указать. См.: Постановление о привлечении М. А. М. в качестве обвиняемого // Уголовное дело № 24022828 по обвинению М. А. М. в совершении преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ. Досье Адв. каб. адвоката П. Д. Киреева. 2015 г.; Постановление о привлечении Ш. А. А в качестве обвиняемого от 15.03.2016 г. // Уголовное дело № 1-244/2016 по обвинению Ш. А. А. в совершении преступления, предусмотренного п. б, в, ч.2 ст. 158 УК. Архив Октябрьского районного суда г. Томска. 2016; Постановление о привлечении В. В. В. в качестве обвиняемого от 26.09.2016 г. // Уголовное дело № 1-240/2016 по обвинению В. В. В. в совершении преступления, предусмотренного п. з, ч.2 ст. 111 УК РФ. Архив Томского районного суда Томской области. 2016.; Постановление о привлечении И. С. В. в качестве обвиняемого от 24.05.2016 г. // Уголовное дело № 1-238/2016 по обвинению И. С. А. в совершении преступления, предусмотренного, п, в, ч. 2, ст. 158 УК РФ. Архив Советского районного суда г. Томска. 2016.

³⁴¹ Мы также встретили способ повышения обоснованности решения о привлечении в качестве обвиняемого: вынесение второго постановления о привлечении, уточняющего первое в части обстоятельств расследуемого события (время, место, например). Так, в уголовном деле по обвинению К. А. А. и С. О. Н. по п. а, ч. 3 ст. 158 УК РФ было уточнено время (в первоначальном постановлении о привлечении в качестве обвиняемого С. О. Н. была формулировка «... в период времени с 27.09.2016 г. по 01.10.2016 г...», впоследствии стало «... в период времени с 15:00 28.09.2016 г. по 13:00 01.10.2016 г...»). См.: Постановление о привлечении С. О. Н. в качестве обвиняемого от 05.10.2016 г., Постановление о привлечении С. О. Н. в качестве обвиняемого от 26.10.2016 г. // Уголовное дело № 1-256/2016 по обвинению К. А. А. и С. О. Н. в совершении преступления, предусмотренного п. «а», ч.3 ст. 158 УК РФ. Архив Томского районного суда Томской области. 2016. В уголовном же деле по обвинению Ш. А. С. по ч.1 ст. 162 УК РФ, ч.1 ст. 119 УК РФ была уточнена объективная сторона (количество ударов, область нанесения, время совершения преступления), изменена квалификация (с п. г, ч. 2 ст. 161 УК РФ на ч. 1 ст. 162 УК РФ). См.: Постановление о привлечении Ш. А. С. в качестве обвиняемого от 27.06.2016 г., Постановление о привлечении Ш. А. С. в качестве обвиняемого от 25.07.2016 г. // Уголовное дело № 1-308/2016 по обвинению Ш. А. С. в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 162 УК РФ, ч.1 ст. 119 УК РФ. Архив Советского районного суда г. Томска. 2016.

что если она одинакова, то и решения эти можно не обосновывать. Возможность же их одинакового необоснования ведет к тому, что если в постановлениях о возбуждении дела не указываются основания делаемых выводов, то они могут не указываться подобным образом и в постановлениях о привлечении в качестве обвиняемого, что, однако, не отвечает нашему тезису – да и требованию ч.4 ст. 7 УПК РФ – о фиксации в решениях о возбуждении дела только вероятностных выводов, а в постановлениях о привлечении – выводов практически достоверных.

Таким образом, связанность практической достоверности с уголовно-процессуальной достаточностью, означает, что последняя служит основанием принятия промежуточного уголовно-процессуального познавательного решения, а, соответственно, формально-логическая, окончательного. Так 61,5% из 100% опрошенных посчитали, что решение об отказе в возбуждении уголовного дела принимается только после окончательного установления обстоятельств, расследуемого события; 68,5% утверждали аналогичное о решении о прекращении уголовного дела / 44% – о решении о прекращении уголовного преследования; 63,6% – относительно составления обвинительного заключения / 60,1% – относительно составления обвинительного акта; 76,2% – относительно постановления приговора.

Логическое отличие двух видов достаточностей в том, что при получении уголовно-процессуальной субъектом доказывания не в полной мере реализован закон достаточного основания, а, значит, не созданы условия – в отношении части обстоятельств ст. 73 УПК РФ – для действия закона перехода количественных изменений в качественные, поскольку познание события прошлого еще не завершено и, следовательно, количество информации, позволяющее сформировать достаточное основание для установления всех обстоятельств ст. 73 УПК РФ, отсутствует. При достижении же формально-логической достаточности, основание уже сформировано, а, значит, и есть условия для перехода количества в качество, что позволяет, в итоге, установить обстоятельства ст. 73 УПК РФ и получить

знание о событии прошлого³⁴². Согласно результатам анкетирования, для 39,8% из 100% опрошенных отличие между достаточностью, требуемой для принятия различных процессуальных решений, выразилось в том, что для принятия одних решений информации о расследуемом событии требуется больше, чем для принятия других. Кроме того, 17,4% респондентов ответили, что количество информации, требуемое для принятия определенных решений, позволяет окончательно установить обстоятельства уголовного дела, применительно же к другим решениям – установить только на уровне вероятности.

Подытоживая, наше рассуждение, имеющее в своей основе различие вероятности, практической достоверности и знания, показало место и роль в процессе принятия познавательного решения уголовно-процессуальной и формально-логической достаточности в их связке с законами формальной и диалектической логики³⁴³.

³⁴² Так, для постановления обвинительного приговора, по мнению О.Ю. Александровой, необходимо: «... такое количество и качество (доказательственная ценность) косвенных доказательств, такая полная их комбинация, которые в своей совокупной взаимосвязи могут быть объяснены только преступными умышленными или неосторожными действиями обвиняемого и исключают гипотезу (версию) о случайном совпадении улик по другим причинам». См.: Александрова О.Ю. Оправдательный приговор в уголовном процессе: теоретические основы и правоприменительная практика: дисс... канд. юрид. наук. Красноярск, 2005. С. 159. Изложенный в этой части исследования материал наводит нас на следующее предположение: сомнения, сообразно видам решений, также могут быть классифицированы. С начальными и промежуточными решениями, поскольку все они характеризуются разными степенями вероятности фиксируемых выводов и достаточности, требуемой для их получения, связано свое сомнение. При принятии же окончательных решений, сомнений не должно быть в принципе, поскольку все они уже опровергнуты в прошлом.

³⁴³ Применение криминологами «...для нужд выявления и предупреждения коррупционного правонарушения (сокрытия доходов и расходов, полученных коррупционным путем)» (см.: Дамм И. А. Актуальные вопросы изменения порядка представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера лицами, замещающими муниципальные должности / И. А. Дамм, О. В. Роньжина, И. Н. Толстикова, А. В. Попов и др. // Юридические исследования. №5. 2017. – С. 31-51) наших разработок в области принятия уголовно-процессуальных решений, позволяет предположить о необходимости достижения достаточности и использования законов формальной и диалектической логики не только при принятии познавательного уголовно-процессуального решения, но и любого другого, в рамках правоприменения, схожего с познавательным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К чему нас привел синтез положений уголовного процесса, теории познания и теории принятия решений? Он отлился, как можно было убедиться, в понятиях познавательных и прогностических решений, явившимися центральными для этой работы. Остальные же ее тезисы либо служили основанием этих понятий, либо явились следствиями из них. В напоминании всех полученных выводов нет необходимости, поэтому, остановимся на ключевых тезисах:

1) на уровне несущественных признаков «уголовно-процессуальное доказывание», являясь познанием, обладает помимо признака «быть познанием» еще и признаком «быть уголовно-процессуальным», следовательно, между ними установятся отношения подчинения (понятие «познание» шире уголовно-процессуального доказывания, которое в него входит). Однако на уровне существенных признаков родовидовые отношения не образуются, потому что протекание доказывания в определенной сфере человеческой практики и правовой форме не является ни существенным, ни отличительным признаком, подходящим для выделения такого вида познания как «уголовно-процессуальное доказывание»;

2) критериями выбора гносеологии российского уголовного процесса являются: методологичность (наличие разработанных правил и техник ведения познавательной деятельности) и нацеленность доказывания, максимально приближенного к научному познанию, на установление обстоятельств ст. 73 УПК РФ. Критериям этим отвечает диалектика;

3) поскольку доказывание более всего сходно с научным познанием, то его институты в нормативном и судоустройственном срезе должны создавать необходимые и достаточные условия для принятия, реализации должностными лицами решений (начальных, промежуточных, окончательных и т.п.) характерных для успешного познания события прошлого;

4) любую деятельность, в том числе и деятельность по доказыванию обстоятельств ст. 73 УПК РФ, возможно представить как систему действий по принятию решений и их последующей реализации. На основе этого тезиса конструируется родовое понятие уголовно-процессуального решения, включающее следующие признаки: 1. решение связано с целями деятельности, которые определяют его назначение в этой деятельности: принятое решение, реализуясь через действие, либо начинает деятельность, либо продолжает, способствуя или нет достижению ее целей, либо завершает ее; 2. решение связано с действием. Выражается это в том, что оно реализуется только в процессуальном действии и является основой к его совершению. Без принятия решения действие невозможно; 3. решение устраняет для лица, его принимающего, проблему, обусловившую необходимость его принятия. В этом плане промежуточные и окончательные уголовно-процессуальные решения отвечают на вопрос, поставленный субъектом уголовного процесса с целью разрешения познавательной проблемы.

5) от исследователя, проводящего уголовно-процессуальную классификацию, требуется: 1. указать на модель уголовно-процессуальной деятельности, исходя из которой проводится классификация; 2. обосновать отличительность классификационного признака через демонстрацию его связи с основаниями модели уголовного процесса; 3. обозначить то, как видоизменяется признак, положенный в основу деления или классификации. Следование приведенным требованиям повысит вероятность создания цельной уголовно-процессуальной классификации, выражающей ту или иную модель уголовно-процессуальной деятельности;

б) познавательное решение – процессуальный вариант, фиксирующий достижение определенного результата (вероятность – практическая достоверность – знание) в деятельности по реализации целей публичного уголовного процесса, определяемых его началом и назначением (например, решение об отказе в

возбуждении уголовного дела, о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительное заключение на стадии предварительного расследования, постановление приговора в части установления обстоятельств ст. 73 УПК РФ). При каждом принятии познавательного уголовно-процессуального решения должностное лицо переводит ситуацию неопределённости во все большую и большую определенность, завершающуюся, при принятии окончательного решения, получением знания. Для появления же подобного необходимо восполнить недостаток относимой, допустимой и достоверной информации о прошлом, т.е. достигнуть достаточности.

7) прогностическое решение – процессуальный вариант (избрание меры пресечения, например), фиксирующий предвосхищение событий будущего, которые могут произойти в деятельности по реализации целей публичного уголовного процесса, определяемых его началом и назначением. В процессе его принятия посредством прогноза, основанного на информации из настоящего, субъект заполняет отсутствие относимой, допустимой и достоверной информации о будущем, следовательно, ситуация неопределенности в этом случае окончательно неустранима, а ответы на вопросы характерные для этого вида решения только вероятные. Яркими примерами прогностических будут решения об избрании меры пресечения. Для их принятия необходимо, хотя бы в самых общих чертах, определять: 1. какая версия вероятнее всего отразит возможное будущее (например, предугадывается поведение подозреваемого, обвиняемого); 2. как соотносится это будущее с целями уголовно-процессуальной деятельности, способствует их достижению или же нет (например, определяется положительно, нейтрально или негативно скажется предугаданное поведение подозреваемого, обвиняемого на установлении обстоятельств ст. 73 УПК РФ); 3. что необходимо сделать, чтобы предвосхищенное, могущее негативно сказаться на доказывании будущее не стало действительностью, а способствующее ему, стало ей (например,

если предугаданное поведение подозреваемого, обвиняемого нежелательно, то каким образом его предотвратить, какая мера пресечения должна быть избрана);

8) по отношению к доказыванию как единству мыслительной и практической деятельности и к процессу принятия познавательных решений формальная логика организует процесс их принятия в части логической формы. Диалектическая логика организует мыслительную и практическую деятельность и процесс принятия познавательного решения в части методологии и подхода к объекту познания. Важно, что две логики не отрицают друг друга, а дополняют и взаимодействуют между собой, образуя единую мыследеятельность;

9) каждый раз при образовании достаточности действуют вместе формально-логический закон достаточного основания и диалектический закон перехода количественных изменений в качественные. Достаточность, если определять ее генетически и функционально, фиксирует момент появления основания (условие), из которого следует новая мысль (следствие), а при помощи же закона перехода количественных изменений в качественные уточняет, что основание достаточно тогда: 1) когда количественных изменений (информации) имеется столько, сколько необходимо для их перехода в качественные, т.е. получения из нее вывода; 2) когда уже количественных изменений (выводов) имеется столько, сколько необходимо для получения на их основе знания о событии прошлого (последнее качественное изменение). Достаточность в единстве двух законов является мерой, тем самым связывая их;

10) в процессе доказывания уголовно-процессуальная достаточность сменяется формально-логической. Отличие двух видов достаточностей в том, что при получении уголовно-процессуальной субъектом доказывания не в полной мере реализован закон достаточного основания, а, значит, не созданы условия для действия закона перехода количественных изменений в качественные, поскольку познание события прошлого еще не завершено и, следовательно, количество информации, позволяющее сформировать достаточное основание для

установления всех обстоятельств ст. 73 УПК РФ, отсутствует. При достижении же формально-логической достаточности, основание уже сформировано, а, значит, и есть условия для перехода количества в качество, что позволяет, в итоге, установить обстоятельства ст. 73 УПК РФ и получить знание о событии прошлого.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные акты и акты толкования права

1) Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. от 31 декабря 2017 г.) // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. 1). Ст. 61; № 14. Ст. 1908; № 18. Ст. 2515; № 28. Ст. 4559; № 31. Ст. 4743, 4752, 4799

2) Приказ МВД России № 38, Генпрокуратуры России № 14, СК России № 5 от 16.01.2015 «Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц» (Зарегистрировано в Минюсте России 20.03.2015 № 36499) // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2017 – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Сиб. фед. ун-та.

3) Постановление КС РФ от 23.03.95 г. по делу о толковании ч. 4 ст. 105 и ст. 106 Конституции РФ // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2017 – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Сиб. фед. ун-та.

4) Постановление КС РФ от 29.06.2004 №13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2017 – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Сиб. фед. ун-та.

5) Постановление КС РФ от 21.12.2011 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко» [Электронный ресурс] //

КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2017 – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Сиб. фед. ун-та.

6) Постановление КС РФ от 17.12.2015 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Баляна, М.С. Дзюбы и других» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2017 – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Сиб. фед. ун-та.

7) Постановление ВС РФ от 17.09.1975 г. № 5 в ред. от 09.02.2012 г. «О соблюдении судами Российской Федерации процессуального законодательства при судебном разбирательстве уголовных дел» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2017 – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Сиб. фед. ун-та.

8) Постановление ВС РФ от 29.08.1989 г. №4 в ред. от 06.02.2007 г. «О соблюдении судами Российской Федерации процессуального законодательства при рассмотрении уголовных дел по первой инстанции» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2017 – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Сиб. фед. ун-та.

9) Постановление ВС РФ от 31.10.1995 г. № 8 в ред. от 16.04.2013 г. «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2017 – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Сиб. фед. ун-та.

10) Постановление ВС РФ от 05.03.2004 г. № 1 в ред. от 01.06.2017 г. «О применении судами норм Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система.

– Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2017 – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Сиб. фед. ун-та.

11) Постановление ВС РФ от 22.11.2005 г. № 23 в ред. от 22.12. 2015 г. «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2017 – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Сиб. фед. ун-та.

12) Постановление ВС РФ от 05.12.2006 г. № 60 в ред. от 22.12.2015 г. «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2017 – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Сиб. фед. ун-та.

13) Постановление ВС РФ от 22.12.2009 г. № 28 в ред. от 03.03.2015 г. «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку к судебному разбирательству» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2017 – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Сиб. фед. ун-та.

14) Постановление ВС РФ от 07.04.2011 г. № 6 в ред. от 03.03.2015 г. «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2017 – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Сиб. фед. ун-та.

15) Постановление ВС РФ от 28.06.2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2017 – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Сиб. фед. ун-та.

16) Постановление ВС РФ от 27.11.2012 г. № 26 в ред. от 01.12.2015 г. «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2017 – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Сиб. фед. ун-та.

17) Постановление ВС РФ от 19.12.2013 г. № 41 в ред. от 24.05.2016 г. «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2017 – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Сиб. фед. ун-та.

18) Постановление ВС РФ от 28.01.2014 г. № 2 в ред. от 03.03.2015 г. «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2017 – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Сиб. фед. ун-та.

19) Постановление ВС РФ от 30.06.2015 г. №29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2017 – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Сиб. фед. ун-та

20) Постановление ВС РФ от 22.12.2015 г. № 58 в ред. от 29.11.2016 г. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2017 – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Сиб. фед. ун-та.

21) Постановление ВС РФ от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Версия

Проф. – Электрон. дан. – М., 2017 – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Сиб. фед. ун-та.

22) Постановление ВС РФ от 16.05.2017 г. № 17 «О внесении изменений в отдельные Постановления Пленума ВС РФ по уголовным делам» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2017 – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Сиб. фед. ун-та.

23) Постановление ВС РФ от 01.06.2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2017 – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Сиб. фед. ун-та.

Материалы практики, анализируемые в тексте работы

24) «Гарсия Руис (garcia ruiz) против Испании». Постановление от 1 июля 2003 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/abrolaw/9149>

25) «Суоминен (Suominen) против Финляндии» (Жалоба № 37801/97). Постановление от 1 июля 2003 г., [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://european-court.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/suominen-protiv-finlyandii-postanovlenie-evropejskogo-suda/>

26) «Татишвили (Tatishvili) против России» (Жалоба № 1509/02). Постановление от 22 февраля 2007 г., [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.romanovaa.ru/es2_0/

27) Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении Б.В.А. от 20.02.2016 г. // Уголовное дело № 2016/285 по обвинению М.А.А. в совершении преступления, предусмотренного п. б, ч.2 ст. 159 УК РФ. Архив Октябрьского районного суда г. Томска. 2016.

28) Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении Г.Д.Г. от 28.03.2016 г. // Уголовное дело № 2016/415 по обвинению А. А. П. в совершении преступления, предусмотренного п. б, ч.2 ст. 158 УК РФ. Архив Октябрьского районного суда г. Томска. 2016.

29) Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении У. А. М. и И. Б. Х. от 19.05.2016 г. // Уголовное дело № 1-233/2016 по обвинению Пятакова Дмитрия Александровича в совершении преступления, предусмотренного п. в, ч. 2, ст. 158 УК РФ. Архив Октябрьского районного суда г. Томска. 2016.

30) Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении К. А. А. от 11.10.2016 г. // Уголовное дело № 1-4010/2016 по обвинению П. Е. А. в совершении преступления, предусмотренного п. в, ч.2 ст. 158 УК РФ. Архив Советского районного суда г. Томска. 2016.

31) Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении К. А. Л. от 21.10.2016 г. // Уголовное дело № 1-407/2016 по обвинению К. Л. М. в совершении преступления, предусмотренного п. г, ч.2 ст. 158 УК РФ. Архив Советского районного суда г. Томска. 2016.

32) Постановление о привлечении Ш. А. А в качестве обвиняемого от 15.03.2016 г. // Уголовное дело № 1-244/2016 по обвинению Ш. А. А. в совершении преступления, предусмотренного п. б, в, ч.2 ст. 158 УК. Архив Октябрьского районного суда г. Томска. 2016.

33) Постановление о привлечении И. С. В. в качестве обвиняемого от 24.05.2016 г.// Уголовное дело № 1-238/2016 по обвинению И. С. А. в совершении преступления, предусмотренного, п, в, ч. 2, ст. 158 УК РФ. Архив Советского районного суда г. Томска. 2016.

34) Постановление о привлечении Ш. А. С. в качестве обвиняемого от 27.06.2016 г., Постановление о привлечении Ш. А. С. в качестве обвиняемого от 25.07.2016 г. // Уголовное дело № 1-308/2016 по обвинению Ш. А. С. в

совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 162 УК РФ, ч.1 ст. 119 УК РФ. Архив Советского районного суда г. Томска. 2016.

35) Постановление о привлечении В. В. В. в качестве обвиняемого от 26.09.2016 г. // Уголовное дело № 1-240/2016 по обвинению В. В. В. в совершении преступления, предусмотренного п. 3, ч.2 ст. 111 УК РФ. Архив Томского районного суда Томской области. 2016.

36) Постановление о привлечении С. О. Н. в качестве обвиняемого от 05.10.2016 г., Постановление о привлечении С. О. Н. в качестве обвиняемого от 26.10.2016 г. // Уголовное дело № 1-256/2016 по обвинению К. А. А. и С. О. Н. в совершении преступления, предусмотренного п. «а», ч.3 ст. 158 УК РФ. Архив Томского районного суда Томской области. 2016.

37) Постановление о привлечении М. А. М. в качестве обвиняемого // Уголовное дело № 24022828 по обвинению М. А. М. в совершении преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ. Досье Адв. каб. адвоката П. Д. Киреева. 2015.

38) Уголовное дело № 1-406/2016 по обвинению К. М. Л. в совершении преступления, предусмотренного п. в, ч.2 ст. 158 УК РФ. Архив Советского районного суда г. Томска. 2016.

39) Уголовное дело № 1-408/2016 по обвинению Л. И. А. в совершении преступления, предусмотренного п. в, ч.2 ст. 158 УК РФ. Архив Советского районного суда г. Томска. 2016.

40) Уголовное дело № 1-312/2016 по обвинению С. М. В. в совершении преступления, предусмотренного п. в, ч.2 ст. 158 УК РФ. Архив Советского районного суда г. Томска. 2016.

41) Уголовное дело № 1-284/2016 по обвинению В. А. В. в совершении преступления, предусмотренного ч.2 ст. 159 УК РФ. Архив Томского районного суда Томской области. 2016.

42) Уголовное дело по обвинению С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 216 УК РФ. Контрол. произ. След. отдела по Шушенскому району ГСУ СК России по Красноярскому краю. 2012.

43) Уголовное дело по обвинению С. в совершении преступлений, предусмотренных п. б ч. 2 ст. 228-1; ч. 3 ст. 30, п. б ч. 2 ст. 228-1; ч. 2 ст. 228 УК РФ. Досье Красноярского краевого Адв. бюро. «Мальтов и партнеры». 2012.

44) Уголовное дело по обвинению А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 112 УК РФ. Досье Красноярского краевого Адв. бюро. «Мальтов и партнеры». 2012.

45) Уголовное дело № 1-172/2014 по обвинению К. А. Б. в совершении преступлений, предусмотренных п. а. ч. 3 ст. 286; ч. 2 ст. 292; ч. 2 ст. 292 УК РФ и П. А. В. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 292; ч. 2 ст. 292 УК РФ. Досье Адв. каб. адвоката П. Д. Киреева. 2015.

46) Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2016 г. Сдер.ru; Судебный департамент при Верховном суде РФ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832>.

47) «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции». Сдер.ru; Судебный департамент при Верховном суде РФ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4151>

48) «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке» Сдер.ru; Судебный департамент при Верховном суде РФ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4151>

49) «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в кассационном (надзорном) порядках» Сдер.ru; Судебный

департамент при Верховном суде РФ [Электронный ресурс] – Режим доступа:
<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4151>

Специальная литература

50) Baldwin R. Law and Uncertainty: Risks and Legal Processes. Hartnolls Ltd, Bodmin, Cornwall, 1997. – 352 p.

51) Bencivenga, Ermanno. On the Very Possibility of a Formal Logic and Why Dialectical Logic Cannot be One. The Philosophical Forum. Vol. 46. 3. 2015. – P. 275-286.

52) Bernard Thomas. J., Engel Robin Shepard. Conceptualizing Criminal Justice Theory. Justice Quarterly, Vol. 18 No. 1, March 2001. – 30 p.

53) Ehud Guttel, Alon Harel, Uncertainty Revisited: Legal Prediction and Legal Postdiction, 107 Mich. L. Rev. 467 (2008). – P. 467-500

54) Findley Keith A., Toward a New Paradigm of Criminal Justice: How the Innocence Movement Merges Crime Control and Due Process. Texas Tech Law Review. 133 (2008). – 45 p.

55) Gary Goodpaster. On the Theory of American Adversary Criminal Trial. The Journal of Criminal Law & Criminology 1987 by Northwestern University, School of Law, Vol. 78, No. 1, Printed U.S.A. – P. 118-154.

56) Griffiths, John. «Ideology in Criminal Procedure or a Third «Model» of the Criminal Process» (1970). Faculty Scholarship Series. Paper 3994. – P. 359-417

57) James Byrne, Gary Marx. Technological Innovations in Crime Prevention and Policing. A Review of the Research on Implementation and Impact Cahiers Politiestudies Jaargang. 2011. N 20. P. 17-40 [Электронный ресурс] – Режим доступа:
<https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/238011.pdf>

58) Jon Kleinberg, Jens Ludwig, Sendhil Mullainathan. A Guide to Solving Social Problems with Machine Learning. Harvard Business Review. 2016.

[Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://hbr.org/2016/12/a-guide-to-solving-social-problems-with-machine-learning>

59) Kent Roach. Four Models of the Criminal Process, 89 J. Crim. L. & Criminology. 1998-1999. – P. 671-716

60) Kramer M. Rights and Restraints in Russia's Criminal Justice System: Preliminary Results of the New Criminal Procedural Code. PONARS Policy Memo 289. Harvard University. May 2003. – P. 1-6.

61) Lord Carloway. Consultation Document. 2011. 61 p. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gov.scot/Resource/Doc/925/0116090.pdf>

62) Packer Herbert L. Two Models of the Criminal Process. Reprinted from The Limits of the Criminal Sanction by Herbert L. Packer, with the permission of the publishers, Stanford University Press. 1968. – 12 p.

63) Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. New York: Crown Business, 2017. – 184 p.

64) Seyyed Jafar Es-haghi, Mahdi Sheidaei. Public Interest in Criminal Procedure and Its Challenges: An Attitude toward Iranian Criminal Law. Journal of Politics and Law; Vol. 9, No. 5; Published by Canadian Center of Science and Education. 2016. – P. 1-14.

65) Using Machine Learning for Precision Nudging: Jens Ludwig at Princeton [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://medium.com/@natematias/using-machine-learning-for-precision-nudging-jens-ludwig-at-princeton-78f4b5442514>

66) Vogler R. A World View of Criminal Justice. MPG Books Ltd, Bodmin, Cornwall, 2005. – 330 p.

67) Deiters M. Legalitätsprinzip und Normgeltung. Mohr Siebeck, 2006. S. 179.

68) Informationen zum Strafprozeßrecht [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://54457544.swh.strato-hosting.eu/wordpress/wp-content/uploads/2015/02/Strafprozessrecht.pdf>

69) Lehrmaterialien zur Kriminalistik [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gletschertraum.de/Kriminalistik1/DieVerdachtsstufen.html>

70) Schönemann B. Zur Kritik des amerikanischen Strafprozessmodells, in: Edda Weßlau et al. (Hrsg.), Festschrift für Gerhard Fezer zum 70. Geburtstag am 29. Berlin et al. 2008, – S. 555-575.

71) Азаров В. А., Константинова В. А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам // Изв. Алтайского гос. ун-та. 2011. № 2-2. – С. 79-81

72) Александров А. С. Введение в судебную лингвистику – Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2003 – 420 с.

73) Александров А. С., Терехин В. В. К вопросу о новой теории уголовно-процессуального доказывания // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 1(15). – С. 9-18

74) Александров А. С., Терехин В. В. Пять тезисов из манифеста критических правовых исследований русского уголовно-процессуального права // Вестник Волгоградского Государственного Университета. Серия 5: Юриспруденция. 2015. № 1. С. 8 – 14.

75) Александрова О. Ю. Оправдательный приговор в уголовном процессе: теоретические основы и правоприменительная практика: дисс... канд. юрид. наук. Красноярск, 2005. – 202 с.

76) Алексеев П. В., Панин А. В. Философия: учеб. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 608 с.

77) Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. — М.: Издательская группа НОРМА — ИНФРА * М. 1998. – 810 с.

78) Андреева О. И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по

распоряжению предметом уголовного процесса [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. : 12.00.09 / О. И. Андреева – Режим доступа: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000228412/000228412.pdf>

79) Андреева О. И. К вопросу о способах правового регулирования в российском уголовном процессе // Вестник Самарского гос. ун-та. Гуманитарная сер. Юриспруденция. 2014. №11/2 (122). С. 125-133.

80) Андреева О. И. Решение вопроса об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу: проблемы правоприменения // Журнал Российского права, 2005, №2. С. 73-76.

81) Андреева О. И. Соблюдение процессуальной формы уголовного судопроизводства: теоретические и практические проблемы // Правовые проблемы российской государственности: Сб.ст. Ч.63. / Отв. ред. М. К. Свиридов и др. – Томск: изд-во Том. ун-та. 2014. С. 8-14.

82) Андреев И. Д. Диалектическая логика : учеб. пособие / И.Д. Андреев.– М. : Высш. шк., 1985. – 367 с.

83) Антонова Э. Ю. Доказывание как вид познания и его теоретическое и практическое значение // Пробелы в российском законодательстве. №1, 2015. С. 209-213

84) Апелляция в уголовном судопроизводстве: научно-практическое пособие / [Ершов В. В. и др.] ; под общ. ред. В. В. Ершова ; Российская акад. правосудия. - Москва: Право, 2013 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/1431009/>

85) Асмус В. Ф. Логика: учебник. М. : Едиториал УРСС, 1947. – 387 с.

86) Баев О. Я. Уголовно-процессуальные решения и решения в уголовном судопроизводстве // Вестник Воронежского государственного университета. 2009. № 1(6). – С. 329-340

87) Балакшин В. С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания: Важнейшие проблемы в свете УПК Российской

Федерации [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. : 12.00.09 / В. С. Балакшин. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1212440>

88) Баландин В.Н. Принципы юридического процесса: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Самара. 1998. – 188 с.

89) Барабаш А.С. Основной, дополнительный и вспомогательные процессы доказывания в стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства. М., 2017. – 272 с.

90) Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. – 420 с.

91) Барабаш А.С. Соотношение понятий «объект» и «предмет» познания и использование их при описании уголовно-процессуальной деятельности (тезисы) // Юридическая наука и юридическое образование в России на рубеже веков: состояние, проблемы, перспективы. Материалы региональной научно-практической конференции Ч. 3. Изд-во ТГУ. Тюмень, 2001. – С. 41-45.

92) Барабаш А. С. Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2015. №12. – С. 184-190

93) Барабаш А.С., Брестер А.А. Метод российского уголовного процесса. – СПб.: Издательство «Юридический центр – Пресс», 2013. – 215 с.

94) Барабаш А.С., Брестер А.А. Установление обстоятельств совершенного преступления и оснований назначения наказания - два самостоятельных этапа судебного следствия // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 1 (38). С. 167–172.

95) Барова М. А. Уголовно-процессуальный механизм вынесения судебных решений в досудебном производстве: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2014. – 290 с.

- 96) Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. Санкт-Петербург, 1841. – 326 с.
- 97) Батищев Г. С. Противоречие как категория диалектической логики. М.: «Высшая школа». 1963. – 120 с.
- 98) Безрядин В. И. О некоторых проблемах доказывания в уголовном судопроизводстве // Царскосельские чтения. 2013. №XVII. – С. 5-9
- 99) Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. – М.: Норма, 2007. – 528 с.
- 100) Берман Я. А. Диалектика в свете современной теории познания / Я. Бермань. - Москва : Московское Книгоиздательство, 1908. – 236 с.
- 101) Бешкарева И.Ю. Проблема интуиции в гносеологии (на материале философии С.Л. Франка) : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / Ирина Юрьевна Бешкарева. Киров, 2011. – 146 с.
- 102) Блинова-Сычкарь И. В., Миликова А. В. Понятие «принятие решения» в уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2008. №5. – С. 106-110
- 103) Борисенков А.А. Понятие руководящего решения // Социодинамика. №1. 2013. – С. 1-27
- 104) Боруленков Ю.П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты): монография / под науч. ред. проф. В.Н. Карташова. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 392 с.
- 105) Брестер А. А. Начало уголовного процесса и его влияние на уголовно-процессуальную форму // Уголовная юстиция. 2013. № 2. – С. 27-30
- 106) Брестер А.А. Уголовный процесс как познавательная деятельность // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей. Ч. 51. - Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. – С. 8-13

107) Бряник Н.В. Введение в современную теорию познания: Учебное пособие. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 288 с.

108) Бушуева Т.С. Философия науки А.Н. Уайтхеда: Монография / Рос. филос. о-во и др. — Екатеринбург: Издательство «Банк культурной информации», 2006. – 96 с

109) Василенко С.В. Статусно-ролевая детерминация качества принятия решений спортсменами групповых видов спорта : дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. Курск, 2014. – 172 с.

110) Васильев С.Ф. Кто такой Карл Поппер? (К вопросу о взаимоотношениях К. Поппера и диалектики) / Горизонты образования. Научно-образовательный журнал АлтГТУ. – 2006. вып. 8. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://edu.secna.ru/media/f/vasilev.pdf> -

111) Викторов Д. Психологические и философские воззрения Рихарда Авенариуса // Теория познания I. Новые идеи в философии под. ред. Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова. Сборник №3. Изд-во СПб, 1913. – С. 40-47.

112) Викторский С.И. Русский уголовный процесс / изд. 2 исправ. и допол. М.: 1912. – 438 с.

113) Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула : Автограф, 2000. – 463 с.

114) Владыкина Т.А. Теоретическая модель производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. : 12.00.09 / Т. А. Владыкина. Екатеринбург. 2018. – 38 с.

115) Воробьев П.С. Достаточность доказательств как основание составления обвинительного заключения // Вестник Оренбургского Государственного Университета. №3. 2011. – 21-23 с.

116) Воскобитова Л.А. Философские аспекты проблем познания в уголовном судопроизводстве // Философские науки. 2013. №12. – С. 21-31

117) Гаприндашвили Р.Т. Проблемы теории и практики принятия субъектами поисково-познавательной деятельности уголовно-процессуальных решений: дисс. ... канд. юрид. наук. М. 2016. – 181 с.

118) Георгиев Ф. И., Коршунов А. М., Ладоренко О. А., Тимофеева Н. В., Тройнов И. В. Проблемы отражения. М., 1969. – 142 с.

119) Герасимова И.А. Принятие решений: логика и психология // Психология и психотехника 11(62).2013. – С. 1055-1065

120) Гладышева О.В. Уголовно-процессуальные решения: проблема определения // Вестник ОГУ. №3 (139). 2012. – С. 37-40

121) Гончан Ю.А. Функции доказывания и принятия решений в уголовном процессе [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://pravorub.ru/articles/1407.html>

122) Гончарова Н.А. Критический реализм и современная философия науки // Известия Томского политехнического университета. №6, 2009. – С. 89-92.

123) Грибова М.М. Научное познание, его взаимосвязь с другими формами познания // Известия Российского Государственного Педагогического Университета им. А.И. Грецена. 2008. № 58. – С. 99-103.

124) Григорьев В.Н. Профессор Н.С. Алексеев об истине и цели доказывания по уголовным делам. Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность [Электронный ресурс]: Сборник статей по материалам Международной научно - практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексеева (г. Санкт-Петербург, 28-29 июня 2014 года) / Под ред. Н.Г. Стойко. – СПб.: ООО «ЦСПТ», 2015. – С. 43-49.

125) Громов Н.А., Зайцев С.А. Оценка доказательств в уголовном процессе. - М.: «Издательство ПРИОР», 2002 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/30103/>

- 126) Грошевой Ю.М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. – Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1979. – 143 с.
- 127) Гумеров Т. А., Крюченкова А. О. Решения следователя на досудебных стадиях // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 1. – С. 85-88
- 128) Гурова Л. Л. Принятие решений как проблема психологии познания // Вопросы психологии. 1984. — № 1. Электронный ресурс – Режим доступа: <http://www.voppsy.ru/issues/1984/841/841125.htm>
- 129) Гюго В. Отверженные: Роман. Т. 1.- Махачкала: Даг.кн. изд.-во. 1984. – 655 с.
- 130) Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург: Издательство Гуманитарного университета, 1997. – 191 с.
- 131) Дамм И. А. Актуальные вопросы изменения порядка представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера лицами, замещающими муниципальные должности / И. А. Дамм, О. В. Роньжина, И. Н. Толстикова, А. В. Попов и др. // Юридические исследования. №5. 2017. – С. 31-51
- 132) Дегай П. И. Взгляд на современное положение уголовного судопроизводства. Санкт-Петербург, 1847. – 323 с.
- 133) Демченко Е.В. Теоретическая конструкция доказывания в уголовном процессе // труды Оренбургского института (филиала) МГЮА (выпуск двадцать пятый). Оренбург, 2015. – С. 120-124.
- 134) Джатиев В. С. Доказывание и оценка обстоятельств, определяющих характер и степень общественной опасности преступления: автореф. дис.... канд. юрид. наук [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=51961>

135) Диев В. С. Проблема выбора и принятия решений в междисциплинарном контексте // Вестник ТГУ, Философия. Социология. Политология. 2013. № 2 (22). – С. 41-51

136) Дорохов В.Я. Марксистско-ленинская гносеология – основа теории доказательств // Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973. – 736 с.

137) Еникеев М.И. Основы общей и юридической психологии: Учебник для вузов. – М.: Юристъ, 1996. – 457 с.

138) Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М.: Высшая школа, 1968. – 368 с.

139) Ершова Н.С. Обоснованность итоговых процессуальных решений суда первой инстанции: дисс. ... канд. юрид. наук. М. 2014. – 230 с.

140) Ефремова Н.П. Привлечение в качестве обвиняемого: учебно-практическое пособие / Н.П. Ефремова, В.В. Кальницкий . – Омск: Омская академия МВД России, 2007. – 107 с.

141) Жданова Я.В. Проблемы вероятного и достоверного в уголовно-процессуальном доказывании и их влияние на принятие отдельных процессуальных решений следователем: дисс... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. – 281 с.

142) Жогин Н.В. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Москва, Юридическая литература, 1973. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/974951/>

143) Заблоцкий В.Г. Обоснованность приговора в советском уголовном процессе: автореф. дисс.... канд. юридических наук. Иркутск. 1971. – 20 с.

144) Зигварт Х. Логика. Том 1: Учение о суждении, понятии и выводе /Пер.с нем. И.А. Давыдова.-М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. – 464 с.

- 145) Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов): Учеб.пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2006 – 464 с.
- 146) Ивин А.А. Логика. Учебное пособие. Издание 2-е. — М.: Знание, 1998. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.e-reading.club/chapter.php/92032/5/Ivin_-_Logika._Uchebnoe_posobie._Izдание_2-e.html.
- 147) Ивин А. А., Никифоров А. Л. Словарь по логике - М.: Туманит, изд. центр ВЛАДОС, 1997. - 384 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000973/st000.shtml>.
- 148) Ивлев Ю.В. Практикум по логике: учеб. пособие. М.: Проспект, 2013. – 334 с.
- 149) Ильичев А.А. Исторический факт как гносеологический феномен : дис.... канд. филос. наук: 09.00.01 / А.А. Ильичев. Саратов, 2012. – 133 с.
- 150) История философии в кратком изложении / Пер. с чеш. И. И. Богута – М.: Мысль, 1991. – 590 с.
- 151) История и философия науки. Хрестоматия [Электронный ресурс] / сост. В. А. Устюгов. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. – Режим доступа: <https://e.sfu-kras.ru/course/view.php?id=1502>
- 152) Калиновский К.Б. Обоснованность уголовно-процессуальных решений в свете учения о бремени доказывания // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юрид. наук, профессора Полины Абрамовны Лупинской: сборник научных трудов. — М.: ООО «Изд-во «Элит», 2011. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.iuaj.net/node/678>
- 153) Казгериева Э. В. Логические ошибки в судебном правоприменении: дисс... канд. юрид. наук. М., 2006. – 177 с.

154) Карцева Г.А. Категории «содержание» и «форма»: от античности до Канта // Вестник Тамбовского Университета. Серия: гуманитарные науки. 2012. № 10 (114). – С. 247 – 251

155) Карякин Е.А. Формирование истинности приговора в состязательном судебном производстве: вопросы теории и практики / Под науч. ред. А. П. Гуськовой. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2007. – 224 с.

156) Кедров Б.М. Единство диалектики, логики и теории познания (Серия «Из наследия Б. М. Кедрова». Размышляя о марксизме). Изд. 2-е, стереотипное. М: КомКнига, 2006. – 296 с.

157) Кедров Б.М., Ильенков Э.В., Зиновьев А.А. и др. Диалектика и логика. Формы мышления. под. ред. Давыдов А.А. Изд. Академии наук СССР. – 310 с.

158) Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. 2-е изд. М. : Аванта+, 2001. [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http:// padabum.com/x.php?id=19823](http://padabum.com/x.php?id=19823)

159) Кибернетика ожидаемая и кибернетика неожиданная / отв. ред.: А.И. Берг, Э. Кольман. М.: Наука», 1968. – 312 с.

160) Клепиков Д.А. Эволюция понятия «промежуточное судебное решение» в уголовном процессе России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. № 4. 2013. – С. 49-54

161) Кобзарь В.И. Принципы или основные законы? // Логико-философские штудии. СПб. : Издательство РОО «Санкт-Петербургское философское общество», 2001. №1. – С. 192-196.

162) Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М., 1979. – 504 с.

163) Козина Т.В. Судебное следствие и обоснованность приговора: автореф. дисс.... канд. юридических наук. М.: 1992. – 23 с.

164) Колдин В.Я. Верификация правовых решений // Вопросы уголовного права и процесса. Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 11. Право. 2012 .№1. – С. 42-52.

165) Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/BIO/KONI/AFKONI_E.HTM

166) Корнакова С.В. Логика уголовно-процессуального доказывания // Юридическая наука и правоохранительная практика. №2 (28)/2014, – С. 103-109.

167) Корнакова С.В. Уголовно-процессуальное доказывание как процесс познания // Известия Иркутской государственной экономической академии. № 6. 2006, – С. 110-112

168) Корнилова Т. В. Риск и принятие решений: психология неопределенности: монография по проекту РГНФ №14-4693004. С. 22 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/144693004.pdf>

169) Корноухов В.Е. Методика расследования преступлений: теоретические основы / В. Е. Корноухов. – М. : Норма, 2008. – 224 с.

170) Костенко Р. В. Достаточность доказательств в российском уголовном процессе: автореф. дис.... канд. юрид. наук [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=82289>.

171) Костовская Н. В. Оценка доказательств при принятии процессуальных решений по уголовному делу судом первой инстанции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. – 26 с.

172) Кот М. В. Основные признаки и особенности суда присяжных // Теория и практика общественного развития. Краснодар. 2017. – С. 92-96.

173) Кротков Д. С. Уголовно-процессуальные решения и субъекты их принятия в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rad.pfu.edu.ru:8080/tmp/avtoref5325.pdf>.

174) Кудрявцева А.В. Теория доказывания в юридическом процессе: учебное пособие. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2006. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.urist134.narod.ru/1/teoriya.doc

175) Кузьмин Г.А. Правовые и организационные основы принятия решений в уголовном процессе (досудебные стадии): дисс... канд. юрид. наук. М., 2002. – 195 с.

176) Кумпф Ф., Оруджев З. Диалектическая логика: Основные принципы и проблемы. – М.: Политиздат, 1979. – 288 с.

177) Курзинер Е.Э. Актуальные вопросы доказывания в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Челябинск. 2009. – 231 с.

178) Кухта А.А. Доказывание истины в уголовном процессе: дисс док. юрид. наук. Нижний Новгород, 2010. – 660 с.

179) Ладенко И. С. Интеллект и логика. — Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. – 144 с.

180) Леонов С. Г. Процессуальные решения как юридические факты в досудебном производстве российского уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар. 2011. – 24 с.

181) Линовский В. А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса, 1849. – 264 с.

182) Логика: учебник / Гусев С.С., Караваев Э. Ф., Карпов Г. В. [и др.]; под ред. Мигунова А. И., Микиртумова И. Б., Федорова Б. И.. – Москва: Проспект, 2010. – 680 с.

183) Ломтева В. С. Прогнозирование в правотворчестве и правоприменении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. –168 с.

184) Лось С. Л. Протокольное производство в уголовном процессе. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. – 340 с.

185) Лосский Н. Имманентная философия В. Шуппе // Теория познания I. Новые идеи в философии под. ред. Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова Сборник №3. Изд-во СПб, 1913. – С. 1-39

186) Лосский Н. Недостатки гносеологии Бергсона и влияние их на его метафизику // Вопросы философии и психологии: под. ред. профессора Н.Я. Грота и Л.М. Лопатина. Типо-литография Высочайше утвержденного Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко. Москва. Кн. 118 (3). 1913, – С. 224-235.

187) Лубин А.Ф. Гончан Ю.А. Функция принятия решения в уголовном процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. № 17. 2012. – С. 176-181

188) Лупинская П. А. Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве М., 1972. – 79 с.

189) Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: Теория, Законодательство, Практика. перераб. и доп. М., 2010 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/250194/>

190) Магданов П. В. Управленческое решение: понятие и определение // Пермский государственный университет. Вестник ОГУ. 2011. № 8 (127). – С. 63-67.

191) Мартынчик Е. Г. Основы формирования приговора в советском уголовном процессе. Кишинев, 1989. – 166 с.

192) Матузов Н.И. Возможность и действительность в правовой сфере // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 3 (230). 16 – 30 с.

193) Медведев М.А. Суд как субъект уголовного процесса доказывания // Альманах современной науки и образования. № 9(76). 2013. – С. 111-113

194) Мезинов Д.А. Необходимо ли закрепление понятия «объективная истина» в уголовно-процессуальном законе? // Вестник Томского Государственного Университета. Право. № 2(8). 2013. – С. 82-94

- 195) Меретуков Г.М. Правовая природа и виды решений суда первой инстанции в российском уголовном процессе // Научный журнал КубГАУ, №76(02). 2012. – С. 1-26
- 196) Минимурзина О.Н. Судья как особый властный субъект судебного следствия // Российский Судья. №7. 2016. – С. 36-40.
- 197) Минникес И.А. Индивидуальные правовые акты (к проблеме индивидуального правового регулирования) // Известия Иркутской государственной экономической академии. №5. 2006. – С. 59-62
- 198) Михайловская И. Б. Процессы управления в судебной системе. Москва, 2012. – 128 с.
- 199) Моррис У. Т. Наука об управлении. Байесовский подход [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://baguzin.ru/wp/?p=6867pdf>.
- 200) Морщакова Т.Г. Об актуальности теории решений в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. №2. 2011. – С. 5-9
- 201) Муратова Н.Д. Правовая культура процессуальных решений // Вестник ОГУ. №3 (122). 2011. 106 – 111 с.
- 202) Надь Л. Приговор в уголовном процессе. М., 1982. – 224 с.
- 203) Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы. М., 2017. 400 с.
- 204) Наторп П. Кант и Марбургская школа // Теория познания II. Новые идеи в философии под. ред. Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова Сборник №5. Изд-во СПб, 1913. – С. 93-132.
- 205) Нельсон Л. Невозможность теории познания // Теория познания II. Новые идеи в философии под. ред. Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова Сборник №5. Изд-во СПб, 1913. – С. 64-92.

206) Никулина О.В. Марбургская школа неокантианства: Г. Коген, П. Наторп, Э. Кассирер, Н. Гартман // Вестник Нижневартского государственного университета. №2, 2008. – С. 76-80.

207) Новая иллюстрированная энциклопедия. Том Ск-Та. М.: ООО «Мир книги» : Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 2005. – 255 с.

208) Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. 3-е изд., испр. Минск.: Книжный дом, 2003. – 1782 с.

209) Оботурова Н.С. Концептуализация идей нетрадиционной теории познания в аналитической философии Д. Дэвидсона и Х. Патнэма // Вестник Костромского Государственного Университета им. Н.А. Некрасова. №2, 2011. – С. 64-68.

210) Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности) : монография / Г. А. Гаджиев. — М. : Норма : ИНФРАМ, 2013. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://philosophicalclub.ru/content/docs/Gadjiyev_Ontologia_prava.pdf

211) Остапенко И.А. Приговор как итоговое решение по уголовному делу: дисс. ... канд. юрид. наук. Владимир. 2007. – 211 с.

212) Ощепков С.И. О единстве чувственного и рационального в познании // Вопросы образования и науки: теоретический и методический аспекты. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Тамбов. 2015. – С. 148-149.

213) Пальчикова Н.В. К вопросу о сущности доказывания как вида познавательной деятельности по уголовному делу // Вестник Тамбовского Университета. Серия: Гуманитарные науки. №8 (100), 2011. – С. 326–330

214) Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию: монография, - М.: Проспект, 2009. – 192 с.

215) Печников Г.А. Формальная или диалектическая логика должна определять уголовный процесс? // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. №1 (24). – С. 143-148.

216) Печников Г.А., Блинков А.П., Казначей И.В. О значении материалистической диалектики как истинно научного метода познания и объективной истины // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. №1 (32). – С. 115-119

217) Печников Г.А., Блинков А.П. Системность цели и принципов уголовного процесса // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2010. №1. С. 85-89

218) Пикалов И.А. Уголовный процесс Российской Федерации (краткий курс): Учебное пособие, 2005. Электронный ресурс – Режим доступа: <http://www.allpravo.ru/library/doc1897p0/instrum4772/item4785.html>

219) Пископель А.А., Л.П. Щедровицкий. Перспективы развития инженерной психологии // Вестник МГУ. Сер.14. Психология. 1981. № 1. – С. 22-32.

220) Пиюк А.В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации: типологический аспект: дисс док. юрид. наук. Томск, 2017. – 469 с.

221) Поварнин С. И. Общее учение о доказательстве. Петроград, 1916. – 210 с.

222) Поварнин С.И. Сочинения / Сост., вступит. статья, примеч. В. И. Кобзарь, Т. Е. Сохор, Л. Г. Тоноян (отв. ред.). – СПб.: Институт иностранных языков, 2015. – 800 с.

223) Поляков А.Ф. Понятийная триада «форма-содержание-смысл» // Вестник Бурятского Государственного Университета. 2014. № 6-1. – С. 118 – 121

224) Попов К. И. Доказывание в уголовном процессе // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. №2 (3). – С. 136-139

- 225) Попов П.С., Стяжкин Н.И. Развитие логических идей от античности до эпохи возрождения. «Издательство Московского университета», 1974 г. – 223 с.
- 226) Поппер К. Р. Что такое диалектика? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://khazarzar.skeptik.net/books/dialekt2.htm>
- 227) Право на справедливый суд в рамках Европейской конвенции о защите прав человека (статья 6): Руководство для юристов. Interights, 2008. – 99 с.
- 228) Профатилова Н. В. Оценка следователем достаточности доказательств при принятии основных процессуальных решений по уголовным делам: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008. – 202 с.
- 229) Профатилова Н.В. Оценка следователем достаточности доказательств при принятии основных процессуальных решений по уголовным делам: автореф. дис.... канд. юрид. наук [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1310235>
- 230) Рабцевич О.И. Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2003. – 220 с.
- 231) Радлов Э.Л. Мистицизм в современной философии // Теория познания II. Новые идеи в философии под. ред. Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова Сборник №5. Изд-во СПб, 1913. – С. 35-63.
- 232) Райнов Т. Гносеология Лотце // Теория познания III. Новые идеи в философии под. ред. Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова Сборник №5. Изд-во СПб, 1913. – С. 80-114
- 233) Риккерт Г. Два пути теории познания // Теория познания III. Новые идеи в философии под. ред. Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова Сборник №5. Изд-во СПб, 1913. – С. 1-79
- 234) Розенталь М.М. Принципы диалектической логики. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.kpu.org.ua/fragm_3.htm.

235) Россинский С.Б. Механизм формирования результатов «Невербальных» следственных и судебных действий в уголовном судопроизводстве. М. : Проспект, 2015. – 208 с.

236) Рузавин Г.И. Логика и аргументации: Учебн. Пособие для вузов. – М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997. – 351 с.

237) Рыбчинский В. Городской конструктор: Идеи и города / 2-е изд. М.: Strelka Press, 2015. – 232 с.

238) Свиридов М.К. Публичность как закономерность уголовного процесса // Правовые проблемы укрепления российской государственности. № 63. 2014. С. 3-7

239) Свиридов М.К. Установление судом истины в судебном разбирательстве // Вестник Томского Государственного Университета. № 353, 2011. – С. 142-147

240) Сеземан В.Е. Теоретическая философия Марбургской школы // Теория познания II. Новые идеи в философии под. ред. Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова Сборник №5. Изд-во СПб, 1913. – С. 1-34.

241) Сергеич П. (Пороховщиков П.С.) Искусство речи на суде. 3-е изд. – Тула: Автограф, 2000. – 320 с.

242) Середнев В.А. О ценности «артефактной» истины в уголовном процессе (философский аспект) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 3. – С. 171-178.

243) Смирнов А.В. Достаточность фактических оснований уголовно-процессуальных решений // Правоведение. №5. 1983. – С. 80-86

244) Смирнов А. В. Достаточные фактические основания уголовно-процессуальных решений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1984. – 20 с.

245) Современные теории познания: сб. обзоров и рефератов. - Москва : ИНИОН, 1992. – 167 с.

- 246) Соколов Н. Н. Разработка управленческих решений. Введение в курс лекций. Учебно-методическое пособие. М.: Изд-во «Спутник+», 2012. – 37 с.
- 247) Соловьев А.А. Типология уголовного процесса РФ и ее значение для формирования системы принципов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 1. том 105. 2012. – С. 247-254
- 248) Соловьева Н.С. Философия как метафизика: И. Кант и Баденская школа неокантианства : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Соловьева Наталья Сергеевна. Нижневартовск, 2010. – 178 с.
- 249) Солопов Е.Ф. Логика диалектики. К 240-летию со дня рождения Гегеля. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 240 с.
- 250) Сорина Г.В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность: Монография. – М.: Гардарики, 2005. – 253 с.
- 251) Спиркин А.Г. Философия. – М.: ГАРДАРИКИ, 2006. – 736 с.
- 252) Степаносова О.В. Интуитивные компоненты в процессе принятия решения: дисс. ... канд. психол. наук. 19.00.01. – 208 с.
- 253) Стойко Н. Г. Недоказанность обстоятельств уголовного дела. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1984, –103 с.
- 254) Стояти заодно/ М.Н. Загоскин [и др.]; Сост., коммент. И.Л. Андреева; предисл. Р.Г. Скрынникова. – М.: Мол. Гвардия, 1983. – 496 с.
- 255) Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Том1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Издательство «Наука», 1968. – 468 с.
- 256) Терентьев Н. Ю. Определение и классификация решений // Проблемы учета и финансов. 2013. № 4. – С.80-83
- 257) Тетенькин Б.А. Проверка доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания: автореф. дисс.... канд. юрид. наук. М., 1983. С. 18
[Электронный ресурс] – Режим доступа:
<http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1290991>

- 258) Титов В.Д. О специфике определений в юриспруденции // Логико-философские штудии. №3, 2005. – С. 197-205.
- 259) Тоноян Л. Г. О месте собирательных понятий в логике // Логико-философские штудии. 2009. №7. – С. 142-152.
- 260) Тоноян Л.Г. Разработка операции деления в трактатах Северина Боэция // Логико-философские штудии. 2008. № 5. – С. 67-83
- 261) Топольская А.Ю. Обоснованность и мотивированность процессуальных действий и решений в досудебном доказывании: проблемы теории и практики: дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону. 2012. – 206 с.
- 262) Травкин А.А. Сущность и сферы (пределы) действия правоприменительных актов (проблемы теории и практики): дис. ... кад. юрид. наук: 12.00.01. – 186 с.
- 263) Трахов Р.А. Обоснованность решений суда первой инстанции в российском уголовном процессе: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар. 2010. – 185 с.
- 264) Трубникова Т.В. Правила доказывания и принятия решений в уголовном процессе в механизме гарантирования каждому права на судебную защиту // Вестник Томского государственного университет. 2012. № 354. – С. 143-149
- 265) Трубникова Т.В. Пределы упрощения уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12 (61). С. 131 – 139.
- 266) Тыричев И.В. Принципы советского уголовного процесса: Учебное пособие / Отв. ред.: М. С. Дьяченко. - М., 1983. – 80 с.
- 267) Уголовный процесс России. Проблемные лекции: учебное пособие (для студентов высших юридических учебных заведений) / Науч. ред. В.Т. Тomin, А.П. Попов и И.А. Зинченко. Пятигорск: Изд., «РИА-КМВ».2014. – 412 с.
- 268) Ушанова Н.В. Возможность и действительность в российской правовой системе: дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2009. – 191 с.

- 269) Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Науч. ред.: Аврах Я.С. - 2-е изд., доп. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. – 206 с.
- 270) Федоренко Г.Г. Об интуитивизме Н.О. Лосского // К 65-летию Философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. № 17. 2006, – С. 203-209
- 271) Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Политиздат, 1991. – 560 с.
- 272) Философия: Учебник / Под ред. проф. О.А. Митрошенкова. - М. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://society.polbu.ru/mitroshenkov_philosophy/ch95_ii.html
- 273) Фискевич С. В. Оценка доказательств при производстве в суде с участием присяжных заседателей: автореф. дис.... канд. юрид. наук [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1678473>
- 274) Фихте И.Г. Наукословие в его общих чертах // Новые идеи в философии. Сб. 12. К истории теории познания. под. ред. Н. О. Лосского и Э. Л. Радлова. – СПб. : Образование, 1914. – С. 128-145
- 275) Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. – С.-Петербург: Сенатская Типография, 1910. – 583 с.
- 276) Франк С. Прагматизм как гносеологическое учение // Теория познания III. Новые идеи в философии под. ред. Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова Сборник №5. Изд-во СПб, 1913. – С. 115-157
- 277) Францифоров Ю.В. Противоречия уголовного судопроизводства: дисс... док. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007. – 569 с.
- 278) Хилл Т.И. Современные теории познания / под ред. Б. Э. Быховского. – М.: Издательство «ПРОГРЕСС», 1965. – 533 с.
- 279) Худякова Е. С. Значение и сущность решений в уголовном процессе // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2015. – Т. 15, № 3. – С. 80-83

- 280) Чашин А.Н. Доказывание и принятие решений в уголовном судопроизводстве : учебное пособие / А.Н. Чашин – М. : Дело и Сервис, 2012. – 154 с.
- 281) Чекалов Л.Л. Способы принятия решений в биологических системах, их эволюция и проблема описания. Вестник ТГУ. 2012. Философия. Социология. Политология №4 (20), вып.1. – С. 129-134
- 282) Чехов А.П. Избранные сочинения. В 2-х т. Т. 1. / Вступ. статья Г. Бердникова. – М.: Худож. лит., 1986. – 735 с.
- 283) Чурилов Ю.Ю. Оправдательный приговор в российском судопроизводстве: дисс... канд. юрид. наук. Воронеж, 2009. – 300 с.
- 284) Чурсанова И.А. Категориальное поле исторической науки: философский анализ // Вестник Воронежского Государственного Университета. Серия: Философия. 2013. №1. – С. 191-202
- 285) Шадрин В.С. Желаемое и действительное в досудебном производстве российского уголовного процесса [Электронный ресурс] // Международная Ассоциация Содействия Правосудию. – Режим доступа: <http://www.iuaj.net/node/536>
- 286) Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: «Норма», 2008. – 342 с.
- 287) Шекшуева О.Н. Вероятность и достоверность в уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования: автореф. дисс.... канд. юридических наук. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1218107>.
- 288) Шептулин А. П. Диалектический метод познания. — М.: Политиздат, 1983. – 320 с.
- 289) Шрамко Я. Очерк истории возникновения и развития аналитической философии // Логос. №2 (47). 2005. – С. 4-12.

- 290) Эйслер Р. Сознание и бытие // Теория познания II. Новые идеи в философии под. ред. Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова Сборник №5. Изд-во СПб, 1913. – С. 133-148
- 291) Якимович Ю.К. Актуальные вопросы дифференциации российского уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12 (61). С. 123 – 130.
- 292) Якимович Ю. К. Доказательство и доказывание в уголовном процессе России: учеб. пособие. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. – 80 с.
- 293) Якимович Ю.К. Избранные труды. – СПб.: Издательство «Юридический центр-Пресс», 2011. – 770 с.
- 294) Якимович Ю.К. Особенности уголовно-процессуальной деятельности // Закон и право. №7. 2015. – С. 106-110
- 295) Якимович Ю.К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. – Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2015. – 168 с.
- 296) Якимович Ю.К., Пан Т.Д. Судебное производство по УПК Российской Федерации. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 249 с.
- 297) Яковенко Б. В. Философия Вильгельма Шуппе // Вопросы философии и психологии: под. ред. профессора Н.Я. Грота и Л.М. Лопатина. Типо-литография Высочайше утвержденного Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко. Москва. Кн. 118 (3). 1913. – С. 175-223.
- 298) Яковенко Б. В. Философия Э. Гуссерля // Теория познания I. Новые идеи в философии под. ред. Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова Сборник №3. Изд-во СПб, 1913. – С. 74-146.

Приложение А

Анкета

ЗДРАВСТВУЙТЕ!

Просим Вас как экспертов ответить на вопросы ниже. Пожалуйста, ответьте на все вопросы, кроме тех, где отдельно указано, что их можно пропустить. Случаи, когда возможно выбрать несколько ответов, также специально оговорены.

Анкетирование проводится анонимно для завершения диссертационного исследования на тему «Познавательные решения в российском уголовном процессе», проводимого на кафедре уголовного процесса и криминалистики ЮИ СФУ (г. Красноярск).

1. Ваш статус:

- а) судья;
- б) прокурор (зам. прокурора, пом. прокурора);
- в) следователь / дознаватель;
- г) адвокат.

2. Ваш стаж работы в отмеченном выше статусе:

- а) до 2 лет;
- б) от 2 до 5 лет;
- в) от 5 до 10 лет;
- г) свыше 10 лет.

3. Ваш общий стаж работы по юридической специальности:

- а) до 2 лет;
- б) от 2 до 5 лет;
- в) от 5 до 10 лет;
- г) свыше 10 лет.

4. В каком субъекте РФ Вы в настоящее время осуществляете свою деятельность:

_____ (напишите наименование в именительном падеже)

5. В какой местности Вы в настоящее время осуществляете свою деятельность:

- а) городской;
- б) сельской.

6. Согласно ч. 4 ст. 7 УПК РФ: «Определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными». Что Вы понимаете под «обоснованностью уголовно-процессуальных решений»?

7. Как Вы считаете: всегда ли решения о возбуждении/об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, решения о привлечении лица в качестве обвиняемого, об избрании меры пресечения, о составлении обвинительного заключения / обвинительного акта, постановлении приговора принимаются *обоснованно*?

- а) да;
- б) нет;

в) свой вариант: _____

8. Необходимо ли, принимая решения, перечисленные в вопросе №7, соблюдать законы логики, в частности закон достаточного основания («Каждая истинная мысль должна иметь основание»):

а) да;

б) нет;

в) свой вариант: _____

9. Отметьте, пожалуйста, решения, требующие для своего принятия объективного, полного и всестороннего исследования обстоятельств уголовного дела (здесь возможны несколько вариантов ответа):

а) о возбуждении уголовного дела;

б) об отказе в возбуждении уголовного дела;

в) о прекращении уголовного дела;

г) о прекращении уголовного преследования;

д) о привлечении лица в качестве обвиняемого;

е) об избрании меры пресечения;

ж) о составлении обвинительного заключения;

з) о составлении обвинительного акта;

и) постановление приговора;

й) иные решения: _____

10. Отметьте, пожалуйста, решения, принимаемые только после достоверного установления обстоятельств, расследуемого события (здесь возможны несколько вариантов ответа):

а) о возбуждении уголовного дела;

б) об отказе в возбуждении уголовного дела;

- в) о прекращении уголовного дела;
- г) о прекращении уголовного преследования;
- д) о привлечении в качестве обвиняемого;
- е) об избрании меры пресечения;
- ж) о составлении обвинительного заключения;
- з) о составлении обвинительного акта;
- и) постановление приговора;
- й) иные решения: _____

11. В соответствии с ч.1 ст. 88 УПК РФ: «Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности - достаточности для разрешения уголовного дела». Отметьте, пожалуйста, решения, основания принятия которых должны оцениваться с позиции достаточности (здесь возможны несколько вариантов ответа):

- а) о возбуждении уголовного дела;
- б) об отказе в возбуждении уголовного дела;
- в) о прекращении уголовного дела;
- г) о прекращении уголовного преследования;
- д) о привлечении в качестве обвиняемого;
- е) об избрании меры пресечения;
- ж) о составлении обвинительного заключения;
- з) о составлении обвинительного акта;
- и) постановление приговора;
- й) иные решения: _____

12. Как Вы полагаете: степень достаточности информации для принятия решений, отмеченных Вами в вопросе №11, если сравнить эти решения между собой между собой:

а) отличается;

б) одинакова;

в) свой вариант: _____

13. В случае ответа а) на предыдущий вопрос поясните, пожалуйста, почему отличается и в чем заключается отличие (здесь возможны несколько вариантов ответа):

а) для принятия одних решений информации о расследуемом событии требуется больше, чем для принятия других;

б) чем больше информации для принятия решения, тем сильнее лицо, его принимающее, уверено в правильности этого решения;

в) чем меньше информации для принятия решения, тем неопределеннее сама ситуация, в которой принимается решение, недостаточно ясны последствия принимаемого решения: сложно понять приведет ли оно к достижению поставленных целей или нет;

г) количество информации, требуемое для принятия одних решений, позволяет окончательно установить обстоятельства уголовного дела, применительно же к другим решениям – позволяет установить только на уровне вероятности;

д) свой вариант: _____

14. Если Вы выбрали п. б) в ответе на 7 вопрос, отметьте причины принятия **необоснованных** решений о возбуждении/об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, решения о привлечении лица в качестве обвиняемого, об избрании меры пресечения, о

составлении обвинительного заключения/обвинительного акта, постановлении приговора (здесь возможны несколько вариантов ответа):

- а) загруженность гос. органов;
- б) нехватка времени для принятия обоснованного решения;
- в) неумение ЛПР (лицо, принимающее решение) эффективно организовать свое рабочее время;
- г) нарушение ЛПР законов логики;
- д) незнание ЛПР действующего законодательства, нарушение его;
- е) несовершенство законодательства (пробелы, коллизии);
- ж) неумение ЛПР работать с информацией, ее анализировать, организовывать, систематизировать;
- з) ведомственный контроль;
- и) активность стороны защиты;
- й) свой вариант: _____

15. Каковы, на Ваш взгляд, причины принятия **обоснованных** решений, перечисленных в вопросе № 14 (здесь возможны несколько вариантов ответа):

- а) наличие достаточного времени для принятия решения;
- б) слабый контроль со стороны вышестоящего должностного лица;
- в) низкий уровень нагрузки на ЛПР (например, в отдельных деревнях и сельской местности);
- г) высокий уровень логического мышления ЛПР, умение работать с информацией;
- д) большой опыт работы ЛПР по занимаемой должности;
- е) отсутствие противоречий в УПК РФ, его цельность;
- ж) пассивность стороны защиты;
- з) добросовестное отношение ЛПР к своим обязанностям, желание работать;

и) свой вариант: _____

БОЛЬШОЕ СПАСИБО!

Приложение Б

Таблица обработки результатов анкетирования

1. Ваш статус:

Вариант ответа	Количество ответов
а) судья	13,9%
б) прокурор (зам. прокурора, пом. прокурора)	21,6%
в) следователь / дознаватель	44%
г) адвокат	20,5%

2. Ваш стаж работы в отмеченном выше статусе:

Вариант ответа	Количество ответов
а) до 2 лет	17,5%
б) от 2 до 5 лет	20,9%
в) от 5 до 10 лет	20,3%
г) свыше 10 лет	41,3%

3. Ваш общий стаж работы по юридической специальности:

Вариант ответа	Количество ответов
а) до 2 лет	8,3%
б) от 2 до 5 лет	13,2%
в) от 5 до 10 лет	15,3%

г) свыше 10 лет	48,9%
-----------------	-------

4. В каком субъекте РФ Вы в настоящее время осуществляете свою деятельность:

Вариант ответа	Количество ответов
Красноярский край	91,6%
Омская область	4,8%
Калужская область	0,6%
Новосибирская область	0,6%
Ставропольский край	1,3%
Тверская область	0,6%

5. В какой местности Вы в настоящее время осуществляете свою деятельность:

Вариант ответа	Количество ответов
а) городской	94,4%
б) сельской	5,6%

6. Согласно ч. 4 ст. 7 УПК РФ: «Определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными». Что Вы понимаете под «обоснованностью уголовно-процессуальных решений»?

Ответы

Соблюдение принципа законности, справедливости; соответствие решений фактическим обстоятельствам и нормам права; обоснованность; нормативное требование, принятие в полном соответствии с законодательством, фактическими данными и с учетом имеющихся доказательств; полная доказательственная база; сбор всех доказательств, сбор всех доказательств и их оценка; законно принятые решения, должно быть законными и подтвержденными реальными обстоятельствами, исследование всех обстоятельств дела; наиболее подходящее к мотивированности решения; все доводы должны быть подкреплены доказательствами; подтверждение факта; объективность, доказательность, справедливость, достоверность собранных доказательств и правильная квалификация; вынесение решения в соответствии с законом; подтверждаемость какими-либо фактами; исчерпывающее познание всех обстоятельств, имеющих значение для дела; исследование доказательств и их оценка; правильное по существу, законное решение, подтвержденное доказательствами; соответствующие доказательству; истина, однозначное определение; совокупность, выраженных в законе норм, регулирующих деятельность по расследованию и разрешению уголовных дел с целью достижения задач уголовного процесса; доказанность, правильность, логичность принятых решений в соответствии с законом; без нарушений норм УПК, УК РФ; обоснованность заключается в доказывании или опровержении конкретных фактов; вывод из полученных в процессе деятельности данных; наличие достаточных данных для принятия решений (правовые нормы, на основании которых принимается решение); выводы органов, суда, подтвержденные определенными доказательствами; наличие логической взаимосвязи между выводами, изложенными в акте и имеющимися фактическими данными; их соответствие фактическим обстоятельствам дела; их соответствие фактическим обстоятельствам дела; подкрепление убедительными доказательствами;

соотношение фактов с буквой закона; фактические основания для принятия решения, т.е. целесообразность и правильность; вынесение с учетом фактически установленных обстоятельств; в решении, в котором содержится логика исполнителя в принятии именно такого процессуального решения; в процессуальном документе должно быть обоснование принятого того или иного решения, которое должно основываться на законе и установленных обстоятельствах; требование, предъявляемое к решениям, выносимое в ходе производства по уголовному делу, в соответствии с данным требованием выводы, содержащиеся в уголовно-процессуальных решениях должны быть подтверждены совокупностью относимых, допустимых и достаточных доказательств; обоснованы нормами закона; должно быть подкрепление законными основаниями; достаточность фактов, документов и др.; вызванные необходимостью иметь конкретную цель; отсутствие предусмотренных законом оснований для отмены указанных решений; обоснованность процессуальных решения предполагает, что отраженные в нем факты и выводы подтверждены достаточными доказательствами; основанное на фактах; основано на фактах и мотивированно; основано на фактах и мотивировано в тексте; соответствие уголовно-процессуальному доказательству; выводы должны подтверждаться фактами; подтвержденное доводами и весомыми доказательствами; подтверждение выводов доказательствами; достаточная доказательственная база; обоснованным следует считать постановление, которое вынесено на основании совокупности доказательств, которая является законным основанием его вынесения, подтверждается фактическими доказательствами; решения, основанные на фактических обстоятельствах, установленных и подтвержденных достаточной совокупностью объективных данных; выводы, содержащиеся в процессуальных решениях, должны соответствовать действительности и подтверждаться достоверными доказательствами; выводы, указанные в определении соответствуют действительности; обоснованность; «по делу», актуальные, необходимые на данной стадии процесса; принимаемое по

результатам правильной оценки фактических обстоятельств дела; подкрепленные доказательствами, доводами; мотивированность со ссылкой на закон своих выводов; изложены все имеющие значение для дела обстоятельства, а также доказанность этих обстоятельств и соответствие выводов; аргументированное, подкрепленное определенными доводами и нормами закона; соответствие выводов суда действительно существующим обстоятельствам дела.

7. Как Вы считаете: всегда ли решения о возбуждении/об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, решения о привлечении лица в качестве обвиняемого, об избрании меры пресечения, о составлении обвинительного заключения / обвинительного акта, постановлении приговора принимаются *обоснованно*?

Вариант ответа	Количество ответов
а) да	30,7%
б) нет	69,3%
в) свой вариант	Не всегда об отказе в ВУД; особенно об отказе в ВУД; естественно нет, иначе не было бы нужды в прокурорском надзоре, ведомственном контроле, 2 и 3 инстанции суда; если бы это было так, такие решения не отменялись бы.

8. Необходимо ли, принимая решения, перечисленные в вопросе №7, соблюдать законы логики, в частности закон достаточного основания («Каждая истинная мысль должна иметь основание»):

Вариант ответа	Количество ответов
----------------	--------------------

а) да	81,1%
б) нет	18,9%
в) свой вариант	Как правило, но не всегда; любой закон логики.

9. Отметьте, пожалуйста, решения, требующие для своего принятия объективного, полного и всестороннего исследования обстоятельств уголовного дела (*здесь возможны несколько вариантов ответа*):

Вариант ответа	Количество ответов
а) о возбуждении уголовного дела	60,8%
б) об отказе в возбуждении уголовного дела	72%
в) о прекращении уголовного дела	79,7%
г) о прекращении уголовного преследования	69,2%
д) о привлечении лица в качестве обвиняемого	78,3%
е) об избрании меры пресечения	47,5 %
ж) о составлении обвинительного заключения	72%
з) о составлении обвинительного акта	71,3%
и) постановление приговора	84,6%
й) иные решения	Все перечисленные выше варианты требуют объективного, полного и всестороннего решения; на этом основывается УПК РФ.

10. Отметьте, пожалуйста, решения, принимаемые только после достоверного установления обстоятельств, расследуемого события (здесь возможны несколько вариантов ответа):

Вариант ответа	Количество ответов
а) о возбуждении уголовного дела	54,5%
б) об отказе в возбуждении уголовного дела	61,5%
в) о прекращении уголовного дела	69,2%
г) о прекращении уголовного преследования	44%
д) о привлечении лица в качестве обвиняемого	51,7%
е) об избрании меры пресечения	34,2 %
ж) о составлении обвинительного заключения	63,6%
з) о составлении обвинительного акта	60,1%
и) постановление приговора	76,2%
й) иные решения	

11. В соответствии с ч.1 ст. 88 УПК РФ: «Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности - достаточности для разрешения уголовного дела». Отметьте, пожалуйста, решения, основания принятия которых должны оцениваться с позиции достаточности (здесь возможны несколько вариантов ответа):

Вариант ответа	Количество ответов
а) о возбуждении уголовного дела	68,5%
б) об отказе в возбуждении уголовного дела	62,9%
в) о прекращении уголовного дела	75,5%
г) о прекращении уголовного преследования	60,1%
д) о привлечении лица в качестве обвиняемого	69,9%
е) об избрании меры пресечения	48,2 %
ж) о составлении обвинительного заключения	62,9%
з) о составлении обвинительного акта	58,7%
и) постановление приговора	72,7%
й) иные решения	

12. Как Вы полагаете: степень достаточности информации для принятия решений, отмеченных Вами в вопросе №11, если сравнить эти решения между собой между собой:

Вариант ответа	Количество ответов
а) отличается	45,4%
б) одинакова	54,6%
в) свой вариант	У «а» и «д» одинакова

13. В случае ответа а) на предыдущий вопрос поясните, пожалуйста, почему отличается и в чем заключается отличие (здесь возможны несколько вариантов ответа):

Вариант ответа	Количество ответов
а) для принятия одних решений информации о расследуемом событии требуется больше, чем для принятия других	39,8%
б) чем больше информации для принятия решения, тем сильнее лицо, его принимающее, уверено в правильности этого решения	18,8%
в) чем меньше информации для принятия решения, тем неопределеннее сама ситуация, в которой принимается решение, недостаточно ясны последствия принимаемого решения: сложно понять приведет ли оно к достижению поставленных целей или нет	9,7%
г) количество информации, требуемое для принятия одних решений, позволяет окончательно установить обстоятельства уголовного дела, применительно же к другим решениям – позволяет установить только на уровне вероятности	17,4%
д) свой вариант	

14. Если Вы выбрали п. б) в ответе на 7 вопрос, отметьте причины принятия *необоснованных* решений о возбуждении/об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, решения о привлечении лица в качестве обвиняемого, об избрании меры пресечения, о

составлении обвинительного заключения/обвинительного акта, постановлении приговора (здесь возможны несколько вариантов ответа):

Вариант ответа	Количество ответов
а) загруженность гос. органов	35,6%
б) нехватка времени для принятия обоснованного решения	30%
в) неумение ЛПР (лицо, принимающее решение) эффективно организовать свое рабочее время	18,1%
г) нарушение ЛПР законов логики	19,5%
д) незнание ЛПР действующего законодательства, нарушение его	18,1%
е) несовершенство законодательства (пробелы, коллизии)	36,3 %
ж) неумение ЛПР работать с информацией, ее анализировать, организовывать, систематизировать	33,5%
з) ведомственный контроль	23%
и) активность стороны защиты	72,7%
й) свой вариант	«Приказ сверху»; неполнота проверок в порядке ст. 144-145 УПК РФ; недостаточность экспертной базы, длительность экспертиз, сложность в оперативном получении доступа к экспертной информации (специальным знаниям технического характера);

	неподготовленность и проф. несостоятельность ЛПР; отсутствие необходимых показаний
--	--

15. Каковы, на Ваш взгляд, причины принятия *обоснованных* решений, перечисленных в вопросе № 14 (*здесь возможны несколько вариантов ответа*):

Вариант ответа	Количество ответов
а) наличие достаточного времени для принятия решения	41,9%
б) слабый контроль со стороны вышестоящего должностного лица	4,1%
в) низкий уровень нагрузки на ЛПР (например, в отдельных деревнях и сельской местности)	11,1%
г) высокий уровень логического мышления ЛПР, умение работать с информацией	55,2%
д) большой опыт работы ЛПР по занимаемой должности	41,2%
е) отсутствие противоречий в УПК РФ, его цельность	33,5 %
ж) пассивность стороны защиты	1,3%
з) добросовестное отношение ЛПР к своим обязанностям, желание работать	62,2%
и) свой вариант	Действия в соответствии с

	<p>законодательством и его правильное применение; хорошее знание норм материального и процессуального права; проведение необходимых экспертиз, получение пояснений специалистов по вопросам, требующим разъяснений.</p>
--	---

Приложение В

Фасетная классификация решений в российском уголовном процессе

